

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы
имени П.А. СТОЛЫПИНА

Научный журнал

№ 3 (16)
2008

Саратов

Научный журнал

Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов (председатель), **Л.В. Гильченко** (Приволжский федеральный округ),
П.Л. Ипатов (Саратовская область), **В.В. Артяков** (Самарская область),
О.И. Бетин (Тамбовская область), **В.К. Бочкарев** (Пензенская область),
С.И. Морозов (Ульяновская область), **Ю.З. Камалтынов** (Республика Татарстан),
Г.Ф. Игнатович (Оренбургская область)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция апрель 2008 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора (по направлениям «Социология», «Политология») и кандидата наук (по направлениям «Философия», «Культурология», «Право», «Социология», «Политология»).

Подписной индекс в Роспечати 20432

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2008

№ 3 (16)
2008

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE
NAMED AFTER P.A. STOLYPIN

Science magazine

Founder:

Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin

Editor-in-chief: Professor ***S.Yu. Naumov***

Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

S.Yu. Naumov (Chairman), ***L.V. Ghilchenko*** (Volga Region Federal District),
P.L. Ipatov (Saratov Region), ***V.V. Artiakov*** (Samara Region),
O.I. Betin (Tambov Region), ***V.K. Bochkarev*** (Penza Region),
S.I. Morozov (Ulianovsk Region), ***Yu.Z. Kamaltynov*** (Republic of Tatarstan),
G.F. Ignatovich (Orenburg Region)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; ***V.V. Gerasimova***,
Doctor of Economic Sciences; ***V.P. Zhukovsky***, Doctor of Pedagogic Sciences;
L.V. Konstantinova, Doctor of Sociological Sciences; ***E.G. Lipatov***, Candidate
of Sciences (Jurisprudence); ***O.I. Marchenko***, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology); ***I.V. Rackevich***,
Candidate of Sciences (Economy); ***A.N. Romantsov***, Doctor of Economic Sciences;
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sociological Sciences; ***T.P. Fokina***,
Candidate of Sciences (Philosophy); ***O.I. Tsibylevskaya***, Doctor
of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, Candidate of Sciences (Sociology);
T.I. Cherniaeva, Doctor of Sociological Sciences

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2008

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 32.001
ББК 66

В.С. Колчина

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОЛЬЗЫ И РИСКА ПРИ ПРИНЯТИИ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Политика, как известно, имеет своей целью ориентировать общественное развитие в благоприятном для человека направлении путем определения общих задач и применения согласованных средств их решения. В связи с этим термин «политика» обычно увязывается с характеристикой активного человеческого начала: способностью сознательно ставить цели и определять способы их достижения, а также умением соизмерять затраты и результаты. Таким образом, политика как процесс подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений предполагает следующие важнейшие стадии осуществления: определение целей, принятие решений, организация масс, мобилизация ресурсов, регулирование политической деятельности, контроль за ней, анализ полученных результатов и постановка новых целей, разработка и принятие политико-управленческих решений.

В разработке политико-управленческих решений задействованы в той или иной мере, помимо государства, ведущие партии, бизнес-сообщество. Каждый из них выполняет при этом конкретные функции, решает определенные задачи (табл. 1).

Между тем политико-управленческие решения зачастую принимаются без учета этого. Так, депутаты Саратовской областной Думы предыдущего созыва на вопрос «На основе чего Вы принимаете политико-управленческое решение?» ответили следующее: на основе собственного мнения – 60%; аналитических материалов, подготовленных в аппарате областной Думы – 20%; анализа мате-

риалов, поступающих из исполнительных органов власти – 15%; обращений граждан и организаций – 5% (данные опроса депутатов Саратовской областной Думы, проведенного автором в 2006 г.). Принятое таким образом политико-управленческое решение, как показывает практика, не всегда эффективно и реализуемо.

Таблица 1

**Роль различных структур
в разработке политико-управленческих решений**

Государство	Партии	Бизнес-сообщество
Постановка целей развития Выработка приоритетов Формирование механизма развития	Формулировка идей развития	Организация производства и обращения в рамках разработанной стратегии развития
Установка правил регулирования	Распространение идей развития среди масс	Делегирование конкретных функций бизнесу
Введение стимулов за реализацию стратегического развития	Доведение обоснованных предложений до государственных органов	Проявление частного интереса как двигателя общественного процесса

В современном обществе политика выполняет ряд значимых функций, без которых государство не может нормально развиваться. Организуя общественную жизнь, государство посредством выработанных политико-управленческих решений всегда выступает как механизм подавления и принуждения людей к поддержанию определенных политических порядков и форм поведения, то есть осуществляет, по сути, политическое управление.

Область политического управления определена границами, с одной стороны, сферы политического влияния, с другой – управления. Политика начинается там, где какая бы то ни было деятельность оказывается связанной с государством и затрагивает отношения больших социальных групп, имеющих несовпадающие интересы. Управление же, если рассматривать его в функциональном аспекте, выступает как субъект-объектное, вертикальное взаимодействие, отношение соподчинения. Политическое управление, таким образом, если говорить о деятельности государства, – это сфера государственного управления, затрагивающая отношения больших социальных групп с несовпадающими интересами.

Функции государства как механизма управления, ответственного за стабильность общественной системы, складываются из двух составляющих: внешней и внутренней. Внешние, в свою очередь, подразумевают два слагаемых: формирование благоприятной для общества среды и поддержание границы со средой в таком состоянии, в котором она была бы способной осуществлять селекцию внешних воздействий на благоприятствующие развитию общества и катастрофические. Известно, что полная автаркия ведет к застою и деградации, полная открытость – к разрушению под внешним воздействием. От государства требуется не обеспечение открытости (это можно сделать и без него), а определение и поддержание такой меры и структуры открытости (или закрытости), которая благоприятствует стабильности и развитию общественной системы.

Как по отношению к внешней среде, так и по отношению к сфере самоорганизации существуют две внутренние функции государства: развивающая – поддержка, создание благоприятных условий для тех новых организационных форм, которые способны дать дополнительный импульс развитию общества в целом; охранительная – подавлять рост опасных для общества форм. В недрах гражданского общества рождаются не только общества филателистов и правозащитников, не только профессиональные союзы и союзы предпринимателей, но и организации скинхедов, структуры организованной преступности и подобные. Как и в случае с внешней средой, от государства требуется не поддержка гражданского общества вообще и не тем более подавление процессов самоорганизации, а четкая политика, выстраивание приоритетов и ранжирование отношений от поддержки до противодействия по критерию общественного интереса.

Формирование политико-административного управления, отвечающего современным стандартам и российской специфике, – задача сложная не только в теоретическом отношении, но и в плане реализации. Требуется глубокая реконструкция сложившегося механизма, затрагивающая интересы значительной части государственных служащих, в том числе той, от которой зависит общественная и государственная модернизация. Для преодоления неизбежного в подобных случаях торможения необходимы механизмы мотивации участников перемен и система гарантий для тех, чьи интересы могут быть ущемлены. Требуется также понимание того, что эффективность государственного управления измеряется общественно значимым результатом и может быть достигнута лишь в условиях единства власти и общества, посредством соучастия в подготовке, принятии и реализации особого рода решений – политико-управленческих.

Соотношение политики и управления неизбежно, так как политика – основа политико-административного управления общественными отношениями, а управление – целенаправленное, планомерно организованное воздействие на общественную систему в интересах ее упорядочения, оптимального функционирования и развития. Эффективность государственного управления зависит прежде всего от результативности основных институтов политико-административной системы, степени реализации важнейших функций органов власти и управления, тех, которые осуществляют политики.

Политики – это активные практические участники общественной политической сферы, чья деятельность направлена на достижение, удержание, укрепление и реализацию власти, они же разрабатывают политико-управленческие решения. Администраторы, чиновники – не просто исполнители принятых законов, они также проводят политику, имеют достаточную свободу действий по интерпретации законов, которым они подчиняются, и решению вопросов о том, когда, как и в какой мере их реализовывать.

В этом смысле наиболее актуальным является анализ сущности политико-управленческого решения как симбиоза двух решений: политического и управленческого. Политико-управленческое решение – особый вид решений, связанный с таким типом публично-государственных решений, которые характеризуются, во-первых, формулированием общих задач, где выражены базовые ценно-

сти и коренные интересы основных социальных групп и политических акторов; во-вторых, воспроизводством (изменением) нормативных и институциональных параметров общественно-политического порядка; в-третьих, регулированием и распределением ключевых общественных ресурсов [1, с. 43].

Кроме того, политико-управленческое решение рассматривается как осознанно сделанный субъектом государственного управления выбор динамики системы управления из множества альтернатив. Особенности такого вида решения состоят в следующем: во-первых, оно готовится и принимается в политико-управленческой сфере деятельности; во-вторых, затрагивает прежде всего интересы акторов, участвующих в политико-управленческом решении; в-третьих, существует выбор из множества альтернатив одной или нескольких политико-управленческих целей; в-четвертых, оно направлено на реализацию политико-управленческих целей; в-пятых, при его реализации определены действия политиков и администраторов в политико-управленческой сфере.

В теории управления процесс, связанный с решением, разбивается на три этапа: подготовка, принятие (выражение воли), реализация. Подготовка и принятие решений определяются как последовательность действий, включающих следующие стадии: анализ проблемной ситуации, постановка проблемы, сбор информации, определение возможных альтернатив, выбор действующими лицами одной из альтернатив в соответствии с их иерархией ценностей (табл. 2).

Таблица 2

**Стадии процесса подготовки и принятия
политико-управленческого решения**

Стадия	Характеристика стадии
Анализ проблемной ситуации	Возможность повлиять на выбор ситуации, которая может быть подвержена управляющему воздействию
Постановка проблемы	Определение конкретной проблемы, формулировка цели и задачи, требующей решения
Сбор информации	Необходимость получения всей нужной информации о решаемой проблеме
Определение возможных альтернатив	Уточнение и анализ на основе полученной информации имеющихся вариантов решения и выявление среди них альтернативных
Согласование с другими субъектами	Заинтересованность нескольких субъектов в подготовке и принятии решений и распределение приоритетов вариантов решений по степени ценности

Анализ проблемной ситуации – первая стадия принятия решения – проводится с целью выявления круга проблем. Потребность в принятии решения возникает тогда, когда возникает ситуация, которая оценивается субъектом как неблагоприятная, то есть проблемная. Как правило, исследователи называют пять причин возникновения проблемной ситуации: неполадки в управляемой подсистеме; указания вышестоящих органов; истечение срока действия предыдущего решения; необходимость корректировки ранее принятого решения; новое

состояние управляющей подсистемы. Анализ ситуации проводят профессионалы-чиновники, которые могут либо актуализировать ее, либо, если нет объективных обстоятельств для оценки ее как проблемной, просто не рассматривать. Тем самым уже на первой стадии подготовки и принятия решения чиновники имеют возможность повлиять на выбор ситуации, которая подвергнется (или не подвергнется) в дальнейшем управляющему воздействию.

На стадии постановки проблемы происходит конкретизация: между проблемами выявляется взаимосвязь и взаимозависимость, четко формулируются цели и задачи, требующие решения, анализируется соотношение пользы и риска при условии их реализации, определяются возможные варианты развития событий. Выбор целей представляет собой сложную задачу, для выполнения которой необходим, с одной стороны, достаточно обширный объем информации, с другой – высокопрофессиональная подготовка, опыт творческой работы, умение готовить многоаспектные управленческие решения. Синтез этих двух явлений осуществляется только на уровне высококвалифицированных специалистов, выбирающих в конечном счете те цели, которые актуальны и реально достижимы в конкретных условиях времени, ресурсов и общественных потребностей.

Сбор информации – это стадия, характеризующаяся выявлением необходимости в получении всей нужной информации о решаемой проблеме. Информация структурируется и анализируется, наполняя концепцию реальным содержанием и давая возможность ее конкретизировать, оценить вероятные последствия развития по тем или иным сценариям, возможность и последствия воздействия случайных факторов, степень риска. За информацией органы исполнительной власти могут обратиться к различным источникам: собственным пресс-службам, специализированные информационные подразделения, библиотеки, различного рода академические и негосударственные аналитические центры. Весьма значимым фактором, который необходимо учитывать при разработке политико-управленческих решений, является общественное мнение об их целесообразности.

На основе полученной информации на стадии определения возможных вариантов уточняются и анализируются имеющиеся варианты. Среди них выявляются альтернативные, то есть противоположные, взаимоисключающие. Затем отбираются те из них, которые допустимы с точки зрения установленных субъектами принятия решения критериев. Допустимые варианты сопоставляются, выстраивается их иерархия по степени ценности.

Политико-управленческое решение – это способ реализации интересов различных участников политических событий, каждый из которых преследует собственные цели. Согласование с другими субъектами необходимо, поскольку в политике никогда не бывает так, чтобы в решении той или иной проблемы был заинтересован только один субъект. При этом распределение приоритета вариантов по степени ценности одного может не совпадать с приоритетами другого. В этом проявляется специфика политико-управленческого решения: несоответствие подходов порождает неоднозначность приоритетов. Как следствие, в отличие от решений, принимаемых в других сферах, подготовка политико-

управленческого решения обязательно проходит стадию согласования, явного или неявного, с другими субъектами, способными поддержать или свести на нет усилия по выполнению решения после его принятия.

В политико-управленческой практике чрезвычайно важна процедура подготовки и принятия решения. Требования к ней следующие: целесообразность, своевременность, системность, соответствие закону, подчиненность общечеловеческим принципам. Прежде чем принимать решение, необходимо рассмотреть и добиться общего одобрения при обсуждении повестки дня, регламента, санкций, ограничений, критериев. Нарушение процедуры подготовки и принятия политико-управленческого решения может привести к нулевому результату, ибо плохо организованный или вовсе не организованный процесс подготовки и принятия решения фактически означает, что оно не состоялось.

При подготовке и принятии политико-управленческого решения особое внимание следует уделить проблеме выбора решения, если оно альтернативно. Чтобы понять, насколько эффективно и результативно подготовленное и принятое политико-управленческое решение, необходимо предвидеть ход и развитие процесса его подготовки, уметь анализировать то, что должно произойти в ходе этого процесса, то есть требуется умение прогнозировать ситуацию, ход событий в процессе подготовки и принятия решения, а главное – предвидеть степень его эффективности в случае реализации.

Всякое решение представляет собой выбор из не менее чем двух альтернатив, порой просто состоящий в дилемме: принимать ли вообще это решение или отложить его [1, с. 243]. На этапе выбора решения участникам его подготовки и принятия приходится довольно много времени уделять оценке и обсуждению его выгод и издержек, позитивных и негативных последствий. В конечном итоге политик, делающий окончательный выбор и принимающий на себя всю ответственность за это, может сам отбросить какие-то менее важные, на его взгляд, критерии, чего не может сделать аналитик, эксперт, и тем самым «отфильтровать» искомое и оптимальное, со своей точки зрения, решение.

Возможно, примером может послужить политико-управленческое решение, принятое Президентом РФ В.В. Путиным, который не стал нарушать Конституцию РФ и избираться на третий срок. Но, заботясь о реализации политических установок, выработанных за восьмилетний срок его правления, и о стабильности в России, он принял решение о продолжении политической деятельности в ранге премьер-министра и о, фактически, передаче поста главы государства преемнику. При этом, безусловно, был политический риск: так как никто не смог бы дать гарантию избрания президентом названного им лица.

Стремясь минимизировать политические риски, В.В. Путин возглавил список партии «Единая Россия», проверяя, как население проголосует за нее. Известно, что партия «Единая Россия» на парламентских выборах 2007 г. одержала победу с большим отрывом от конкурентов. В декабре того же года съезд «Единой России» выдвинул кандидатуру Д.А. Медведева на пост Президента России. В президентских выборах участвовали четыре кандидата, один из которых – Д.А. Медведев – уверенно победил, и политическая преемственность была обеспечена.

Конечно, в реальном процессе государственного управления далеко не всегда имеются возможности, время и ресурсы, чтобы пройти по всем этапам детализированного алгоритма, но очевидно, что при разработке пояснительной записки к проекту решения, где содержится его аналитическое обоснование, многие из результатов подобных оценок могут послужить хорошими аргументами для выбора именно проработанного таким образом варианта.

В современной политике наиболее общие цели формулируются в программах и уставах партий, движений и объединений, в стратегических программах правительства и предвыборных платформах кандидатов в президенты, преамбулах к конституциям, законам и административным актам, а также в официальных декларациях отдельных публичных политиков и коллективных резолюциях общественных форумов и партийных съездов. Общие цели должны быть приложены к конкретной проблемной ситуации, причем их интерпретация зависит от ценностей и критериев их носителя, то есть участника процесса. В связи с этим формулировка целей носит императивный характер, так как выражает легитимную волю участника. Даже сообразно иерархии ценностей может быть определена система приоритетов и оценочных критериев для того или иного отдельного решения, которая будет строиться под задачи конкретного политического агента.

Наиболее фундаментальную роль играют оценочные критерии, опирающиеся примерно на те же базовые общественные ценности, что и рассмотренные немногим ранее субстанциональные цели, с той разницей, что критерий должен включать в себя параметры, позволяющие оценить степень соответствия или продвижения содержания решения заявленным ценностям. Например, американские политологи часто выделяют критерий «эффективность – результативность – справедливость», который опирается на ценности материального благосостояния и человеческого достоинства. Выделенные базовые критерии дают возможность охарактеризовать и проранжировать так называемые приоритеты. Дж. Андерсон считает, что «политические (или политико-управленческие) приоритеты означают ранжирование пунктов повестки, когда одни ее аспекты считаются более важными или вытесняющими другие позиции» [2, с. 85–86].

При поиске оптимальной или наиболее приемлемой версии решения необходимо определить множество допустимых альтернатив, удовлетворяющих сформулированным ранее ограничениям, которые могут иметь правовой и ресурсный, моральный и технологический характер, а также «качественное» или «количественное» представление. «Качественное» ограничение обычно формулируется в словесной форме. Например, не разрешается (или запрещается) производить определенные действия. Количественные ограничения могут быть односторонними или двусторонними, то есть «не менее или не более» или «в интервале от ... до».

В ходе продвижения альтернативы в предпоследней ступени участникам приходится прибегать к процедурам политического прогнозирования: выяснению порядковых значений, характеризующих возможное состояние будущего, определение вероятности появления тех или иных событий, а также операци-

ональных средств. Иными словами, прогнозирование, как оценка соотношения пользы и риска, предусматривает вероятностную оценку влияния результатов данного варианта деятельности, включающего совокупность способов достижения цели, на изменение текущей ситуации и ее будущее состояние.

Библиографический список

1. Дегтярев, А. А. Принятие политических решений [Текст] / А. А. Дегтярев. – М., 2004.
2. Anderson, G. Public Policy making: An Introduction [Текст] / G. Anderson. – Boston, 1994.

УДК 316.354
ББК 60.56

И.В. Марятов

ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В целях создания механизма защиты от ошибок и просчетов в деятельности муниципальных образований необходимо использовать процессный и системный подходы. Данные подходы существенно дополняют традиционные представления о деятельности вообще и муниципальных образований в частности.

Процессный подход предполагает, что вся деятельность осуществляется через процессы, понимаемые как последовательность действий, посредством которых достигаются определенные результаты. Этими результатами могут быть создание продукции, исполнение услуги, формирование решения, организация и координация взаимосвязанных и взаимодействующих действий, контроль исполнения [1]. По нашему мнению, процессный подход – единственный и естественный способ, который обеспечивает возможность ясного, четкого и достоверного описания каждого действия, определение критериев его оценки и показателей результативности, эффективности и гибкости. В ходе осмысления, разработки, идентификации и описания процесса появляется возможность его упрощения, удешевления и совершенствования. Кроме того, существующие различные формы описания позволяют обеспечить простоту, наглядность и лучшее восприятие процесса. Результат осуществления процессного подхода – возможность *управлять процессом*: в условиях ограниченности средств и ресурсов достигать требуемых результатов с минимальными затратами [2].

Таким образом, процессами деятельности муниципальных образований являются совокупности взаимосвязанных или взаимодействующих видов действий, преобразующих входные элементы (политика, ресурсы, потребности и

ожидания населения) в результате (продукция и услуги, предоставляемые гражданам) [1]. Для того чтобы руководство муниципальных образований смогло оценить и принять процессный подход, важно, чтобы конкретные представители органов власти муниципальных образований четко распознавали различные типы и виды процессов, которые им необходимо осуществлять для предоставления надежных услуг населению.

Однако для осознания важности процессного подхода в деятельности муниципальных образований требуется понимание того, что любая организация, в том числе и орган управления муниципальным образованием, – это упорядоченное множество элементов и процессов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и образующих некоторое целое единство. Такое понимание дает *системный подход*, в соответствии с которым считается, что на общий результат деятельности организации влияют как отдельно взятый элемент (процесс), так и их совокупности. В свою очередь устойчивость и управляемость организации определяется самым слабым элементом или процессом системы.

Качество работы органов управления во многом зависит от обеспечения выполнения минимальных условий надежности для всех ключевых процессов и услуг, которые они предлагают населению. В связи с этим местным органам управления рекомендуется четко определить все элементы, способствующие достижению данной цели: аппаратные средства (оборудование), программное обеспечение (методы и процедуры) и человеческие ресурсы.

Осуществлению процессного и системного подхода сегодня препятствует достаточно большое количество проблем. Одной из них, но весьма существенной является полисемия – неоднозначность значений терминов, суждений, толкований, из-за чего отсутствует единство понятий, обозначающих наиболее важные действия.

Ключевые определения, относящиеся к деятельности муниципальных образований: *процесс, система, качество, управление, менеджмент*. Их полисемия препятствует четкому, ясному и понятному описанию структуры, содержания деятельности органов управления муниципальным образованием, динамической составляющей процессов деятельности и механизма управления ими.

Тем не менее уже давно существует механизм, определяющий деятельность организации на основе процессов, управления ими и позволяющий с заданной точностью эффективно достигать желаемых результатов. Работа с таким механизмом требует согласованности действий всего персонала, чего можно добиться только лишь в условиях терминологического единства и смыслового понимания. В этих целях используются операциональные определения всех ключевых понятий. Достоинством операционального определения является четкая целевая ориентация и направленность действия обозначаемого им предмета, явления [3].

Изначально данные механизмы разрабатывались в промышленном секторе, сейчас они начинают применяться в органах местного управления. Внедрению данного механизма послужили освоение идеологии сервисного характера деятельности органов власти и рекомендации Международной организации по стандартизации и внедрению международного технического соглашения ISO IWA 4 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по применению ИСО 9001:2000

в местных органах управления», в которых таким механизмом выступает система менеджмента качества. Это позволяет местным органам самоуправления направлять свою деятельность и управлять ею с целью удовлетворения потребностей и ожиданий населения.

Благодаря свойству «аутопозза» [4] в социальных институтах механизмы управления процессами реально существуют и функционируют, но деятельность их осуществляется в *ретроспективном* режиме: как правило, в случаях проявления отклонений при выполнении задач, выявления нежелательных результатов, возникновения проблем и их последствий действия осуществляются как реакция на них. Причины же отклонений не исследуются, в лучшем случае – угадываются. *Предупреждение* отклонений и проблем чаще всего не проводится. Данное обстоятельство – общая «болезнь» всех отечественных социальных институтов, причиной которой является отсутствие четкого описания динамики деятельности вообще, органов власти в том числе и муниципальных образований в частности. Таким образом, требуется на основе применения процессного и системного подходов осуществить переход на *превентивный режим* работы.

Для реализации указанных подходов необходимо организовать и практически осуществить следующие виды процессов:

основные и определяющие функционирование муниципального образования; обеспечивающие: ресурсные, организационные, управления процессами и документированные.

Созидательный процесс – это основа любого вида деятельности, так как только в нем создаются ценности, которые могут быть использованы теми, для кого эти процессы организуются, осуществляются и позволяют получить требуемые результаты. Все остальные процессы, необходимые и достаточные для полной и эффективной работы, являются дополнительными (вспомогательными), ибо задача их – обеспечить осуществление созидательного процесса. «Решение вопросов местного значения» – созидательные процессы, дающие возможность решить указанные вопросы, чем обеспечивается удовлетворенность и, как следствие, качество жизни населения.

Созидательные процессы в муниципальном образовании характерны для соответствующих субъектов хозяйственной деятельности, непосредственно решающих вопросы местного значения (например, энергоснабжение, коммунальные услуги, производство продукции, предоставление хозяйственно-бытовых услуг, образование, обеспечение общественного порядка), а также для подразделений органов местного управления, оказывающих соответствующие услуги населению (различного вида регистрации, оформление и выдача документов).

Созидательные процессы возможны при наличии необходимых ресурсов, в связи с чем существуют *ресурсные процессы*. В настоящее время на практике ресурсами считается следующее:

кадры – профессиональные руководители органов власти муниципального образования и муниципальные служащие;

инфраструктура – оборудование, сооружения, связь, энергетика, оргтехника, программное обеспечение, транспорт;

рабочая среда – система взаимоотношений людей, морально-нравственная и психологическая атмосфера, способствующая деловой и творческой деятельности людей – участников системы социальных действий [1].

Для обеспечения работы муниципального образования требуется проведение планирования, организации, координации, контроля за состоянием и динамикой деятельности. Осуществлять их могут профессиональные сотрудники: муниципальные служащие и их руководители. Такой вид процесса – *организационный* – по определению является *менеджментом* [5]. Это, собственно, и есть тот процесс, который призваны осуществлять руководители органов местного управления.

Возможна ситуация, когда созидательный, ресурсный и организационный процессы желаемых результатов могут не принести, поскольку *вариабельность* приводит к отклонению от желаемых результатов. Вариабельность возникает в результате повсеместного и постоянного проявления изменчивости, разброса, рассеяния – несоответствий. Несоответствия, в свою очередь, происходят в результате полисемии, ошибок, нарушений, отклонений, заблуждений, оплошностей, забывчивости. Они приводят к значительным потерям, затратам, которые отвлекают на устранение их последствий до 50–80% ресурсов, расходуемых на полезную деятельность. В худших случаях несоответствия приводит к авариям, катастрофам, ликвидации организаций и прекращению деятельности, летальным исходам.

Таким образом, для осуществления эффективной деятельности без потерь на исправление последствий от несоответствий необходимо с помощью трех перечисленных процессов обеспечить управляемость, которая достигается через следующее:

- способность исправлять и предупреждать ошибки (несоответствия) и их последствия;

- возможность сохранять осуществление процесса в заданном режиме, при заданных параметрах и характеристиках;

- достижение запланированного результата в условиях ограничений и активного воздействия на процесс отклоняющих факторов.

Другими словами, необходимо осуществлять осознанное и профессиональное управление процессами. В данном случае управление понимается как «функция организмов, систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающих сохранение их определенной структуры, поддержание режимов деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [5]. Именно эта функция и дает возможность обеспечить управляемость процессов через управляющие воздействия, позволяющие стабилизировать процесс, сохранять режим деятельности и достигать цели в условиях воздействия отклоняющих факторов (несоответствий) и заданных ограничений. Применительно к деятельности муниципального образования это означает, что определены и поставлены цели и задачи, приняты соответствующие решения по вопросам местного значения, в которых четко обозначены соответствующие требования; разработаны процессы выполнения решений с обозначением критериев их оценок и показателей; организованы контроль и

наблюдение за всеми происходящими процессами с учетом и регистрацией результатов исполнения решений и осуществления процессов; организованы действия по выявлению несоответствий (разницы между показателями требований и реальными полученными результатами), их анализу, оценке и обеспечена возможность оперативного их устранения; имеется возможность выявления и устранения причин несоответствия; обеспечена возможность предупреждения возникновения потенциальных несоответствий, что особенно важно для муниципальных образований, так как только предупреждающие действия способствуют обеспечению экономии различных видов весьма ограниченных средств и ресурсов, к тому же затрачиваемых на исправления, устранения несоответствий и их последствий.

Все перечисленные действия составляют суть управления несоответствиями, или управляемость процессов.

Действия, которые завершают обеспечение результативного, эффективного и мобильного (гибкого) функционирования связаны с *процессами документирования*. Системный подход требует проводить тщательное, постоянное и непрерывное наблюдение за результатами всех процессов, сравнивать эти результаты с запланированными и в необходимых случаях выявлять причины возникновения и устранять выявленные отклонения. Все это возможно только при тщательном документировании процессов и их результатов, поскольку только тогда становится возможным своевременно, не дожидаясь негативных последствий провести мероприятия по их предупреждению. Более того, соответствующим образом оформленные документы позволяют обеспечить юридическую защиту исполнителю и руководителю процессов, а потребителю (в данном случае – населению) – убедиться в достоверности осуществления деятельности органов власти муниципального образования.

Перечисленные процессы и их взаимодействие составляют механизм функционирования муниципального образования, защиты и гарантий от ошибок и просчетов. Тщательная разработка процессов позволит профессионально обеспечить качество жизни населения муниципального образования.

Осуществляемый сегодня руководителями муниципальных образований ретроспективный режим деятельности создает множество проблем, решение которых возможно только с освоением новых стратегий, новых видов действий, каковыми являются системный и процессный подходы. Их изучение, внедрение и практическое использование дает возможность создания механизма, защищающего руководителей от ошибок и просчетов, обеспечивает значительное повышение результативности и эффективности работы муниципальных органов за счет экономии средств и ресурсов, которые сегодня в большом количестве расходуются на устранение несоответствий и их последствий, создает условия для обеспечения высокого качества жизни населения.

Библиографический список

1. Международное техническое соглашение ISO IWA 4 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по применению ИСО 9001:2000 в местных органах управления» [Текст] / пер. с англ. – М., 2006.

2. Долятовский, В. А. Исследование систем управления [Текст] / В. А. Долятовский, В. Н. Долятовская. – М., 2003.
3. Деминг, Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами [Текст] / Э. Деминг ; пер. с англ. – М., 2007.
4. Матурана, Умберто. Древо познания [Текст] / Умберто Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М., 2001.
5. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках [Текст] / редактор-координатор Г. В. Осипов. – М., 2000.

УДК 314:312
ББК 60.72

Д.А. Кистанкин

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В современном российском социально-политическом пространстве наряду с формальными, правовыми практиками органов власти укрепляются неформальные практики и связи. Они во многом обусловлены, с одной стороны, геополитическим разнообразием условий страны и социально-культурных традиций России, а с другой – централизацией экономических, финансовых и социально-политических ресурсов на федеральном уровне и отстранением от них региональных органов власти. Естественно, что подобная специфика Российского государства находит свое отражение в различных сферах государственной политики.

Так, государственная политика Российской Федерации в сфере миграции представляет собой систему управления на нескольких уровнях. На федеральном уровне утверждаются концепции, стратегии и принципы функционирования миграционной политики; на региональном и муниципальном уровнях федеральная стратегия реализуется на конкретной территории с определенными экономическими, культурными, социальными и демографическими характеристиками, которые обуславливают специфику миграционной политики, ее характер, масштабы и последствия. Именно экономические, культурные, социальные и демографические характеристики территории способствуют возникновению различных неформальных практик региональных органов власти в сфере миграционной политики.

В современном социально-гуманитарном знании не закрепилось точное определение понятия неформальных практик. Сущностное содержание неформальных практик выводится из составляющих частей.

Термин «неформальный» имеет множество толкований. В отношении миграционной политики под неформальными практиками следует понимать деятельность, не связанную с правоприменением миграционного законодательства. Практики – это отдельные более или менее связанные акты рутинного поведения субъектов государственной политики [1, с. 7]. Таким образом, неформальные практики региональных органов власти в сфере миграционной политики представляют собой совокупность действий, основанных на конкретных интересах, ценностях и правилах, которые и направляют эти действия.

Неформальные практики региональных органов власти в сфере миграционной политики реализуются при взаимодействии с населением (принимающим сообществом), мигрантами, национально-культурными организациями, бизнес-элитой. Опираясь на представленное определение, можно утверждать, что неформальные практики постоянно видоизменяются в соответствии с теми интересами и ценностями, которые наиболее актуальны на данный период развития территории или совокупности территорий (муниципальных образований). Это, в свою очередь, предопределяет слабую фиксируемость неформальных практик, но ни в коем случае не отсутствие их самих.

В современной мировой социальной и политической науке выделяется множество причин возникновения неформальных практик в сфере миграционной политики. Так, западные исследователи выявляют общемировые тенденции, влияющие на появление неформальных практик субъектов миграционной политики:

- 1) процессы урбанизации, которые наблюдаются в развивающихся странах – они выталкивают жителей сел и мелких городов в развитые города. Неформальные практики заключаются в том, что органы власти через СМИ распространяют информацию определенного рода, транслируя позитивный или негативный образ города (региона);

- 2) наличие особых экономических, политических, социальных, демографических зон, благоприятствующих появлению подпольной миграции. Данные зоны способствуют созданию условий для формирования, развития и укрепления мигрантских сетей, объединяющих мигрантов на основании семейной, экономической, идентификационной, культурной (в частности, лингвистической), религиозной составляющей;

- 3) расширение мобилизационных возможностей для мигрантов – открытие межгосударственных границ, появление новых транспортных сетей, доступность транспортных средств и многое другое [2, с. 8].

Российские исследователи, помимо представленных, указывают также специфические причины и присущие нашей стране факторы возникновения неформальных практик региональных органов власти в сфере миграционной политики. Среди них важное место занимают, например, исторические причины, которые связаны с историческим наследием Российской Федерации.

За время существования Советского Союза на его территории, особенно в приграничных зонах, сложилась определенная инфраструктура и сеть услуг, функционирование которых не было окончательно прекращено с распадом советского государства (некоторые социальные и производственные учреждения). В результате этого органы власти, исходя из инфраструктурных потребно-

стей региона, принимают решения, которые, с одной стороны, благоприятствуют развитию территории, а с другой – нарушают некоторые правовые положения (в частности, это находит выражение в фактическом открытии границ для нелегальных мигрантов на территорию России). Таким образом, неформальные практики региональных органов власти тесно связаны с поиском выгоды для своей территории от приграничного положения с другими государствами [3, с. 182].

Помимо исторических, как одних из ведущих причин появления неформальных практик, ученые рассматривают и стратегические причины, связанные с социальным, демографическим, культурным, экономическим развитием региона. Содержание данных причин заключается в том, что на фоне общегосударственной стратегии вырабатываются региональные, которые вызваны желанием региональных органов власти заниматься либо «коренными причинами» миграции, либо ее последствиями. Выбор той или иной стратегии может быть обусловлен как пониманием и интерпретацией политического курса государства региональными органами власти, так и попытками увязать его с геополитическими и социально-экономическими особенностями развития региона.

Еще одним важным основанием для возникновения стратегических причин неформальных практик является наличие или отсутствие необходимых ресурсов (финансовых, материальных, организационных, кадровых) для реализации миграционной политики [3, с. 231].

К числу главных причин возникновения неформальных практик органов власти в сфере миграционной политики относятся гуманистические. Они могут быть вызваны стремлением поддержать малоимущие слои населения региона. Так, товары, привезенные и продаваемые мигрантами, покупаются определенными социальными группами потому, что они дешевле. Это свидетельствует о том, что на них есть спрос на российском рынке, так как они обслуживают потребности небогатого населения, составляющего большинство в современном обществе. Естественно, что органы власти нередко не обращают внимания на национальные рынки (формируемые нелегальными мигрантами), размещаемые на территории города или села. В результате этого государство перекладывает часть социальных функций на мигрантов, которые своей активностью и предприимчивостью помогают выжить миллионам бедных россиян, в том числе самым незащищенным группам, которым безуспешно пытается помочь само государство [3, с. 254].

Гуманистический характер неформальных практик вызван и необходимостью предоставления вида на жительство любому нелегальному мигранту по причинам гуманитарного характера, даже если это решение не находится в строгом соответствии с законом. Обычно подобные практики реализуются в исключительных случаях и с учетом индивидуальной личной ситуации и, как правило, подтверждаются вышестоящими инстанциями, не имеющими прямого отношения к решению проблем миграционной политики (разрешение Президента РФ на представление гражданства отдельным категориям мигрантов; обращение работодателей в паспортно-визовые службы для оказания содействия в оформлении документов трудовым мигрантам и т.д.).

Не только в мировой практике, но в России известны случаи легализации мигрантов под давлением национально-культурных автономий, профсоюзов и

общественных организаций. Органы власти под влиянием этих общественных организаций вынуждены решать проблемы мигрантов, находящихся в отчаянном положении, зачастую изобретая пути обхода действующего законодательства [4, с. 208].

Нежелание допустить раздоров между государством и гражданским обществом также может привести к неформальным практикам. В некоторых странах, зная о неэффективности внутренней системы контроля за мигрантами, органы власти ничего не делают, чтобы изменить ситуацию. Это обусловлено боязнью, что проблемы миграции потянут за собой и другие сопутствующие проблемы: теневую занятость, теневой рынок жилья, плохую работу администрации и отсутствие государственного контроля.

Экономические причины тесно взаимосвязаны со стратегическими, отличием является их теневой характер. Огромные масштабы теневой экономики и неформального рынка труда провоцируют миграции, связанные с теневой и криминальной деятельностью. Приток относительно дешевой рабочей силы, согласной выполнять практически любую работу и в любых условиях, является причиной значительного роста в последнее время теневой занятости и «черного» рынка труда. Бурное развитие мелкого частного предпринимательства дает импульс для увеличения потока нелегальных трудовых мигрантов, особенно в сферу услуг, строительство и ремонт, сельское хозяйство [5, с. 11].

Помимо указанных, имеются правовые и бюрократические причины, способствующие появлению и реализации неформальных практик органов власти. Так, слабость российского законодательства, которое затрагивает правила въезда, пребывания и занятости иностранцев, отсутствие эффективной системы иммиграционного контроля, прозрачность российских границ со странами СНГ способствуют появлению значительного количества неформальных практик. Недостаточное внимание со стороны закона к въезду в страну мигрантов на законном основании нередко провоцирует «делегализацию» в процессе пребывания в стране, причем довольно длительного. Естественно, что это провоцирует органы власти на поиск неординарных решений, не имеющих законодательных оснований [6].

Бюрократические причины возникают ввиду того, что существует немало различных структур, деятельность которых не всегда скоординирована. Часть документов находится в одних организациях, другая – в иных, в результате чего документы о мигрантах рассредоточены в различного рода государственных и негосударственных организациях, что приводит к потере контроля над мигрантами, и они уходят в теневую сферу. Подобные случаи подтверждает разрыв между числом принимаемых и осуществляемых решений в сфере миграционной политики, а также трудности с осуществлением решений в данной сфере. Например, в ситуации, когда нужно выслать 100 тыс. человек, высылается всего 20 тысяч по причине отсутствия информации о мигранте при утере им паспорта и иных документов [7, с. 181].

Итак, неформальные практики как совокупность конкретных действий, осуществляемых органами власти в сфере миграционной политики, могут быть вызваны различными причинами, среди которых следует назвать общекультурные, стратегические, социальные, правовые и бюрократические. Западные ис-

следователи выделяют общегосударственные причины возникновения неформальных практик субъектов миграционной политики, российские исследователи изучают неформальные практики, исходя из субъектов (региональные органы власти) и исторических особенностей Российского государства.

Обращает на себя внимание тот факт, что неформальные практики в научных работах рассматриваются исключительно как положительные явления, демонстрирующие неэффективность государственного управления миграционными потоками, подтверждающие наличие проблем в социально-политической сфере общества и необходимость поиска способов их решения [8, с. 48].

Библиографический список

1. Мигранты и диаспоры на востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством [Текст] / под ред. В. И. Дятлова. – М. ; Иркутск, 2007.
2. *Wihl de Wenden C.* Les flux migratoires. Un monde en migrations. Panorama mondial des flux migratoires [Текст] / C. Wihl de Wenden // L'ENA hors les murs. – 2006, septembre. – № 364. – P. 8–10.
3. *Олигер, Р.* Нелегальная миграция в Германию: новый вызов 90-х годов [Текст] / Р. Олигер // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. – М., 2002. – С. 182–183.
4. *Красинец, Е.* Нелегальная миграция в России: выбор стратегии регулирования [Текст] / Е. Красинец, Е. Кубишин, Е. Тюрюканова // Там же. – С. 231.
5. *Немерюк, Е. Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ [Текст] / Е. Е. Немерюк ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – С. 8–12.
6. Миграционное законодательство Российской Федерации // http://www.redstar.ru/docum/dokum_index.html
7. *Тандонне, М.* Иммиграционная политика Франции и проблема нелегальных мигрантов [Текст] / М. Тандонне // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. – М., 2002. – С. 208–209.
8. *Жогин, Б. Г.* Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество [Текст] / Б. Г. Жогин, Т. Ф. Маслова, В. К. Шаповалов ; Ставропольсервисшкола. – Ставрополь, 2002.

УДК 314.744
ББК 60.74(2Рос–4Аст)

Н.В. Разгонникова

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ МИГРАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проблемы миграции населения, а также адаптации и интеграции мигрантов приобрели в последнее время для России важное социально-экономическое и политическое значение. Для каждой полиэтнической терри-

тории достаточно серьезной проблемой является обеспечение стабильной совместной жизни различных этносов в общем социуме.

В настоящее время назрела острая потребность сдвига в исследованиях: от описания экономических и демографических характеристик мигрантов к всестороннему исследованию форм и путей их социальной интеграции с местным населением и возможных последствий этого процесса для принимающего общества. Комплексное изучение особенностей процессов адаптации и интеграции мигрантов необходимо в целях предотвращения социальных конфликтов на территории принимающих регионов (в том числе Астраханской области) и создания стабильных социально-политических условий совместного проживания мигрантов и местного населения.

Миграционные процессы в России в последнее десятилетие развиваются таким образом, что из изолированного общества, закрытого «железным занавесом», страна превратилась в один из крупнейших мировых центров въезда и выезда мигрантов [1]. Однако это добавило социально-экономические проблемы и угрозы, связанные с перемещениями мигрантов: в отдельных регионах нелегальная миграция становится благоприятной средой для теневого сектора российской экономики, торговли оружием, наркобизнеса и способствует тем самым осложнению криминогенной ситуации. Необходимость борьбы с неблагоприятными явлениями, вызванными миграционными процессами, стала одной из причин превращения миграционной политики в важнейший компонент государственной политики.

Конституция РФ и действующее законодательство предоставляют для легальных мигрантов широкие возможности. В частности, согласно принципам и нормам международного права признаются свободы иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России, но и они должны наравне с российскими гражданами уважать и соблюдать законы, исторические традиции страны.

В Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин определил, что основным направлением совершенствования миграционной политики является стимулирование притока в страну «квалифицированной миграции, людей образованных и законопослушных» [2, с. 8], а на Всемирном конгрессе соотечественников подтвердил, что борьба с незаконной миграцией будет осуществляться, но в то же время упростится процедура легализации тех, кто живет и работает на территории Российской Федерации [3].

В целях реализации указанных концептуальных положений Россия ратифицировала ряд международных соглашений и конвенций, в связи с чем необходимо совершенствовать нормы законодательства. В 2006 г. приняты федеральные законы [4–7], которые ввели принципиально новую систему регистрации и учета иностранных граждан и лиц без гражданства, существенно облегчили процесс получения разрешений на пребывание и трудовую деятельность в России. Одновременно законы усилили ответственность за несоблюдение установленных правил миграционного учета и привлечения мигрантов к трудовой деятельности в России.

Указанные меры позволяют остановить стихийные миграционные процессы,

начавшиеся в девяностых годах прошлого века. Именно в этот период кроме социально-экономической составляющей в миграции сформировалась еще одна ярко выраженная и весьма опасная – криминальная.

Анализ современной миграционной ситуации и перспектив ее развития дает возможность определить приоритеты в решении миграционных проблем и основные направления действий. В современных условиях стало актуальным обсуждение вопросов содействия миграции в Российскую Федерацию, которая могла бы частично компенсировать естественную убыль населения и обеспечить экономику трудовыми ресурсами соответствующего количества и качества. Для этого должны быть разработаны принципы привлечения мигрантов по странам исхода, профессионально-квалификационным признакам и иным направлениям селективной миграционной политики; механизмы рационального расселения мигрантов по территории страны, исходя из интересов демографического и социально-экономического развития регионов, региональных рынков труда; пропорции привлечения мигрантов на временной и постоянной основе; система мер по содействию натурализации и адаптации мигрантов (в приоритетном порядке граждан государств – членов СНГ), включению их в российский социум.

Однако очевидно, что полностью обеспечить развивающуюся экономику страны, располагающей огромными природными ресурсами, только за счет переселения на постоянное место жительства в Россию внешних мигрантов не удастся. Процесс цивилизованной интеграции России в международный рынок труда, регулирования экономической миграции квалифицированных кадров должен стать самостоятельным направлением миграционной политики государства.

В законодательстве, устанавливающем ответственность за нарушения иммиграционного режима, содержатся существенные пробелы. Представляется, что приобретающая в последнее время форму прибыльного бизнеса незаконная доставка иммигрантов в Российскую Федерацию, ввиду особой общественной опасности этих действий, должна квалифицироваться как уголовное преступление. Но установление уголовной ответственности без завершения делимитации (установления границ на основании межгосударственных договоров) и демаркации (сооружения и установления пограничных знаков) на всем протяжении сухопутной части государственной границы практически не имеет смысла. Эти процессы должны быть осуществлены и завершены одновременно.

Требуют пересмотра устаревшие нормы административной ответственности за нарушение режима пребывания иностранцев в России. Совершенствование законодательства об административной ответственности в данной области должно осуществляться в рамках Кодекса РФ «Об административных правонарушениях». Целесообразно принять Закон «Об административной ответственности организаций за нарушение порядка привлечения и использования в Российской Федерации иностранных работников и законодательства Российской Федерации в области трудоустройства граждан Российской Федерации за рубежом». Предлагаемые меры ответственности должны опираться на нормы, пре-

дусмотренные в законе, определяющем порядок привлечения и использования в Российской Федерации иностранных работников: внесение работодателями залоговых денежных средств на обратный проезд иностранных работников, определение категорий иностранцев, освобождаемых от разрешений на въезд, установление размеров оплаты за выдачу разрешений, создание информационной базы, дополнительные обязательства работодателей по своевременному выезду работников из России.

К сожалению, признание очевидных побудительных мотивов к созданию жесткого миграционного законодательства наталкивается на идеологизированную интерпретацию положения Конституции РФ о праве для законно находящихся на территории Российской Федерации на свободу передвижения, пребывания и жительства (ст. 27). Данная норма при этом рассматривается в отрыве от других норм и основополагающих целей Конституции РФ – обеспечения прав граждан (не только мигрирующего, но и оседлого населения) и обеспечения жизнеспособности государства.

Непродуктивность расширительных трактовок Конституции, конечно же, дает бюрократии возможность произвольных действий по созданию всякого рода частных дискриминирующих правил – изменчивых и не обращенных на пользу государству и обществу. Бюрократия способна интерпретировать возникновение любого шлагбаума в качестве наступления на права человека (если это соответствует целям той или иной чиновничьей корпорации) или же, напротив, проводить всевозможные административные «огораживания», создавая массу препятствий на пути движения интеллекта, информации, рабочей силы и капитала.

Иммиграция в Российскую Федерацию должна быть ограничена как по общим основаниям (судимость, опасные болезни, участие в экстремистских организациях, шпионской деятельности против России и т.п.), так и по основаниям, которые могут меняться в зависимости от социально-экономического и политического положения, сложившегося на территории России в данный момент. Комплекс регулирующих норм, связанных с изменчивыми условиями, необходим в связи с возможным ростом социально-экономической напряженности (например, захват иммигрантами определенных сфер экономической деятельности, конкуренция с коренным населением) или же с возможной направленной иммиграцией лиц определенной этнической принадлежности, приводящей к этнополитической дестабилизации (сегодня проблемными регионами в этом отношении являются Краснодарский край, Астраханская область, Дальний Восток, Москва и Подмосковье).

Знание русского языка должно быть важнейшим условием для длительного пребывания на территории России, а в особенности – для занятия определенными видами деятельности, где присутствует интенсивная межличностная коммуникация (например, в сфере торговли, образования, обслуживания, средств информации, общественной деятельности). Введение теста по русскому языку для всех иммигрантов способствовало бы совершенствованию и расширению его изучения за рубежом.

Наиболее существенной проблемой миграционного регулирования (и всего

комплекса существующего и готовящегося в данной области законодательства) является его преимущественно запретительный характер и полное отсутствие стимулирующих механизмов. Это приводит к тому, что Россия перестает быть привлекательной для иммигрантов, присутствие которых на территории России желательно (высококвалифицированных и образованных кадров, с одной стороны, и работников непрестижных и низкооплачиваемых профессий – с другой), а в сфере внутренней миграции – к отсутствию перспектив заселения слабозаселенных и слабоосвоенных территорий [8, с. 25].

Российское законодательство сегодня практически полностью освобождено от намеченной еще совсем недавно стратегической линии на поддержание связей России с зарубежными соотечественниками, которые являются наиболее желательными иммигрантами: хорошо владеют русским языком, обычно обладают высоким уровнем образования, способны на быструю адаптацию на новом месте жительства.

Не всякий иммигрант должен иметь в перспективе постоянное место жительства в России, а тем более – становиться ее гражданином. Постоянное место жительства и гражданство должны предоставляться либо лицам, имеющим статус зарубежного соотечественника, либо имеющим особые заслуги перед Российским государством [9]. Все прочие мигранты должны возвращаться на родину через определенный (достаточно непродолжительный) срок, если нет оснований для постоянного проживания в России.

Особенно актуальны данные условия для регионов Южного федерального округа. Это один из самых сложных регионов в стране с точки зрения социально-экономической и этнополитической ситуации, который характеризуется высокой плотностью населения и избытком трудовых ресурсов. По данным Росстата на 1 января 2006 г., среди федеральных округов ЮФО занимал третье место (22 821 тыс. чел.) по численности населения и второе – по плотности (38,7 чел. / кв. км). Миграция здесь, по информации УФМС России по Астраханской области на январь 2008 г., представлена четырьмя основными этническими группами: осетины – беженцы и вынужденные переселенцы из Грузии; ингуши – вынужденные переселенцы из Северной Осетии – Алании; русские – вынужденные мигранты из республик Северного Кавказа и стран СНГ, и чеченцы – внутриперемещенные лица из мест постоянного проживания в Чеченской Республике.

Объективно ситуация сложилась таким образом, что большинство субъектов Федерации, входящих в ЮФО, уже исчерпали свою миграционную емкость. Краснодарский и Ставропольский края, Волгоградская, Ростовская и Астраханская области испытывают наибольшую миграционную нагрузку.

Данные Пограничного управления по Республике Калмыкия и Астраханской области от 31 января 2008 г. свидетельствуют о том, что через Астраханскую область въехало 26 961 иностранный гражданин (за аналогичный период прошлого года (АППГ) – 14 463), выехало 46 762 (АППГ – 15 714) иностранца. Не пропущено через астраханский участок госграницы 10 иностранных граждан (АППГ – 11). Миграционные карты, внесенные в электронную базу данных УФМС России по Астраханской области на 10 141 въехавшего иност-

ранца, по гражданству распределяются следующим образом: граждане Таджикистана – 34,6%, Узбекистана – 32,1%, Казахстана – 29,7%. Суммарно со среднеазиатского направления въехало 96,4% [9].

В настоящий момент проблемам привлечения иностранной рабочей силы уделяется значительное внимание со стороны органов власти, правоохранительных структур и органов госнадзора, данный вопрос широко освещается в региональных СМИ. В 2007 г. значительно активизирована работа по проведению комплексных оперативно-профилактических мероприятий. В первую очередь администрация Астраханской области, крупные производители региона заинтересованы в привлечении высококвалифицированных трудовых мигрантов в области судостроения и строительства в свете предстоящего 450-летия города Астрахани.

В то же время, учитывая, что в последние годы численность экономически активного населения области находится в пределах 500–520 тыс. чел., а численность занятого населения меньше 450 тыс. чел., в ближайшие 5–6 лет острой необходимости в привлечении иностранной рабочей силы область испытывать не будет [10]. По оценкам УФМС по Астраханской области, реальная потребность в привлечении иностранных работников составит не более 15 тыс. чел. Однако в ближайшие годы Астраханская область будет продолжать испытывать миграционную нагрузку. Подтверждением тому является анализ приведенных статистических данных, характеризующих ситуацию в регионе: значительное увеличение количества иностранных граждан, оформивших разрешение на работу, поставленных на учет.

Если в 2000–2004 гг. понятие «мигрант» в сознании местного населения ассоциировалось с торговлей на рынках, в ларьках, попрошайничеством, нищенством, различного рода «теневыми делами», то в последние годы оно применимо к таким сферам деятельности, как сельское хозяйство, строительство, судостроение [11]. Трудовые мигранты, прежде всего из среднеазиатских республик, фактически восстанавливают те экономические связи, которые после распада СССР были разорваны. Их профессиональные навыки, высокая работоспособность, своего рода аскетизм востребованы предпринимателями.

Таким образом, очевидно, что процесс внешней трудовой миграции будет развиваться, и в свете изменений в законодательстве его следует организовать в цивилизованных формах, на основе международного права и благожелательных межэтнических отношений.

Однако трудовые мигранты, занимая на рынках труда широкий спектр чернорабочих специальностей, на которые потенциально может претендовать любой местный житель Астраханской области независимо от квалификации, порождают у жителей области ощущение конкуренции со стороны мигрантов и чувство недовольства, несмотря на то, что местное население, как правило, на указанные рабочие места не претендует. Что касается количественных показателей, то простая логика подсказывает: в экономике, том или ином производстве не может быть вакуума. И если жители области уходят из отдельно взятой сферы производства, их места займут мигранты. Все это провоцирует достаточ-

но резкую реакцию определенной части населения области, политических сил и общественных организаций.

Таким образом, одной из первоочередных мер в области миграционной и социальной политики должна быть разъяснительная работа среди населения о роли миграционного притока для развития региона, улучшения экономической ситуации, в связи с чем одной из задач ТО ФМС России целесообразно считать взаимодействие со СМИ на основе предоставления информации о миграционных потоках, данных о половозрастном, этническом, образовательном и профессионально-квалифицированном составе и параллельно с этим – осуществление контроля за достоверным информированием о миграционных потоках.

Дальнейшему решению проблемы обустройства и социальной адаптации могли бы способствовать и такие меры, как создание информационной базы данных о потребности регионов России в работниках различного профиля и квалификации, наличии жилищных и производственных условий в местах предполагаемого их расселения, активизация роли средств массовой информации в формировании российского общественного мнения по благожелательному отношению к мигрантам.

Библиографический список

1. *Андреев, Г. В.* Незаконная миграция как критерий уровня взаимодействия правоохранительных органов [Текст] / Г. В. Андреев // Право и безопасность. – 2007. – № 1–2 (22–23). – С. 34–47.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ [Текст]. – М., 2006.
3. С нелегальной миграцией – бороться, соотечественников – принять [Текст] // Наше время. – 2006. – 25–31 окт.
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
5. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.
6. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 20 июля.
7. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу совершенствования государственного управления в сфере миграции» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3420.
8. *Комарова, В. В.* Новые федеральные законы Российской Федерации и правовой статус иностранных граждан [Текст] / В. В. Комарова // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 42–46.
9. www.fmsao.astranet.ru
10. Неконтролируемая миграция меняет этнический состав юга России [Текст] // Волга. – 2006. – 28 дек.
11. Отчет о деятельности администрации г. Астрахань за 2004 г. // <http://astrakhan.astranet.ru>

К.В. Радионова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы глобализации охватывают все стороны жизни человеческого сообщества – экономику, финансы, трудовые, информационные, интеллектуальные ресурсы, сферы образования, науки, искусства. Истоки глобализации, как особой формы международных отношений, уходят достаточно далеко во временном отношении, но формирование ее еще не завершилось, и общественное внимание она привлекла лишь в 1990-х годах. Глобализация – это «сложный многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и культурной универсалии, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни» [1, с. 13].

Очевидно, что процессы глобализации имеют и языковые аспекты, которые проявляются в том числе и в показателях распространения того или иного языка в современном мире. В рассматриваемом процессе первоначально все многообразие языков мира было сведено к шести мировым языкам (французский, английский, испанский, русский, китайский, арабский). Позже, уже в наше время, бесспорным лидером, подавляющим остальные мировые языки, оказывается английский, на котором в третьем тысячелетии предположительно будет разговаривать 1 миллиард человек.

Колоссальное влияние английского языка стало возможным отчасти из-за начавшегося еще во время Первой мировой войны изменения статусов наиболее распространенных европейских языков. Показателен пример немецкого языка, который после Второй мировой войны окончательно утратил статус международного, вследствие того что другие европейские народы воспринимали его как язык оккупантов. В 1945 г. образовалась ООН, но первоначально немецкий язык в ней вообще не был представлен, и только в 1975 г. он был допущен к использованию в этой крупнейшей международной организации. Примечательно, что даже сейчас сами немцы, и особенно немецкая элита, в неродной языковой обстановке предпочитают общаться на английском языке.

При создании ООН английский и французский языки укрепили свой международный статус. Позже правительства США, Великобритании, Франции постарались упрочить положение и на национальном уровне. Например, в 1994 г. во Франции был принят закон «Об использовании французского языка», с помощью которого французские власти рассчитывали повысить сознательность населения в употреблении родного языка. Французский был признан языком получения образования и приема / сдачи экзаменов, написания дипломов и

диссертаций. Закон подтверждал статус французского как обязательного языка вещания на национальном телевидении и радио. Но, несмотря на усилия французского правительства, европейцы склонны считать именно английский язык современным *lingua franca*.

Очевидно, что процесс глобализации связан с господствующей ролью США в мире, окончательно установившейся после распада СССР. В основе глобализации лежит прежде всего англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. Такая социокультурная модель тесно связана с английским языком, который претендует на место первого в истории человечества всемирного языка.

Международная роль таких языков, как русский, немецкий, в меньшей степени французский, падает. Все чаще современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка; на международных научных конференциях доклады читаются и публикуются по-английски; двухсторонние переговоры ведутся не через переводчика, а на английском языке.

Многие столетия человечество мечтало о едином всемирном языке. Можно отметить и идеи английских конструкторов логических языков XVII в., среди которых был и Исаак Ньютон, и опыты создателей эсперанто и других международных искусственных языков конца XIX – начала XX в. На современном этапе, когда в условиях глобализации это мечта, казалось бы, должна сбыться, в мире продолжают существовать языковые барьеры. Более того, именно сегодня в мире ведутся жестокие языковые войны. В полиэтнических обществах встает вопрос о возможности и необходимости проведения грамотной языковой политики.

Языковая политика – один из существенных аспектов языковой ситуации, определяющий не только систему мер сознательного (чаще нормативного) воздействия государства на развитие языковых процессов, распространение языков по сферам социального взаимодействия, по разным уровням общения, но и часть политического контроля над языковой ситуацией, языковыми конфликтами. Она имеет важное значение для развития общества и государства.

Существуют разные мнения о возможности целенаправленного властно-управленческого регулирования в означенной области. Ф. де Соссюр полагал, что языковой знак произволен, а следовательно, «языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами; человеческий разум не может постоянно корректировать и направлять ее и не делает этого» [2, с. 97]. По мнению американских исследователей, эффективно манипулировать языковыми ситуациями не получается; языковое планирование чаще всего терпит неудачу; принимаемые решения бывают успешными лишь в случаях их совпадения со спонтанными языковыми ожиданиями большинства народа [3, с. 348].

Языковая политика при всей своей значимости не является чем-то самоочевидным, чем-то доступным для односложных решений в силу ее многоаспектности. Во-первых, в оппозиции могут оказаться решения, принятые по двум разным аспектам самого языка: сугубо лингвистическим, связанным с реальным состоянием языка (с морфологической организацией, разработанностью нормативных оснований и терминологической базы, со стандартизацией), и социаль-

но-политическим аспектам, которые характеризуют состояние носителей языка, то есть говорящих на данном языке людей, положение языкового коллектива и его взаимоотношения с окружающими. Во-вторых, языковой политике присуще противоречие, которое можно охарактеризовать как столкновение принципов эффективности и справедливости. Это столкновение заключается в том, что выбор официального языка включает неизбежный компромисс между этими двумя подходами: «...действенная языковая политика признает в качестве официальных не все языки, и поэтому она несправедлива, тогда как справедливая политика придает официальный статус всем языкам и, следовательно, является недейственной» [4, с. 496].

В России власть всегда серьезно относилась к проблемам языка и языковой политики. Языковая политика русского правительства отличалась толерантностью и восходила к уникальной языковой ситуации, сохранявшейся на протяжении XI–XVII вв. В последующие столетия российское правительство предпринимало меры по упорядочению применения русского языка как государственного.

В XVIII в. по инициативе Петра I были приняты официальный гражданский шрифт и азбука. О деятельности Екатерины II по упорядочению русского языка писал А.С. Пушкин: первый нормативный «Словарь Академии Российской» был создан всего за шесть лет (1789–1794). Восемнадцатое столетие было веком «великой языковой смуты», начавшейся с наводнения русского языка во многих сферах общения заимствованиями из голландского, немецкого, английского языков. В конце XVIII в. представители верхушки русского общества – дворяне – в лучшем случае были двуязычны (французский и русский языки), но зачастую могли вовсе не знать русского языка. Описанная тенденция наблюдалась и в следующем столетии.

В первые годы советской власти отечественные ученые активно разрабатывали социологические проблемы языков народов СССР. Это вызывалось в том числе и бурными процессами языкового строительства, в результате которого было создано около полусотни новых письменностей.

Русский язык как будто находился немного в стороне от тех европейских процессов, результатом которых могло бы стать вытеснение его английским. В немалой степени это обусловлено «железным занавесом», а также тем обстоятельством, что во второй половине XX в. 250 млн человек (население СССР) говорили на русском, активно используя его в рабочей и семейной обстановке. На международной арене позиции русского языка были достаточно прочны, поскольку Советский Союз был достаточно популярен в мире.

Однако в конце 1980-х годов почти во всех союзных республиках и автономных образованиях СССР развернулось движение за расширение функций малых языков, против русификации. Во многих случаях оно становилось первым этапом борьбы за отделение от союзного государства и формирование национальных государств. Тогда казалось, что каждый, даже самый малый язык СССР после освобождения от «тоталитарного зла» можно будет использовать во всех сферах общения [5, с. 251].

Наиболее известный эпизод – переход на латинскую графику и попытки

такого перехода. В республиках бывшего Советского Союза в 1990-е годы развернулся процесс замены кириллицы на латиницу: он прошел в Азербайджане, Туркмении, Молдавии (кроме Приднестровья), в Узбекистане, при этом для тюркских народов образцом, безусловно, служила Турция, где латинизация достигалась 20-ми годами XX в.

В 1990-е и 2000-е годы руководство нескольких российских субъектов Федерации решило отказаться от применения кириллического алфавита. Так, Татарстан неоднократно пытался ввести латинский алфавит для татарского языка, который в данном субъекте РФ является вторым государственным языком и применяется наряду с русским, в том числе в официальном делопроизводстве. Переход татарского языка на латиницу поставил бы его «на один уровень» с зарубежными языками и отдалил бы от других языков России. С сентября 1999 г. начали предприниматься меры по переходу татарского языка на латинскую графику: Госсовет Татарстана принял Закон «О восстановлении татарского языка на основе латинской графики». Согласно этому документу, новая орфография должна была вводиться постепенно и начать действовать до 1 сентября 2011 г. В качестве эксперимента татарский язык на латинице стали изучать в шестидесяти школах.

Конечно, подобные стремления не были целиком беспочвенными, они основывались на опыте некоторых новых государств, появившихся на карте мира в 1991 г. Там действительно была поставлена задача полного вытеснения русского языка из всех сфер жизни. За пределами Российской Федерации подобная политика проводилась во всех странах СНГ, за исключением разве что Белоруссии, правда с разной степенью жесткости и интенсивности.

Для доказательства необходимости латинизации татарского языка ее сторонники любят приводить лингвистические аргументы: будто бы ряд звуков татарского языка нельзя передать в кириллице. Между тем еще в 20-е годы крупнейший лингвист Е.Д. Поливанов писал, что по своим качествам латинский алфавит не лучше и не хуже кириллического, различны лишь политические и культурные ассоциации, вызываемые этими алфавитами [6, с. 321–322]. Дело, разумеется, именно в них: для национально ориентированной татарской интеллигенции такой переход играл бы важную символическую роль, а федеральный центр, естественно, рассматривал призывы к нему как проявление сепаратизма. В итоге тенденции централизации федеративного государства и усиление общегосударственной власти предопределили судьбу не только латиницы, но и официального применения иных российских языков: все языки народов России в своей письменности исходят из кириллического алфавита.

Изменение языковой ситуации на пространстве бывшего СССР лишь частично объясняется произошедшими социальными переменами. За пределами Российской Федерации оно обусловлено в первую очередь иным, по сравнению с СССР, этническим составом и курсом на создание национальных государств. В России же процент русского и, шире, русскоязычного населения (т.е. лиц разных национальностей, для которых русский язык является родным) по сравнению с Советским Союзом увеличился. В то же время большинство других

наиболее крупных и развитых языков СССР оказались в основной своей части вне Российской Федерации [7].

Российская Федерация – многонациональная страна. Полиэтничность Российского государства выражена в начальных строках Конституции РФ: «Мы – многонациональный народ России» [8]. На территории России функционируют более 150 языков, из которых около ста – языки коренных народов России, остальные – языки компактно или диаспорно проживающих некоренных этносов.

Россия проводит языковую политику, поддерживая национально-русский билингвизм. Языковые права личности и народа гарантируются прежде всего Конституцией России, статья 26 которой гласит: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [8].

Однако Россия всерьез столкнулась с проблемой вытеснения русского языка на постсоветском пространстве, и пока она не выработала в связи с этим четкой позиции. Огромная часть русскоязычного населения находится в странах СНГ и Балтии, где идет процесс угасания русского языка. Младшее поколение ориентировано на язык коренного этноса, видя в нем возможность укрепить свое положение в обществе. По распространению русский язык в настоящее время занимает четвертое место в мире, но, по прогнозам, уже через десятилетие он может переместиться на восьмое место. В бывших республиках СССР закрываются школы с преподаванием на русском языке. Происходит трансформация языковой политики России на постсоветском пространстве, в рамках которой необходимо обеспечить поддержку русского языка и русскоязычного населения в России и за рубежом.

В этих условиях необходим правильный выбор путей правового регулирования по отношению к порядку использования языка. У нас есть представление о том, что происходит с нашими соотечественниками за рубежом. Перед Государственной Думой стоит задача определить, в каких странах СНГ следует всеми силами способствовать тому, чтобы русское население закрепилось, чтобы оно, имея относительно высокий удельный вес в структуре населения, чувствовало себя комфортно, участвовало в жизни этих государств, добивалось весомых результатов, но при этом сохраняло бы свои культурные связи с Россией, противилось примитивной ассимиляции.

В то же время есть другая группа государств, во взаимоотношениях с которыми задача нашей политики состоит в том, чтобы сохранить людей для будущего России, для русского народа. В этом случае требуется поощрять миграцию из этих стран и провозгласить курс на возвращение сотен тысяч граждан в Российскую Федерацию.

По многим направлениям на пространстве СНГ в той или иной форме вымывается все то, что ранее объединяло многочисленные народы в единое союзное государство. Прежде всего это касается русского языка. Нашей стране нужна более активная языковая политика – серьезная поддержка центров русского языка и культуры за рубежом, решительные меры по развитию русского языка в стране. Сегодня для Российской Федерации это одна из наиболее важных тем международных отношений.

Библиографический список

1. *Миронов, А. В.* Социально-гуманитарное образование сегодня: проблемы и перспективы [Текст] / А. В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 3.
2. *Соссюр, Ф. де.* Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М., 2000.
3. *Nettle, D.* Linguistic fragmentation and the wealth of nations: The Fishman-Pool hypothesis reexamined [Текст] / D. Nettle // Economic Development and Cultural Change. – Chicago, 2000. – Vol. 48, issue 2.
4. *Pool, J.* The official language problem [Текст] / J. Pool // American Political Science Review. – 1991. – Vol. 85, № 2.
5. *Алпатов, В. М.* История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М., 1999.
6. *Поливанов, Е. Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР [Текст] / Е. Д. Поливанов // Новый Восток. – М., 1928. – Кн. 23.
7. *Алпатов, В. М.* Языковая ситуация в регионах России [Текст] / В. М. Алпатов // Отечественные записки. – 2005. – № 2.
8. Конституция РФ [Текст]. – М., 2007.

УДК 32-027.21
ББК 66.0

О.А. Бирюкова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУБРЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР

Наиболее важным событием в российской внутренней политике последних месяцев, безусловно, стало завершение очередного избирательного цикла, связанного с выборами нового Президента РФ. Уже по прошествии небольшого срока пребывания Д. Медведева на этом посту можно сказать, что некоторые важные аспекты российской внутренней и внешней политики будут модернизированы. И в первую очередь это коснется отношений России с партнерами по Содружеству Независимых Государств, реформирование которого затянулось и уже не терпит отлагательств.

О том, что определенные акценты во внешней политике России будут усилены, красноречиво свидетельствует тот факт, что свой первый государственный визит Д. Медведев совершил в Казахстан – страну, которая была наиболее последовательным партнером России на протяжении всего срока существования СНГ. Как сказал вновь избранный глава Российского государства на встрече с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, «визит в Казахстан не случайность, а демонстрация вектора нашего сотрудничества, особых, доверительных братских отношений, которые сложились между Россией и Казахстаном» [1]. Вме-

сте с тем следует отметить, что посещение Казахстана не стало неожиданностью для большинства экспертов, равно как последующий визит в Китай. В этом видна преемственность внешнеполитического курса [2].

Центральная Азия традиционно занимает важное место в фокусе геополитических интересов России. В отечественной и зарубежной политической науке сложилось несколько подходов к определению этого региона. Так, большинство зарубежных исследователей разделяют концепцию макрорегиона «Транскаспия», объединяющего центр России с сопредельными регионами Центральной Азии и Среднего Востока. В свою очередь, отечественная геополитическая школа определяет Центральноазиатский регион как «ключ ко всей мировой политике», что также нашло отражение в исследованиях, базирующихся на идеях евразийства [3].

Однако при всей схожести определений Центральной Азии, подчеркивающих стратегическую значимость региона, до распада СССР данный регион понимался более широко, поскольку Центральная Азия включала в себя не только республики Средней Азии, но и Казахстан, а также некоторые территории России, Монголии, Индии, Пакистана, Афганистана. В данном случае используется современная трактовка этого политического концепта, в пользу которого (вместо привычного термина «Средняя Азия и Казахстан») в 1992 г. высказался Президент Казахстана Н. Назарбаев. Таким образом, под Центральной Азией, подразумеваются Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения.

С момента распада СССР в 1991 г. главами государств Центральной Азии все чаще озвучивались идеи субрегиональной интеграции, что во многом было обусловлено резким сокращением связей с Россией и риском экономической изоляции. Безусловно, важной предпосылкой для стремления центральноазиатских государств к реализации собственного интеграционного проекта стало и осознание лидерами этих стран стратегической значимости своего региона.

После прекращения существования Советского Союза Центральная Азия стала регионом, в котором интересы России столкнулись с экономическими, политическими, военными, культурными интересами других государств. В связи с этим все международные акторы, заинтересованные в экономическом и политическом сотрудничестве с регионом, стали реализовывать собственные стратегии включения Центральной Азии в глобализационные процессы, в частности регионализации и интернационализации. Как отмечает И. Звягельская, «в 1990-е годы шел весьма хаотичный процесс, в котором внешние силы, обладающие различными возможностями и ресурсами, пытались получить выгоды от проникновения в ранее закрытый для них район мира» [4, с. 12]. В политическом, экономическом и военном присутствии здесь заинтересованы такие государства, как Турция, Израиль, Индия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, западные государства. Исходя из изложенного, государства Центральной Азии можно отнести как к постсоветскому пространству, что вполне естественно, учитывая существующие экономические и хозяйственные связи, так и к исламскому миру или, с определенной долей условности, к Европе [3, с. 78].

Центральная Азия в обозримом будущем имеет все шансы стать ядром евразийского интеграционного проекта, поскольку подавляющая часть ее государств состоит в Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В политическом смысле центральноазиатские интеграционные процессы можно считать одной из форм разнородной и разнотемпной интеграции в рамках СНГ, именно поэтому в процессе сближения государств Центральной Азии столкнулись с теми же проблемами, что и Содружество в целом. Большинство принятых решений, заключенных соглашений и договоров остались на бумаге. Наряду с такими проблемами, как ограниченные возможности внутренних рынков государств Центральной Азии, дефицит товаров и капиталов, недостаток эффективной интеграции, аналитики выделяют территориальные, конфессионально-этнические и водные проблемы [5, с. 78].

Есть определенная доля вины Российской Федерации в том, что процессы интеграции в Центральной Азии были «пущены на самотек», поскольку Россия на момент распада СССР и образования СНГ не обладала четкой позицией в отношении выбора партнеров среди бывших советских республик. Соответственно, интеграционному потенциалу республик Центральной Азии не было уделено должное внимание, вследствие чего влияние России в регионе было нивелировано. Мировое общественное мнение, озвученное в средствах массовой информации, фактически отказало России в возможности проводить свои интересы в регионе, говоря «об уходе России из Центральной Азии» [6, с. 67].

Первым шагом в реализации субрегионального интеграционного проекта государств Центральной Азии было подписание в 1994 г. Договора о создании единого экономического пространства Казахстана, Киргизии и Узбекистана [7]. Договор предполагал свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, налоговую, таможенную и валютную политику. Сразу же после подписания Договора были предприняты первые практические шаги по формированию единого таможенного пространства.

На первом этапе реализации центральноазиатского интеграционного проекта страны-участницы рассчитывали укрепить свои позиции на мировой арене, расширить международные контакты, параллельно интегрируясь в мировую экономическую систему. Подписание Договора хотя и имело экономическую подоплеку, на деле стало выражением политической воли.

В марте 1998 г. полноправным участником Договора о создании единого экономического пространства стал Таджикистан, а само региональное объединение, функционирующее на основе данного Договора, получило наименование «Центральноазиатское Экономическое Сообщество» (ЦАЭС). Своей задачей государства ЦАЭС считали последовательное углубление экономической интеграции и взаимодействия путем поэтапного движения от зоны свободной торговли к таможенному союзу, платежному и валютному союзам и, наконец, к общему рынку товаров, услуг и капиталов.

Статус наблюдателя в ЦАЭС в течение 1996–1999 гг. получили Россия, Украина, Грузия и Турция, в 2000 г. с подобной просьбой в ЦАЭС обратилась

Индия. Однако уже на этом этапе интеграции обнаружилось основное препятствие, тормозящее поступательное развитие интеграционных процессов в Центральной Азии, а именно – существенное различие экономических, политических и военных потенциалов государств региона. В этом же состоит принципиальное отличие интеграционных процессов на постсоветском пространстве от европейского интеграционного процесса. Если в странах, основавших и впоследствии вошедших в Европейский Союз, налицо схожесть уровней экономического развития, то в бывших республиках СССР в этой сфере обнаружались большие различия. Слепое копирование европейского опыта интеграции в данном случае потерпело фиаско, что также характерно в целом для общей тенденции развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Важным фактором, повлиявшим на выбор государствами Центральной Азии вектора интеграции, стали особенности политических режимов – авторитарно или демократически ориентированных, а также предпочтение рыночной или командно-административной модели экономики [3, с. 80]. В регионе можно выделить модель свободной экономики, которую реализуют Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, и модель административной экономики, сложившуюся в Узбекистане и Туркменистане. Последние практически отказались от либерализации, усилив государственное планирование. Казахстан же, напротив, первым из государств – участников СНГ получил статус страны с рыночной экономикой.

Еще одним препятствием на пути центральноазиатской интеграции стала перманентная политическая напряженность в государствах, обусловленная низким уровнем жизни населения, семейно-клановым характером власти, размежеванием политических элит [8, с. 32]. Комплекс этих факторов на фоне нарастающего взаимодействия с исламскими государствами – Турцией, Саудовской Аравией, Ираном – также негативным образом сказывается на политических контактах России с государствами Центральной Азии. Естественно, что исламская радикализация и медленные темпы демократизации власти в этих странах не соответствуют политическим интересам Российской Федерации.

Многовекторность политики государств Центральной Азии, неспособность выделить стратегических партнеров также стали причинами торможения политических преобразований. Так, в 1999–2001 гг. руководителям Казахстана и Узбекистана не удалось реализовать собственные интеграционные проекты, в которых им отводилась бы лидирующая роль, вследствие чего была выдвинута идея о преобразовании организации в Центральноазиатский форум. При создании Центральноазиатского форума предполагалось, что каждое государство будет самостоятельно определять приоритетность направлений сотрудничества, беря на себя лишь те обязательства, которые отвечают его интересам. Такой подход, по мнению ряда отечественных исследователей, тормозит деятельность по формированию единого регионального экономического пространства [6, с. 105–106].

Осознав природу и взаимосвязь обнаруженных проблем, лидеры государств ЦАЭС инициировали новый этап центральноазиатской интеграции. На самми-

те, состоявшемся в Душанбе в 2000 г., был утвержден план стратегического интеграционного развития до 2005 г., который предусматривал четыре этапа: создание зоны свободной торговли, таможенного союза, формирование платежного и валютного союзов, а также единого рынка труда и капиталов. Интеграционная стратегия ЦАЭС во многом перекликалась с планами работы СНГ, что могло бы послужить залогом сотрудничества обеих организаций в перспективе.

В 2001 г. на базе ЦАЭС создана организация Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС). Под Договором об учреждении ЦАС поставили подписи руководители всех стран Центральной Азии. В 2004 г. Россия стала полноправным членом данной организации. Такое решение было принято на саммите, состоявшемся в Душанбе. Первое заседание на этой встрече прошло в узком составе. Президенты обсудили перспективы дальнейшего развития организации, а также вопрос вступления в нее России. После этого началось расширенное заседание глав государств – участников ЦАС.

Выступая на саммите в Душанбе, В.В. Путин подчеркнул, что от обстановки в Центрально-Азиатском регионе зависит ситуация на всем Евразийском континенте. Российский Президент отметил, что «ключевая задача всей организации – это сообща бороться с международным терроризмом и экстремизмом, пресекать подпитывающие их теневые финансовые потоки, а также противостоять наркобизнесу, контрабанде, торговле людьми, нелегальной миграции... ЦАС может и должна стать одной из надежных опор в формировании эффективной системы обеспечения стабильности и экономического сотрудничества в регионе, причем в координации с другими интеграционными структурами, такими, как ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС» [9].

Деятельность ЦАС была направлена на развитие интеграционных процессов, необходимых для обеспечения стабильности и безопасности в регионе, развития оптимальных взаимовыгодных связей, создание благоприятной внешней среды для дальнейших внутренних преобразований и реформ.

Очередным этапом в процессе восстановления связей России с центральноазиатскими республиками стало слияние ЦАС и ЕврАзЭС, решение об этом было принято 6 октября 2005 г. на саммите глав ОЦАС в Санкт-Петербурге. Аналитики видят в факте объединения двух интеграционных структур усиление возможности «возвращения» Российской Федерации в регион.

Есть основания надеяться, что присутствие России в субрегиональных интеграционных объединениях даст новый импульс процессам интеграции. Кроме того, процессы интеграции в центральноазиатском регионе входят в стадию конструктивного диалога и, следовательно, повышают готовность участников к укреплению партнерства в экономической, политической, гуманитарной сферах. Очевидно, что политика России в Центральной Азии и ее двусторонние контакты со странами региона подвергались корректировке, однако курс на установление добрососедских отношений оставался неизменным. Об этом свидетельствует заметное оживление сотрудничества в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

СНГ ожидает не просто реформирование, а переход к новому типу интеграции, основой которого должно стать объединение стран в блоки, а базовым

принципом – схожесть экономических, политических и военных потенциалов. Уже сейчас наиболее эффективно отношения развиваются в рамках не СНГ в целом, но интеграционных объединений внутри Содружества. При этом двусторонние отношения Российской Федерации с государствами, входящими в СНГ, должны строиться по принципу диверсификации, в зависимости от сложившейся практики и с учетом особенностей политических режимов этих государств. Иначе существует риск получить альтернативные формы объединения постсоветских государств, в которых участие России будет номинальным.

Библиографический список

1. Восточный экспресс [Текст] // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2008. – 23 мая.
2. Без острых углов [Текст] // Время новостей. – 2008. – 22 мая.
3. *Казанцев, А. А.* Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе [Текст] / А. А. Казанцев // Полис. – 2002. – № 5.
4. *Звягельская, И. Д.* Россия и Центральная Азия (проблемы безопасности) [Текст] / И. Д. Звягельская // Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы. – М., 2004.
5. *Ветрик, С. М.* Проблемы и перспективы интеграционных процессов в условиях глобализации: На примере Содружества Независимых Государств [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / С. М. Ветрик. – М., 2005.
6. *Исламова, Р. М.* Субрегиональные интеграционные группировки на экономическом пространстве СНГ [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Р. М. Исламова. – М., 2004.
7. Договор о создании единого экономического пространства Казахстана, Киргизии и Узбекистана // www.evgazes.com
8. *Чернявский, С. И.* Центральная Азия в эпоху перемен [Текст] / С. И. Чернявский // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6.
9. Выступление В. В. Путина на заседании Совета глав государств – членов Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» // www.kremlin.ru

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

УДК 316.75:32
ББК 06.05

Н.Ф. Журнов

АРХЕТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Политическая система современной России не может реализовать в полной мере заложенные в ней потенциальные возможности. Одной из причин этого является неготовность общества к демократическим переменам, которая связана с особенностями восприятия им российской политической действительности.

Политическая система воздействует на человека, побуждая его к поступкам, соответствующим ее целям. Между этими целями и поведением индивида лежит промежуточная инстанция в виде политического сознания. С политическим сознанием связывают представления человека, через которые опосредуются его отношения с политической сферой. На политическое сознание индивида оказывают существенное влияние социальная среда, к которой он принадлежит, его психологические особенности, характер взаимоотношений, складывающийся между различными социальными группами, обществом и государством, а также собственный индивидуальный опыт в области политической жизни.

В науке отсутствует единая трактовка политического сознания. Западные исследователи предпочитают использовать такие категории, как «убеждения», «вера», «установки», «менталитет», «идеология». Отечественные ученые указанное явление рассматривают в качестве наиболее систематизированной формы массового сознания [1, с. 95; 2, с. 128; 3, с. 132].

Политическое сознание, наряду с ценностями, установками, убеждениями, включает в себя психологический механизм их выработки, поиска собственной позиции. При анализе сознания, в том числе политического, принято выделять

два блока элементов: мотивационный (политические потребности, ценности, установки, чувства, эмоции) и познавательный (знания о политике, информированность, потребность участия в политической жизни и связанный с этим интерес к политическим явлениям, убеждения). Указанные элементы тесно переплетаются между собой, оказывая друг на друга взаимное влияние.

Исходной составляющей политического сознания является психолого-политическое состояние человека, создающее предпосылки для его ориентации в мире политики. В этом смысле также важен процесс критического осмысления людьми социальной действительности, обобщение и рационализация чувственных представлений, осознание целей различных политических движений, принятие или отказ от сложившихся норм политического процесса, эмоциональное восприятие тех или иных политических идеалов.

Социально-политическое пространство, то есть совокупность институтов гражданского и политического сообщества, сложившихся политических традиций, идеологий, функционирующих в единстве с исторически обусловленной социально-психологической средой, играет по отношению к политическому сознанию роль фактора, детерминирующего стремление индивида адаптироваться к тем или иным групповым политическим интересам, составить конкретное представление о государстве, власти, определить свое отношение к ним. Тем самым приобретает опыт политического участия.

Для выработки политического сознания необходим собственный или иной опыт участия в политической жизни. Оно не может сформироваться без вступления человека в реальные политические отношения, которое возможно только при условии, что властные структуры не препятствуют политическому участию граждан в политическом процессе. Существует взаимосвязь между политическим участием и политическим режимом. Ограничения на политическую активность способствуют «консервации» политического сознания, что в конечном итоге приводит к деградации механизмов власти.

На макроуровне наибольший интерес для исследователей представляет изучение массового политического сознания, которое определяет тип и уровень политической культуры общества, обуславливает наиболее типичные, массовые варианты политического поведения. Сегодня российское общество столкнулось с радикальными изменениями во всех областях социального бытия, что не могло не отразиться на массовом политическом сознании. Институциональные основы действовавших до переходных процессов идеологических ориентиров и мировоззренческих ценностей либо трансформировались, либо исчезли.

Массовое политическое сознание в 1990-х годах представляло собой мозаичную картину, составленную из элементов коммунистической, неолиберальной и национал-патриотической идеологий, ведущих борьбу друг с другом и претендующих на доминирующую роль в обществе. В результате этой борьбы ни одной из указанных идеологий не удалось утвердить в общественном сознании свои ценности и сплотить большинство граждан вокруг них.

В качестве определяющего фактора формирования политического сознания российского общества некоторые исследователи выделяют кризис идентичности. Так, к причинам кризиса О.В. Попова относит «отсутствие целей и про-

граммы развития страны, ориентации на общие цели государственных институтов управления, рассогласование целей и действий политических и экономических элит, нестабильность системы управления, межэлитные конфликты, отсутствие общей для большинства населения страны системы ценностей, разрыв между квалификацией, уровнем образования людей и их доходами и статусом в обществе» [4, с. 156]. Основу политической идентичности составляет система ценностей, поэтому для преодоления «расколотого» политического сознания необходимо объединить людей общезначимыми идеями и целями.

По мнению некоторых исследователей, в начале 1990-х годов таким объединяющим фактором являлась демократическая идея, которая впоследствии лишилась всеобщего признания в условиях неэффективной социально-экономической политики [5, с. 71]. Следствием этого, как считает Г.Г. Дилигенский, стало осуществление компенсации утраты политической и национальной идентичности через авторитарную власть, выполняющую важную адаптационную функцию.

Исследования, проведенные в первой половине 2008 г. Институтом социологического анализа, свидетельствуют о существовании целого ряда идей, разделяемых большинством россиян. Это идеи самоценности человеческой жизни, личного достоинства, свободы, равенства всех граждан перед законом, неприкосновенности собственности. В обществе, однако, нет единства в их толковании. Так, реальные расхождения сегодня наблюдаются в отношении не разного понимания свободы и прав человека, а практической деятельности различных политических сил при нахождении их у власти. Люди беспокоены не типом государства, а характером его взаимоотношений с обществом и человеком. Современный россиянин хочет жить в стране, где государство сильно и авторитетно благодаря зажиточности граждан, а не вопреки ей. Ощущение человеком преимуществ индивидуальной свободы по сравнению с прежним диктатом явно перевешивает неудовлетворенность ограниченностью реальных возможностей для самоутверждения и самореализации в новых условиях, поэтому идея коллективизма не может стать в современном обществе доминирующей.

В России сложилось большинство, ориентирующееся на западные стандарты жизни. В связи с этим идея российской самобытности, предполагающая приоритет государственных интересов над индивидуальной свободой, сегодня не способна консолидировать общество. В то же время отторжение советского прошлого переплетается в массовом сознании с симпатиями к советской упорядоченной повседневности, с ностальгическими воспоминаниями о советском образе жизни. Как отмечают Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин, «прошлое мало разрушить, его надо преодолеть, а преодолеть – значит построить заменяющее его настоящее с новой упорядоченной повседневностью, которая лучше старой» [6, с. 140].

Для начала 2000-х годов стал характерным запрос на авторитаризм, обусловленный личностными качествами нового президента, угрозой террористических актов, социальной направленностью экономики, неуверенностью в завтрашнем дне. Однако это не означает отказа большинства граждан от политических прав и свобод, предоставленных Основным Законом страны. В зависимости от воз-

растных групп ценности свободы и социальной защищенности меняются: для молодежи и части людей среднего возраста важнее является свобода, а для остальных приоритетом является социальная защищенность.

Особенность современности – идеологическая эклектичность (неорганическое соединение разных взглядов, теорий), заключающаяся в том, что среди сторонников правых партий достаточно часто встречаются последователи левых идей и наоборот.

В структуре ценностных ориентаций российского общества остается достаточно высокой доля ценностей авторитарного типа. Среди основных тенденций, способствующих сохранению авторитарного запроса в обществе, – неэффективность деятельности государственно-административного аппарата, высокий уровень коррупции, непреодоленный синдром олигархической экономики. Г.Г. Дилигенский справедливо отмечает, что «власть бюрократии и олигархии, не контролируемая демократическими институтами, по природе своей авторитарна» [7, с. 40].

Значительная часть россиян, относящихся к различным возрастным группам, являются в той или иной мере сторонником режима «жесткой руки». В то же время под этим граждане страны подразумевают не авторитарный режим в общепринятом среди политологов смысле, а авторитарное регулирование экономики и защиту личности от произвола и беззакония при сохранении политических свобод. Потенциальная поддержка большой частью населения режима «жесткой руки» – очень опасный симптом. За этим может последовать реальная популярность политического движения или политической партии, непосредственно ориентированных на установление такого рода строя.

В современной России идет процесс трансформации системы ценностей и политических установок, как следствие – состояние неопределенности, выбора между различными направлениями данных изменений. При этом конфликты ценностей наблюдаются не только между профессиональными и социально-демографическими группами, но и внутри основных социальных групп российского общества. Ни одна из них не является однородной в отношении ценностных ориентаций, которые часто выглядят непоследовательными и противоречивыми.

А.А. Галкин утверждает, что интерес к авторитарным формам правления возрос в связи со снижением веры в моральные основы демократии, эффективности демократических институтов. По мнению отечественного ученого, для системы ценностей тех граждан, которые склоняются к авторитаризму, характерны следующие ключевые понятия:

- стремление к безопасности, понимаемой как способность власти справиться с криминалом;

- ориентация на законность, то есть стабильный порядок, обеспечивающий выполнение законов и препятствующий коррупции чиновников;

- ставка на державность, порожденная чувством оскорбленного национального достоинства;

- традиционализм, основанный на социокультурных особенностях России [8, с. 34–35].

Один из инициаторов перестройки, А.Н. Яковлев, описывая особенности российского восприятия власти, отмечал широкое распространение духовного рабства, являющегося следствием напряженности условий существования. В результате в обществе складывается авторитарная форма сознания, отличающаяся склонностью к простым решениям, стремлением переложить ответственность на других, особенно на власть, тягой к легкодоступной вере, а не к знаниям, потребностью подчинения [9, с. 14].

Г.Г. Дилигенский высказал мнение, что российские демократические лидеры из числа либеральной (или «неосоциалистической») интеллигенции оказались в своем подавляющем большинстве совершенно не готовыми к решению сложнейших практических задач демократического переустройства общества [7, с. 37]. От новой политической элиты ожидали поведения, соответствующего нормам демократии. Однако, не оправдав ожидания общества, она инициировала нелегитимный передел государственной собственности, который происходил вне правовых рамок. В результате в общественном сознании произошел перелом, в нем усилились негативные отношения к демократическому процессу и результатам реформ, следствием чего стало неуклонное падение доверия к существующей власти.

Особенностью России являются завышенные ожидания по отношению к властным структурам, обусловленные во многом прошлым опытом, высокий уровень неудовлетворенности итогами социально-экономического развития, что оказывает отрицательное влияние на восприятие не только конкретных политических сил, но и демократических институтов и принципов.

В феврале 2004 г. Фонд аналитических программ «Экспертиза» провел социологическое исследование «Радикальный авторитаризм в российском массовом сознании». Результаты свидетельствуют о росте авторитарных настроений в начале XXI в. по сравнению с началом 1990-х годов. По мнению М.Ю. Урнова, этот рост определяется растущими ожиданиями россиян, так как годы высоких цен на энергоносители и достигнутая стабильность породили «агрессивную социальную зависть». Таким образом, современный запрос на авторитаризм – «не синдром отчаявшегося сознания», так как люди чувствуют себя достаточно комфортно и половина населения довольна жизнью, и не «авторитаризм ужаса», а «авторитаризм растущих претензий» [10, с. 50]. Выражается это прежде всего в том, что растут претензии к государству: около 70% россиян считают, что оно обязано гарантировать каждому человеку приличную работу и достойный уровень жизни. Люди хотят, чтобы за их благополучие отвечали не они сами, а государство.

Описанные изменения в массовом сознании могут быть охарактеризованы как консервативные тенденции. Под консерватизмом чаще всего понимается политическая идеология, выступающая за сохранение существующего общественного порядка, главным образом морально-правовых отношений, воплощенных в нации, религии, браке, семье, собственности. В Оксфордском политическом словаре внимание акцентируется на том, что консерватизм «приводит к возникновению способа мышления... который ставит перед всеми грандиозными предложениями и принципами вопрос: действительно хороша ли эта идея при данных конкретных условиях?» [11, с. 263]. Если ортодоксальный консерва-

тизм, близкий к традиционализму, не приемлет реформизм, то умеренный консерватизм допускает реформы в рамках существующего социального порядка.

Авторы российских реформ конца XX в. фактически игнорировали исторически сложившиеся традиции, менталитет и особенности характера российского народа. Попытки заимствования и некритического использования идей и опыта других стран были неэффективны при осуществлении либеральных по форме и радикальных по существу российских реформ. Более того, без активной поддержки со стороны широких социальных слоев они не могли быть успешными и не дали желаемых результатов.

Стало очевидно, что выработанные цели, избранные пути, методы и темпы трансформации российского общества нуждаются в серьезной корректировке. В связи с этим возник практический интерес к проблеме российского политического консерватизма, опирающегося на традиции, преемственность, охранительность и стабильность, обеспечивающие постепенную, без крайних мер модернизацию.

По мнению некоторых исследователей, в России нет либеральной традиции и общественных условий, благоприятных для развития либерального сознания. С точки зрения немецкого философа Г. Рормозера, «в России отсутствует автономная личность, сознательный индивид, который был бы способен договориться на разумных началах со всеми остальными и по поводу собственных интересов, и относительно того, что наилучшим образом отвечало бы общим интересам» [12, с. 60–61]. Будущее либерализма он связывает с необходимостью просвещенного консерватизма.

Однако российский консерватор имеет мало общего с консерватором в западном обществе. На Западе консерватизм возник в ответ на многочисленные социальные изменения, потрясшие европейский порядок в связи с крушением феодализма. На раннем этапе своего развития он отражал интересы дворянских кругов, но уже в XIX в., приняв во внимание ряд положений классического либерализма, стал превращаться в идеологическое оружие буржуазии. У новой России оказалось два прошлого – досоветское и советское, поэтому трактовки консерватизма у исследователей этого идеологического течения различные. Так, российский консерватизм, принявший государственно-социалистический характер, тесно слившийся с национал-патриотизмом, представляет собой идейную противоположность западному консерватизму.

Консерватизм в большей степени выражает коллективистские начала общественной жизни, в связи с чем он близок менталитету россиян. Для российских консерваторов жизненно важными ценностями являются равенство, социальная справедливость, поддержка государства. Равенство понимается в социалистическом, перераспределительном смысле и заключается не в равенстве возможностей, а в равенстве результатов. Ставка делается на государственный патернализм в качестве главного орудия распоряжения и распределения материальных и духовных благ. В политическом сознании консервативно настроенных россиян частная собственность связывается не с социальной активностью, ответственностью, стремлением к развитию, а с эксплуатацией.

Для западного консерватора важное значение имеют кодекс чести, уважение к труду, сословная и профессиональная гордость. Российский консерватор орга-

нично и естественно воспринимает «солидарность» людей, которая была необходимым условием элементарного выживания многих из них. Именно «солидарность» является ключом к пониманию природы советского прошлого: коллективизма, духовности (идейности), долготерпения. Эти традиции, как считают российские консерваторы, начинают активно разрушаться, что и является источником переживаемых Россией трудностей.

Консервативные тенденции очень сильны в политическом сознании населения Российской Федерации. С точки зрения Г.П. Артемова и О.В. Поповой, к наиболее значимым эмпирическим признакам ориентации людей на консервативные ценности в условиях современной России можно отнести следующие:

уверенность в том, что порядок важнее свободы, а справедливость важнее прав человека;

верность традициям и неприятие радикальных реформ;

убежденность в том, что интересы государства выше интересов отдельного гражданина;

установка на сильное государство как фактор обеспечения порядка и благополучия;

признание необходимости социального неравенства;

допущение возможности ограничения некоторых прав граждан ради достижения государственных целей [13, с. 384].

Кардинальные перемены в политической культуре требуют длительного времени, так как консервативный дух имеет глубокие корни в тысячелетней российской истории. Утверждению консервативного мышления способствуют исторические кризисы, резко сокращающие пространство, в котором дееспособен либерализм, что заставляет его приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Библиографический список

1. Дегтярев, А. А. Основы политической теории [Текст] / А. А. Дегтярев. – М., 1998.
2. Гозман, Л. Я. Политическая психология [Текст] / Л. Я. Гозман, Е. Б. Шестопал. – Ростов н/Д, 1996.
3. Мелешкина, У. Ю. Политическое сознание [Текст] / У. Ю. Мелешкина // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сб. учеб. мат-лов. – М., 2001.
4. Попова, О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества [Текст] / О. В. Попова. – СПб., 2002.
5. Шестопал, Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии [Текст] / Е. Б. Шестопал. – М., 2000.
6. Кутковец, Т. И. Русские идеи [Текст] / Т. И. Кутковец, И. М. Клямкин // Политические исследования. – 1997. – № 2.
7. Дилигенский, Г. Г. Демократия на рубеже тысячелетий [Текст] / Г. Г. Дилигенский // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001.
8. Галкин, А. А. Социальная дифференциация и массовое сознание [Текст] / А. А. Галкин // Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики / под ред. Ю. А. Красина. – М., 2004.
9. Яковлев, А. Н. Реформация в России [Текст] / А. Н. Яковлев // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2.
10. Урнов, М. Современная Россия: вызовы и ответы [Текст] / М. Урнов, В. Касамара : сб. мат-лов. – М., 2005.

11. Политика: Толковый словарь. Русско-английский [Текст]. – М., 2001.
12. Рормозер, Г. Новый консерватизм: вызов для России [Текст] / Г. Рормозер, А. А. Френкин. – М., 1996.
13. Артёмов, Г. П. Консервативные ценности в политическом сознании населения Санкт-Петербурга (результаты эмпирического исследования) [Текст] / Г. П. Артёмов, О. В. Попова // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : сб. науч. статей. – СПб., 2005. – Вып. 2.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

В.Г. Валугев

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В различных сферах жизнедеятельности российского общества идет процесс закрепления изменений, которые были вызваны крушением советской социетальной системы. Среди многочисленных трансформаций – изменения социально-политических институтов, поведения людей, господствующих норм и ценностей.

Наиболее сложно закрепление на институциональном уровне ценностей, в частности патриотизма. За последние десятилетия его трактовка неоднократно изменялась: от системы ценностей, формировавшей привязанность к родной земле, языку, традициям до понимания его в качестве составной части общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в развитии общества и государства.

В начале XXI в. наряду с традиционным пониманием патриотизма как любви к Родине, преданности своему Отечеству и готовности к его защите возникают дополнительные ценностные составляющие: участие в развитии экономической и оборонной мощи, а также укреплении самостоятельности государства, развитии территории, на которой человек родился [1, с. 164].

Подобное содержание рассматриваемого явления позволяет выделить два основных направления формирования патриотизма в современных российских условиях. В первом случае речь идет о формировании патриотизма на базе общих интересов и ценностей Российской Федерации; во втором – о построении патриотизма на региональном или местном уровне, характеризуемого привязанностью, любовью к родному краю, городу, деревне, улице, семье, организации, спортивной команде. Естественно, что оба выделенных направления не могут функционировать независимо друг от друга, а находятся во взаимоукрепляющей и гармоничной связи.

Сложившаяся в начале третьего тысячелетия социально-политическая ситуация

показала, что патриотизм, некогда существовавший в Советском Союзе, в постсоветскую эпоху объективно не соответствует российским реалиям и потребностям. Это связано с тем, что советский тип патриотизма представлял собой абстрактную категорию и был представлен в виде данности, которой нужно следовать. Постсоветский же патриотизм 1990-х годов ограничивался популистскими лозунгами и откровенно использовался политиками в корыстных целях. Такое понимание данного явления оказалось невостребованным в новом тысячелетии. Назрела острая необходимость в создании новых ценностных основ патриотизма, способных дать возможность гражданам осознавать свою любовь к Родине, «жить болью Отечества, быть сопричастным его триумфам и поражениям, испытывать гордость за свои национальные традиции и за принадлежность к Великой России» [2, с. 164].

Современный патриотизм неотделим от нравственности и индивидуальности, непоколебимой веры в достоинство человека и его высокое предназначение, а значит, далек от упрощенных схем советского и постсоветского патриотизма. Естественно, что представление о патриотизме как о сугубо личном чувстве по отношению к своей стране поставило в тупик социально-политических субъектов и самих российских граждан.

Попытки социально-политических субъектов определить пути формирования патриотизма нового типа предпринимались неоднократно. Было предложено множество направлений:

- привлечение граждан к активному участию в решении проблем общественного развития;

- воспитание в гражданах чувства самоотверженности во имя достижения общей цели;

- достижение понимания необходимости сохранить и способствовать развитию государственности, духовности, социально-экономической сферы;

- применение возможностей и способностей граждан в отстаивании и защите общественных идеалов и ценностей;

- привлечение к созиданию инновационного потенциала общества, способного вывести Родину на новый, более высокий уровень развития [3, с. 19].

Упрощенные и единичные шаги в формировании российского патриотизма не нашли отклика в сознании граждан, требовалась иная схема и система, интегрирующая в себе разрозненные составные части. В связи с этим принятие в 2001 г. Правительством РФ Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» положило начало открытию перспектив и возможностей в организации и содержании патриотического воспитания в новых исторических условиях, а также оценки роли и места патриотизма в обеспечении национальной безопасности России.

Данной Программой подготовлена почва для развития системы патриотического воспитания граждан на федеральном уровне, однако за ее рамками остаются региональный и муниципальный уровни. Подобный подход к построению системы патриотического воспитания граждан вызвал критику со стороны социологов. Ученые отметили, что разработанная Правительством РФ Программа не носит всеобъемлющего характера, ее разработчики не ставят своей целью сделать всех граждан России за пять лет ее действия патриотами. По их мнению, цели

были ограничены потребностями развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации и ориентированы на обеспечение консолидации общества и поддержание общественной и экономической стабильности, а также укрепление единства и дружбы народов Российской Федерации [4, с. 19].

Существовавшую на тот момент времени ситуацию в сфере патриотического воспитания подтверждали и исследования, которые определяли уровень патриотизма среди российских граждан. Так, социологические опросы показали, что количество граждан, считавших себя патриотами, с момента начала действия Государственной программы не увеличилось. Более того, россияне продемонстрировали свое безразличие к общегражданским и социальным проблемам. На первом месте для них (с огромным отрывом) стоят проблемы личного характера: материальное положение, обеспеченность жильем, трудоустройство и другие. Данная ситуация могла бы считаться нормой, если бы между личными и общественно значимыми проблемами не было такого значительного разрыва [5, с. 20].

Для того чтобы восполнить недоработки в сфере патриотического воспитания граждан, Правительство РФ в 2006 г. запустило новую Государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [6, с. 13]. Она становится продолжением предыдущей Программы и включает в себя целый комплекс нормативно-правовых, организационных, научно-исследовательских и методических мероприятий, призванных обеспечить решение основных задач в области патриотического воспитания. Несмотря на поставленную в ней цель, в частности совершенствования системы патриотического воспитания в соответствии с современными историческими особенностями Российского государства, достигнуть положительных результатов будет так же сложно, как и в случае с первой Программой.

Согласно Программе под современными историческими особенностями Российского государства понимается приобщение граждан Российской Федерации к развитию России как свободного, демократического государства, формированию у них не только высокого патриотического сознания и верности Отечеству, но и готовности к выполнению конституционных обязанностей. При этом Программа не предлагает конкретных шагов по реализации поставленной цели, что, с одной стороны, объясняется ее общегосударственной направленностью, с другой – недостижимостью поставленных целей.

Главной ценностью новой Государственной программы является выделение основания для воспитания патриотизма у россиян, которое позволяет не только изменить отношение человека к своей Родине и к истории государства, но и к своей собственной повседневной деятельности, направленной отныне на улучшение экономического, экологического и социального состояния родной территории. Таким образом, патриотизм становится важнейшей ценностной составляющей гражданственности, то есть совокупности базовых, сложившихся на определенный момент времени ценностей, норм и ролей, принятых за образец. Кроме того, патриотизм призван способствовать выработке субъектной модели гражданственности и ее поведенческих проявлений.

Опора на конституционные обязанности и гражданственность делает процесс воспитания патриотизма среди российских граждан делом государствен-

ной важности. В настоящий момент на место стихийному (в соответствии с законами социальной самоорганизации людей в их совместной жизнедеятельности) формированию патриотизма в современном российском обществе приходят научно обоснованные методики, опирающиеся на общую концепцию патриотизма. Естественно, что воспитание граждан в духе патриотизма – это сложный и своеобразный процесс, который может быть понят и осуществлен за определенный промежуток времени, но выбранный государством путь позволит решить значительный круг проблем в данной сфере.

Основными преградами для подъема патриотического сознания являются противоречия между нравственностью и антисоциальными, аморальными явлениями отечественного нецивилизованного рынка услуг, СМИ, огромный разрыв между сверхбогатыми и крайне бедными слоями населения. С одной стороны, большинство граждан страны находятся в более или менее нормальной нравственной обстановке семьи, учебных заведений, работы, с другой стороны, на улице, в транспорте, в сфере развлечений и досуга они оказываются в совершенно иной атмосфере. Кроме того, сложно гордиться страной, в которой с трудом выживают старики, часто страдают дети, большая часть взрослого населения не видит будущего и все больше растет разница в доходах различных слоев населения [7, с. 17].

Дополнительной возможностью формирования патриотизма следует считать разработку региональных и муниципальных программ. Так, эффективность федеральных целевых программ нередко зависит от их конкретизации на региональном уровне местными программами, которые учитывают социальную, экономическую, культурную и демографическую специфику отдельной территории.

В Саратовской области в 2006 г. в рамках программы «Молодежь Саратовской области на 2006–2008 годы» принята подпрограмма «Патриотическое воспитание детей и молодежи» [8]. В ней запланированы конкретные мероприятия по привитию детям и молодежи патриотического сознания. В частности, организация и проведение встреч молодежи с военнослужащими, проходящими контрактную и срочную службу в Вооруженных Силах; организация участия представителей молодежи во всероссийских семинарах-совещаниях патриотической направленности; проведение областного конкурса среди СМИ по освещению проблем патриотического воспитания и многое другое.

В современных российских условиях необходимы участие граждан в решении проблем общественного развития, стремление сохранить государственность и способствовать ее развитию, комплексные меры по укреплению патриотизма среди российских граждан. Выбранный Российским государством путь системного патриотического образования россиян неоднократно изменялся, но на современном этапе развития общества найдено одно из верных оснований для воспитания патриотизма – конституционные обязанности.

Естественно, что в процессе патриотического воспитания возникает множество проблем, но также намечаются и позитивные сдвиги. Сегодня задачи формирования патриотизма среди россиян отражаются на всех направлениях государственной политики и определяют особое направление государственной и общественной деятельности. При этом намечаются перемены в реализации федеральной политики на региональном уровне в сфере патриотического воспитания

граждан. Например, опираясь на основные положения Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы», Правительство Саратовской области создало подпрограмму, направленную на воспитание патриотизма среди детей и молодежи региона.

В России существуют программные пути формирования патриотизма среди граждан. На федеральном уровне закладываются основные ценности патриотического воспитания, а на региональном – осуществляются конкретные шаги по вовлечению населения в этот процесс. Муниципальные образования, к сожалению, пока принимают лишь опосредованное участие в воспитании патриотизма среди россиян, хотя объективные требования обуславливают необходимость осуществления патриотического воспитания на всех уровнях социально-политического управления обществом и государством.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. ; СПб., 2000.
2. Послание Президента РФ Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Россия, за которую мы в ответе» [Текст] // Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию 1994–2005. – Новосибирск, 2006.
3. *Исаков, А.* Российский патриотизм сегодня [Текст] / А. Исаков // Обозреватель. – 2004. – № 7. – С. 17–23.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» [Текст]. – М., 2001.
5. *Семенов, В. Е.* Ценностные ориентации современной молодежи [Текст] / В. Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – № 3.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [Текст]. – М., 2005.
7. *Гаврилюк, В. В.* Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи [Текст] / В. В. Гаврилюк // Социологические исследования. – 2007. – № 3.
8. Областная целевая программа «Молодежь Саратовской области на 2006–2008 годы» [Текст]. – Саратов, 2006.

УДК 355(470+571)
ББК 68.4(2)

А.А. Шевелев

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ К КОНТРАКТНОЙ АРМИИ

Вопрос о роли контрактной армии в современной социально-политической системе российского общества является одним из самых злободневных. Это связано с тем, что различные политические силы и социальные

группы не только по-своему определяют статус контрактной армии, но и изменяют свое отношение к ней в зависимости от определенных исторических, социально-экономических и культурных условий развития России.

В социально-гуманитарных науках все больше исследований посвящается пониманию роли контрактной армии в настоящее время и отношению к ней со стороны различных социально-политических групп и институтов. Одним из слабо разработанных научных направлений является исследование динамики отношения органов власти к контрактной армии в России. Между тем от того, какой смысл вкладывают органы власти в необходимость перехода к контрактной армии, во многом зависит доверие граждан к данному социальному институту и его дальнейшее становление и развитие.

Отношение органов власти к контрактной армии неоднократно изменялось, начиная с ноября 1992 г., когда впервые в постановлении Правительства РФ № 918 «О мерах к поэтапному переходу к комплектованию ВС РФ в добровольном порядке по контракту» [1] говорилось о возможности перехода армии на контрактную основу. Несмотря на наличие постановления, не было предпринято конкретных мер в данном направлении.

Позже, в 1996 г., органы власти снова обратились к военной реформе. Более того, была названа точная дата введения контрактной или смешанной армии – 2000 г. [3, с. 45]. Однако вновь никаких конкретных шагов не последовало, и только в 2002–2003 гг. была разработана Федеральная целевая программа «Основы государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года», по результатам которой можно говорить о частичном переходе Вооруженных сил Российской Федерации на контрактную основу.

В научной литературе и публичной политике исследователи, политики и государственные служащие искали объяснение данному феномену в экономических, в частности финансовых и социальных, барьерах [3, с. 86]. Тем не менее основная причина видится в изменении отношения органов власти к институту армии и пониманию ее роли в современном российском обществе. В результате проведенного контент-анализа Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ и выражающей позицию властей официальной прессы было выявлено несколько ключевых моментов, характеризующих пересмотр органами власти отношения к контрактной армии.

При реализации различных реформ, в т. ч. и в военной сфере, необходимо учитывать два фактора: исторический, характеризующий эволюцией общества, и социально-психологический, непосредственно связанный с развитием общественного сознания. Идеальная модель реформирования должна учитывать оба фактора, только тогда она будет эффективна.

Обнаруженные изменения отношения органов власти к контрактной армии совпали с неудачами и успехами в продвижении военной реформы. При этом подобные перемены связаны с социокультурным (совокупность традиционных, исторических, временных и территориальных характеристик) подходом к пониманию роли контрактной армии на определенном этапе развития общества.

Были выделены две ключевые позиции органов власти по отношению к контрактной армии.

Во-первых, во главу угла при проведении военной реформы ставились исторические особенности российского общества и игнорировались социально-психологические характеристики населения. Например, с 1992 по 1995 г. предназначение контрактной армии властными структурами виделось в защите суверенитета и территориальной целостности, а также других жизненно важных интересов Российской Федерации в случае совершения агрессии против нее или ее союзников. В Послании Президента РФ Б.Н. Ельцина речь идет о том, что «проблема защиты суверенитета, независимости и целостности государства непосредственно связана со стабильностью его границ, надежностью их охраны; именно до государственной границы распространяется сфера действия суверенитета» [3, с. 45]. В результате ставилась цель создания такой армии, которая была бы способна защитить государственные границы. Именно в этот период было принято решение формировать военные округа с высокомобильными Вооруженными силами, способными вести автономные действия и локализовать в короткие сроки любые конфликты.

Начиная с 1996 г. на первый план выходят проблемы, связанные с разрешением региональных конфликтов не только на территории Российской Федерации, но и во всем мире. Отношение органов власти к контрактной армии резко изменяется. Теперь она – не просто гарант суверенитета, но и институт, способный обеспечить защиту от внешних и внутренних угроз на территории Российского государства и на всем пространстве СНГ. Таким образом, контрактная армия должна не просто измениться, а полностью соответствовать новым социально-политическим условиям. В частности, эффективно взаимодействовать с международными организациями (СНГ, ООН, ОБСЕ) в сфере обеспечения безопасности и миротворчества.

В качестве основных функций контрактной армии стали выступать функции пресечения угрожающих жизненно важным интересам России вооруженных конфликтов; противоправного вооруженного насилия в пределах территории Российской Федерации, на ее государственной границе и границах других государств в соответствии с договорными обязательствами; проведение операций с целью поддержания мира по решению Совета Безопасности ООН или в соответствии с международными обязательствами России [3, с. 111]. Результатом подобной политики явилось избавление армии от несвойственных ей функций и организационных структур: военно-строительных частей, сельскохозяйственных и торговых предприятий.

Во-вторых, в конце XX и начале XXI в. изменилась социокультурная ситуация. В связи с этим основное предназначение контрактной армии стали определять через ее способность стабилизировать политическую ситуацию и обеспечивать политический порядок в стране. Подобное отношение органов власти к контрактной военной службе оказалось созвучным историческому развитию российского общества и общественному сознанию российских граждан.

Граждане России и органы власти обоюдно стремились к наведению порядка и установлению стабильности, поэтому, впервые за десять лет появилась возможность реализации военной реформы. Подтверждение этому можно найти в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ, в котором говорит-

ся, что наступил момент, когда «преодолено отношение к военной реформе как к чему-то искусственному и навязанному сверху и общество воспринимает ее как острую и объективную необходимость» [2, с. 127]. Ученые также находили объяснение в демократических преобразованиях и отмечали, что причиной крушения многих демократий и реформ была неспособность народа осознать и организовать силу для защиты своего права воплотить коллективную волю в действительную государственную власть [4, с. 86].

С 2003 г. органы власти при реформировании системы Вооруженных сил стремятся к концентрации внимания на общественном сознании граждан и его социально-психологических особенностях, поэтому значимость контрактной армии теперь определяется ее способностью обеспечивать благополучие и мирное развитие страны. Оно же зависит от системы безопасности, сложившейся на определенный момент времени в государстве. При этом система безопасности выходит за рамки военной сферы и понимается в широком смысле, то есть охватывает все сферы жизнедеятельности общества: военную, экономическую, правовую, социальную, экологическую. Для того чтобы всесторонне обеспечивать безопасность и гарантировать территориальную целостность России, ставку федеральная власть делает на армию с интеллектуальным офицерским корпусом, высокопрофессиональным младшим составом, с солдатами, которые искренне хотят и готовы служить своей Родине [5]. Результатом подобной политики органов власти явилась разработка Федеральной целевой программы «Переход к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, ряда соединений и воинских частей», направленной на то, чтобы сделать армию способной адекватно реагировать на современные угрозы и вести одновременно борьбу в нескольких локальных конфликтах [6].

Наконец, современная политика государственных органов власти нацелена на создание престижной и современной контрактной армии. Следовательно, ведущий принцип – «человек защищающий родину, должен иметь высокий общественный и материальный статус, прочные социальные гарантии» [6]. При таком подходе важное место уделяется изучению ожиданий населения. Новая политика в данной сфере основана на том, что «армия – это часть нас самих, нашего общества, а служба в ней крайне важна и необходима стране, всему российскому народу. Солдат есть звание высокое, почетное, он «представляет всероссийское единство, русскую государственную волю, силу, честь» [7, с. 6].

Современность контрактной армии определяется в первую очередь целями, стоящими перед Российским государством. В соответствии с Доктриной Вооруженных сил РФ, целью их перехода на контрактную основу является приведение в соответствие с современной военно-политической обстановкой и возможностями государства, повышение их боевой готовности и боеспособности за счет оптимизации структуры, состава и численности, подъема качественного уровня технической оснащенности, подготовки и обеспечения, социального статуса военнослужащего [8]. Разработка подобной цели напрямую связана с современной военно-политической обстановкой в мире.

Профессиональный уровень российской армии должен соответствовать общемировым стандартам, что включает в себя высокое качество оперативной и

боевой подготовки, воспитания войск, укрепление правопорядка и воинской дисциплины; повышение качественного уровня технической оснащенности войск; обеспечение правовой и социальной защиты военнослужащих и уволенных с военной службы, членов их семей [8].

Политические основания для создания контрактной армии напрямую связаны с различными военно-политическими угрозами российскому государству. Армия призывного или альтернативного типа неспособна предотвратить современные внутренние и внешние угрозы. Это обусловлено тем, что необходима особая сила, имеющая возможность противостоять экстремистским национально-этническим, религиозно-сепаратистским и террористическим организациям; профессионально бороться с использованием информационных средств и технологий, действовать в соответствии с принципами и нормами международного права.

Итак, отношение государственных органов власти к контрактной армии постоянно изменяется в соответствии с двумя основными факторами: историческими особенностями развития российского общества и общественным сознанием граждан. Динамика отношения органов власти к функциональному предназначению контрактной армии в современной России выстроена с опорой на один из факторов. Это привело к провалу военных реформ в период с 1992 по 2000 г. В последние несколько лет органы государственной власти делали попытки учесть оба фактора при разработке и внедрении государственной военной политики, создать современную и престижную армию.

Выявленная динамика отношений органов власти к контрактной армии демонстрирует две основные тенденции. Первая выражается в формировании новой армии в соответствии с изменяющейся общественно-исторической ситуацией (с 1992 по 2002 г.); вторая – в согласовании данного процесса с потребностями граждан. Для того чтобы укрепление вооруженных сил было соизмеримо с возможностями национальной экономики, характером потенциальных угроз, международной обстановкой и интересами граждан необходимо, учитывать оба фактора.

Библиографический список

1. <http://www.redstar.ru/docum>
2. Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию 1994–2005 / [Текст]. – Новосибирск, 2006.
3. Воробьев, Э. Система комплектования военной организации государства [Текст] / Э. Воробьев, В. Цымбал // Мировая политика и международные отношения. – 2007. – № 3.
4. План Президента Путина. Руководство для будущих президентов России [Текст] : сб. / сост. Г. О. Павловский (при участии А. В. Чадаева, А. В. Шпунта). – М., 2007.
5. Федеральная целевая программа «Переход к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, ряда соединений и воинских частей» на 2004–2007 годы // <http://www.rost.ru>
6. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. [Текст]. – М., 2006.
7. Доктрина Вооруженных сил Российской Федерации // <http://bespal-chij.temator.ru/cont/149/3.html>

Г.И. Тычков

ВОЕННООБЯЗАННЫЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Российское общество на современном этапе переживает сложный период своей истории, который сопряжен с глубокими и всесторонними преобразованиями во всех сферах жизни. Продолжается изменение характера основополагающих институтов российского общества, его экономических, политических, социальных и духовных основ. Масштабная модернизация всех областей жизнедеятельности российского общества, безусловно, затрагивает и региональные процессы.

Противоречия, возникающие в ходе трансформации российского общества, актуализируют необходимость всестороннего изучения проблем развития регионов. Начавшийся в России в 1990-е годы процесс регионализации дал импульс к развитию интегративных исследований региональных проблем. Социологическое изучение различных аспектов жизни российских регионов было в основном направлено на выявление причин и путей преодоления социально-экономического неравенства субъектов Федерации и формулирование предложений по управлению региональными процессами.

Развитие регионов России и до распада СССР в силу исторических причин не было однородным, но в настоящее время региональное неравенство особенно заметно. Социально-экономические трансформации, происходившие в регионах России, неизбежно затрагивают военную сферу. В связи с этим актуально изучение регионального аспекта проблемы социокультурных трансформаций, влияющих на общество и армию в современных социально-экономических условиях.

Решение существующих проблем, носящих порой латентный характер, невозможно без их всестороннего анализа и изучения, и не случайно в последнее время значительно вырос интерес к вопросам повышения качества планирования и комплектования войск мобилизационными людскими ресурсами со стороны ученых-исследователей и руководителей-практиков. Однако комплексные социологические исследования, связанные с изучением влияния регионального аспекта на Вооруженные Силы РФ, их мобилизационную готовность, ценностные ориентации военнообязанных различных регионов нашей страны, встречаются довольно редко.

Отдавая должное немногочисленным исследовательским работам по комплексному изучению региональных проблем, влияющих на мобилизационную готовность армии, необходимо отметить, что значимость социально-экономических процессов, протекающих в российских регионах, для Вооруженных Сил РФ невозможно переоценить. В современной России имеются значительные различия между регионами и даже внутри них, между отдельными муниципальными

образованиями по уровню, качеству и образу жизни, вызванные социокультурными и экономическими условиями, которые оказывают влияние на мобилизационную готовность вооруженных сил.

Неоднородность регионов по уровню социально-экономического развития и внутренние противоречия создают конфликтные ситуации в российском обществе, углубляют различия между центром и периферией, негативно отражаются на результатах военной реформы, превращают Российскую армию в институт повышенного риска, а военнообязанных, как показывают социологические опросы, – в категорию населения, недовольную процессами, протекающими в стране.

Роль армии в жизни общества (в глобальном, региональном и внутригосударственном масштабах) была всегда высока. В руках военнослужащих находится огромная сила, при помощи которой можно не только принудить к определенному поведению все общество, но и уничтожить саму жизнь на планете.

При рассмотрении социально-экономической ситуации внутри регионов вскрываются факторы, отрицательно воздействующие на исполнение членами общества воинской обязанности. Наиболее ярко это влияние негативных факторов отражается на ведении воинского учета, предусматриваемого воинской обязанностью граждан и обеспечивающегося государственной системой регистрации призывных и мобилизационных людских ресурсов [1]. К таким факторам можно отнести следующие:

1) миграцию населения в отдельных регионах страны и увеличение ее масштабов на современном этапе;

2) бродяжничество и существование граждан без определенного места жительства;

3) социальную стратификацию населения – расслоение и неравенство, особо ярко выраженные в отдельных регионах;

4) влияние региональных властных структур на исполнение федеральных законов, касающихся Вооруженных Сил РФ.

Значение перечисленных факторов для армии огромно, и каждый из них настолько обширен, что вполне может стать предметом отдельного исследования. Процесс миграции представляется, на наш взгляд, одной из основных проблем, обостряющихся в результате комплекса причин: военных конфликтов, экономической нестабильности отдельных регионов, межэтнической розни. Очевидно отрицательное влияние фактора миграции на готовность субъектов РФ и муниципальных образований к подготовке и проведению мобилизационных мероприятий.

Поддающееся большинство мигрантов, в том числе неорганизованных, являются военнообязанными, которым в соответствии с действующим законодательством предписано в той или иной форме исполнять воинскую обязанность как в мирное, так и в военное время. Однако они не всегда поддаются воинскому учету, так как в большинстве случаев проживают без регистрации по месту пребывания и без постановки на воинский учет и, следовательно, не могут быть вызваны в военный комиссариат. Эта категория военнообязанных считается людскими мобилизационными ресурсами лишь формально, на бумаге.

Задачи по проведению всего многообразия мобилизационных мероприятий Вооруженных Сил РФ под руководством военных комиссариатов возлагаются на военнообязанных – граждан Российской Федерации мужского или женского пола, состоящих или обязанных состоять на воинском учете и зачисленных в запас [1]. Аппарат усиления военного комиссариата создается в мирное время и предназначен для обеспечения оповещения, призыва и отправки мобилизационных ресурсов в Вооруженные Силы РФ, другие войска, воинские формирования и органы, специальные формирования. Деятельностью аппарата усиления руководит военный комиссар [2]. Неучтенных мигрантов невозможно привлечь для работы в составе аппарата усиления военных комиссариатов даже в мирной обстановке, не говоря уже о военном времени.

Такие же трудности для организации мобилизационных мероприятий субъектов РФ и муниципальных образований создает и бродяжничество – существование практически во всех регионах России граждан без определенного места жительства. Эта категория людей скитается по дорогам нашей страны, живет в подвалах, неучтенных строениях или вовсе под открытым небом. Точная статистика лиц без определенного места жительства на сегодняшний день отсутствует.

На мобилизационной готовности Вооруженных Сил РФ негативно отражается и существующая социальная стратификация населения, в том числе военнообязанных. Социальное неравенство, значительное расслоение общества на богатых и бедных, наиболее ярко выраженное в отдельных регионах России, ставит под сомнение возможность исполнения воинской обязанности всеми членами общества на равных условиях. Опросы, проводимые в военных комиссариатах, показывают, что привлечение для работы в составе аппарата усиления военных комиссариатов членов общества с высокими доходами является труднодостижимым и практически нецелесообразным. Статистика свидетельствует, что явка такой категории военнообязанных по вызову в военные комиссариаты в процентном отношении ничтожно мала и не превышает 5%. Вся нагрузка по выполнению работ в составе аппарата усиления ложится на плечи малоимущих и на временно не работающих лиц.

Вызывая рассогласование системы военно-социальных отношений, социальные противоречия и региональные проблемы выступают первопричиной для возникновения особого состояния военнообязанных – неприятия складывающихся условий жизнедеятельности, неудовлетворенности своим положением в обществе.

Социологические исследования, проводимые с участием представителей военных комиссариатов большинства регионов России, подтверждают наши предположения, что решающая роль в разрешении возникающих противоречий по выполнению воинской обязанности в регионе принадлежит руководству страны и регионов, руководящему составу армии на всех его уровнях. Практические меры, принимаемые на современном этапе руководством страны по обеспечению социальной и правовой защиты членов российского общества, военнообязанных, лиц пребывающих в запасе, в целом позитивно влияют на морально-психологический климат в регионах, но не в полном объеме решают имеющиеся проблемы.

В целях преодоления негативных явлений, существующих в обществе, представляется необходимым создание и осуществление федеральной целевой программы для решения проблем и организации социальной поддержки мигрантов и граждан без определенного места жительства. Считаем актуальным проведение научных исследований социальных процессов, протекающих в обществе, определение подходов и методов по уменьшению влияния неблагоприятных факторов на мобилизационную готовность Вооруженных Сил РФ в социально-экономическом, правовом, морально-этическом и военном аспектах.

Одним из способов решения насущных проблем представляется организация взаимодействия различных ведомств федерального и регионального уровня, общественных фондов, занимающихся вопросами миграции и бродяжничества населения и призванных помогать беженцам и вынужденным переселенцам, с местными органами военного управления – военными комиссариатами в сфере ведения оперативного воинского учета мигрантов и лиц без определенного места жительства. Очевидно, что необходимо совершенствовать формы организации воинского труда, систему воинского учета, обучения и подготовки военно-обязанных, привлекаемых в состав аппарата усиления военных комиссариатов. Решение перечисленных проблем требует учета региональных особенностей.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 6 дек.
2. Указ Президента РФ от 1 сентября 2007 г. № 1132 «Об утверждении Положения о военных комиссариатах» [Текст] // Российская газета. – 2007. – 7 сент.

УДК 32.01+004.9
ББК 66.04+32.973–018.2

Д.В. Акаев

МЕСТО ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из самых важных мировых тенденций двух последних десятилетий ученые считают чрезвычайно возросшие возможности коммуникации. В начале 1990-х годов Интернет из специализированных систем научного сообщества перешел в более совершенную с точки зрения употребления систему, трансформировавшую модель социального общения.

Стремительное развитие глобальной компьютерной сети Интернет и освоение людьми ее возможностей оказывают влияние на самые разные области

жизни и деятельности человека. Это приводит в том числе к возникновению новых видов общественных отношений и организационных структур.

За последние несколько лет Интернет стал частью нашей жизни. По данным как общероссийских [1], так и региональных [2] исследований, пользователем глобальной сети в России является уже каждый четвертый житель страны старше 18 лет. Говоря о качественном составе Интернет-пользователей, достаточно тяжело выделить тех, кто потребляет услуги информационной среды постоянно, становясь ее частью, и тех, кому Интернет интересен опосредованно.

Доля ежедневных посетителей виртуальных территорий и тех, кто заходит в Интернет несколько раз в день, увеличивается. В целом этому способствует массовое развитие сети широкополосного доступа, особенно в регионах, в течение последних двух лет. Появление новых игроков на рынке, предложение новейших форм подключения вкупе с удешевлением услуги приобщают массовые слои к Интернету не как к игрушке, а как полноценному источнику информации, для части потребителей – как к средству общения и месту жительства. В связи с этим особую роль приобретают исследования места Интернет-сообществ в политической жизни общества и в системе государственного управления.

Проблема феномена Интернета, его общественно-политической стороны уже не первый год привлекает ряд ученых. В последнее время новый толчок исследованиям придает заинтересованность власти в содействии организации взаимодействия государства, граждан и бизнеса на основе современных информационно-коммуникационных технологий. Потенциал и значение Интернета в таком ракурсе, безусловно, понятны. Во-первых, учитывая размер территории России, Интернет является самым доступным из всех средств связи, предлагая при этом намного более развитый функционал коммуникации. Во-вторых, использующая возможности Интернет система государственного регулирования и контроля действий ответственных должностных лиц становится оптимально прозрачной и понятной. В-третьих, немаловажен сам механизм получения объективной обратной связи через Интернет в диалоге общества и власти, позволяющий миновать различных посредников.

Интернет-сообщество представляет собой группу лиц, которые, находясь в состоянии взаимозависимости друг от друга, координируют и согласовывают свою совместную деятельность при помощи Интернет-технологий. Существуют непосредственно виртуальные сообщества и оффлайновые, использующие Интернет в качестве одного, но не преобладающего в отношении иных средств коммуникации. Как и обычное сообщество, Интернет-сообщество создается с определенной целью (даже если эта цель – приятное времяпрепровождение). Сообщество людей, увлеченных общей целью, является мощным средством ее достижения, особенно в современном обществе и бизнесе, где основную ценность приобретает человеческий талант.

Принципиальная особенность Интернет-сообществ заключается в том, что использование Интернет-технологий в процессе совместной деятельности людей позволяет в большей степени, чем ранее, осуществлять ее регулирование на

основе прямых информационных обменов и взаимодействий между всеми членами сообщества. Эти новые возможности позволяют членам Интернет-сообществ конструировать новые правила социально-экономического поведения и соответствующие регулирующие институциональные механизмы.

Хотя различные виды Интернет-сообществ уже реально существуют с середины 1990-х годов, их комплексное научное исследование еще только начинается. Недостаточный уровень разработанности проблемы объясняется некоторым отставанием в научном осмыслении феномена Интернет-сообщества от темпов реального формирования данных сообществ и связанных с их функционированием глобальных социально-экономических изменений. Первым к социологическому анализу данного феномена обратился М. Кастельс, чья концепция оказала большое влияние на формирование научного знания по этому вопросу [3]. Howard Rheingol, Albert Benschor, Robin B. Hamman работают над феноменом «виртуальных» или «онлайновых» сообществ, объясняя принципы их формирования, функционирования и конструирования [4].

Одним из проявлений Интернет-сообщества, конечно же, является Интернет-блог. Интернет-блоги (от англ. web-log – веб-журнал) впервые появились в США и получили распространение как личные сетевые дневники, в которых можно обсуждать то, что интересует автора и его друзей-подписчиков («френдов»). По сути, это было творческое развитие идеи Интернет-форумов в сторону их индивидуализации, повышения прав и возможностей отдельных пользователей. По-видимому, популярность блогов связана с возросшим стремлением современного человека к самовыражению, к самостоятельному формированию своего круга общения и круга источников информации. Блоги просто предоставили для этого удобные технические возможности. Их использование позволяет быстро создавать новые социальные сети-сообщества по интересам, увлечениям и симпатиям, не ограниченные государственными границами.

Термин «блогосфера» появился еще в 1989 г. и обозначал «совокупность всех блогов». Тогда их было во всем мире всего несколько сотен, а сейчас, по некоторым экспертным оценкам, их более ста миллионов. По данным «Яндекса», сегодня в Рунете более 3 млн Интернет-дневников (блогов). Русскоязычная блогосфера растет быстрее мировой и увеличилась на 74% за последние полгода, в то время как мировая – лишь на 41% [5].

До сих пор продолжают дискуссии о природе Интернет-дневников. Некоторые правоохранительные инстанции в России рассматривают блоги именно в качестве Интернет-СМИ и применяют законодательство о средствах массовой информации к нарушителям правовых норм в Интернет-блогах. Часть исследователей определяет их как средства массовой информации, но вряд ли такая точка зрения является правильной: в блогосфере нет непосредственно журналистов. В ином случае каждого участника следует считать автором и журналистом, а блогосферу признать многосторонней коммуникационной средой.

В последнее время часто ведутся дебаты по вопросу о том, насколько Интернет-блоги способны оказывать влияние на формирование общественного мнения. Эта проблема занимает не только социологов и экспертов по медиа, но и политтехнологов, которых интересуют возможности использования блогов в

предвыборных технологиях, в оказании влияния на политическую ситуацию в стране в целом.

Очень много публикаций и примеров влияния Интернет-дневников имеется в практике американских политологов. Выборы 2008 г., со всеми праймериз, уже отметились реализуемыми в глобальной сети довольно яркими и интересными проектами противоборствующих сторон. Особенно на этом поприще выделяется Барак Обама, сделавший большую ставку на молодое поколение и внедривший в свои материалы элементы игры и клипы популярных артистов. Российские же сетевые издания как средства агитации в прошедшие парламентские и президентские выборы не были настолько интересны и оригинальны. Даже партийные ресурсы, обычно изобилующие новинками творческой мысли, на этот раз не были так креативны, хотя на период предвыборных мероприятий многие партии, например в Саратовской области, набирали определенный штат для наполнения сайтов и работы с электоратом в Интернете.

Многие дневники «партийно-политической направленности» используются политиками для привлечения сторонников, предоставления им информации, координации действий во время проводимых мероприятий. Например, во время подготовки «Русского марша» была распространена инструкция, призывавшая тысячи сторонников собраться на одной из станций московского метро. К счастью, этот сценарий, грозивший обернуться массовой давкой, был отменен.

Подобные флэш-мобы зачастую возникают стихийно и подчас ограничиваются только Интернет-пространством. Выплескивая эмоции перед экранами мониторов, многие блоггеры отнюдь не торопятся выразить свою позицию «в реале» – на митинге, на уличной демонстрации. Есть, впрочем, и другая тенденция, когда разного рода манифестации предпринимаются в основном для того, чтобы тут же «пропиарить» их в блогах. Они рассчитаны не столько на каких-то случайных прохожих, сколько на заранее приготовленные фото- и телекамеры, моментально передающие «картинку» в блоги. Нередки случаи, когда крупные международные события не получали и половины рейтинга какой-либо местной акции, поддержанной блоггерами. Эксперты расходятся во мнениях, чего здесь больше – вреда или пользы для эффективного выражения политической позиции. Как бы то ни было, это те тенденции, которые необходимо учитывать при исследовании современной публичной политики.

Если рассматривать социально-политический аспект блоггерства, то для этих форм информационного взаимодействия пользователей сети характерны резкие столкновения различных мнений и личностей с взаимоисключающими общественно-политическими и культурно-идеологическими позициями. Такие столкновения происходят зачастую в весьма острой форме, вызывающей неприятие как у людей, привыкших к традиционной этике взаимоотношений, так и у некоторой части самих блоггеров, особенно пришедших в сеть недавно. Специфика данного вида коммуникации отнюдь не исключает попыток различного рода манипулятивных воздействий, учитывая специфику Интернет-аудитории. Некоторые неправительственные организации, действующие на территории Российской Федерации и занимающиеся, например, мониторингом выборных процессов, принципиально не проверяют публикуемую ими информацию. Со-

гласно аналогичному принципу действуют некоторые виртуальные сетевые сообщества. Подобная практика представляется, как минимум, некорректной. Она уже неоднократно становилась объектом внимания со стороны российских неправительственных структур (в частности, организации «Гражданский контроль»).

В последнее время государство в лице правоохранительных и силовых структур пытается постепенно устанавливать свои правила игры в Интернете. Нельзя сказать, что это удалось, но резонанс от дел подобных делу «Алкнис – Шевяков», заставил многих задуматься о неподконтрольности Интернета и независимости участников Интернет-сообществ.

Среди недостатков блогов как средства коммуникации часто называют то, что их аудитория ограничена кругом активных пользователей Интернета. Однако степень ограниченности не следует преувеличивать. Во-первых, число пользователей Интернета в России стремительно растет. Во-вторых, аудитория блогов зачастую имеет непосредственную связь с интеллектуальной и политической элитой страны и способна служить мощным ретранслятором информации. По некоторым данным, около 10% пользователей составляют журналисты, пишущие по общественно-политической тематике. Все чаще наблюдается «выход в реал» того, что происходит в виртуальном пространстве.

Исследователи, основываясь на статистических данных, приходят к выводу, что расширение онлайн-аудитории не усилило политической активности граждан. Напротив, давние пользователи Интернета политически более активны, чем новички. С другой стороны, опыт Великобритании показывает, что через Интернет к политической жизни привлекаются люди, вообще не склонные к традиционным формам политического участия. Согласно комплексному исследованию российской блогосферы, проведенному компанией «Яндекс» в 2007–2008 гг., средний возраст автора сетевого дневника составляет 22 года [6].

Процессы, происходящие в российской блогосфере, очевидным образом связаны с общими тенденциями развития молодежной субкультуры и настроений в этой среде. Молодежь более способна к усвоению новых технологий и представляет наибольший интерес для государственного управления. Во-первых, указанная часть общества менее всего вовлечена в «оффлайновую» политику, и, во-вторых, являясь сегодня школьниками, студентами, завтра становясь работниками и специалистами в различных областях, молодые люди привнесут определенную культуру Интернет-взаимодействия с основными государственными институтами.

Различные Интернет-сообщества начинают играть все более заметную роль в общественно-политической жизни страны. Стихийно сложившаяся на данный момент, эта часть нашего общества пока не выработала свои каноны, этические нормы, нуждается в окультуривании, в очищении ее хотя бы от наиболее вызывающих форм хамства и экстремизма. Однако делать это должны не столько чиновники, сколько сами участники Интернет-сообществ. Интернет – лишь средство, которое можно использовать в самых разных целях. Государству же необходимо переходить от декларативного характера электронных форм взаимодействия с населением к более конструктивному и осязаемому.

Библиографический список

1. Опросы «Интернет в России». Основные результаты / Фонд «Общественное мнение» // <http://www.fom.ru/projects/23.htm>
2. Акаев, Д. В. Интернет-коммуникации в современном обществе (на примере Саратовской области) [Текст] / Д. В. Акаев // Исследование социально-экономических и политических институтов и процессов : мат-лы Всерос. науч. конф. молодых исследователей. – Киров, 2008.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М., 2000.
4. Rheingold, Howard. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier [Текст] / Howard Rheingold. – N.Y., 1993.
5. Арешев, А. Г. Виртуальная политика, сетевой электорат. Блоги стирают границы между наблюдателями и игроками [Текст] / А. Г. Арешев // Информационное право и становление основ гражданского общества в России. – М., 2008.
6. Блогосфера российского Интернета. Информационный бюллетень // http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogsphere_spring_2008.pdf

УДК 32.001
ББК 66.0

А.К. Калямин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В политической науке вопросы наличия информационного пространства политики и его функциональных характеристик впервые получили теоретическое обоснование в рамках теории политических систем. Сторонник функционалистского подхода Д. Истон описывает функционирование политической системы как процесс взаимодействия трех элементов посредством перемещения информации: «входа», «конверсии» и «выхода». Уточнение взаимосвязи «входа» и «выхода» посредством циркулирования информации между ними произвел сторонник структурно-функционального подхода Г. Алмонд. В информационно-кибернетической трактовке политической системы К. Дойча политическая система описывается как организованная совокупность информационных связей. В логике К. Дойча государственная власть функционирует на основе спиралевидных циклических информационно-коммуникативных процессов, при которых конец одного цикла перетекает в начало следующего.

Теоретические положения, выработанные в рамках системно-кибернетического подхода, подразумевают существование информационного пространства политики как условия функционирования политической системы и наличие в ней коммуникативной подсистемы. Политическая коммуникация связана с

процессами формирования информационных полей и осуществления политической власти. Функционирование и развитие политической системы становится возможным в результате ее информационного взаимодействия с внешней средой. Обеспечение этого взаимодействия в условиях постоянного потока запросов общества к политической системе – сфера ответственности политической коммуникации как функции политической системы.

Французский социолог Р.-Ж. Шварценберг, который предложил наиболее цитируемое определение политической коммуникации, охарактеризовал ее как «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между политической и социальными системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия» [1, с. 174].

В результате научных разработок теорий политической коммуникации политологи пришли к общему базовому выводу о научной проблематике в постижении политической коммуникации как некоего властного ресурса. Сущностной стороной процесса политической коммуникации является перемещение и осмысление политически значимой информации. Под воздействием получаемых сообщений акторы политического процесса способны изменять свое ситуационное и конкретно-историческое политическое поведение. Отсюда следует вывод о политической коммуникации как ресурсе в процессе борьбы за завоевание и осуществление власти. В этом контексте стоит присоединиться к мнению Ю.В. Ирхина, который характеризует политическую коммуникацию как специфический вид властных отношений: «Посредством коммуникации передается три основных типа политических сообщений: побудительные, собственно информативные и фактические» [2, с. 308].

Таким образом, информационное пространство может иметь две основные контекстно-функциональные характеристики: как совокупность информационных связей в рамках политической системы и как поле осуществления повседневной деятельности политических субъектов. Следует особо подчеркнуть, что средства массовой информации как политический ресурс и социальный институт выступают привилегированным объектом анализа в рамках двух упомянутых теорий.

Специфика информационного пространства как поля осуществления повседневной деятельности политических субъектов раскрывается сторонниками парадигмы политического дискурса, которые понимают политику как пространство функционирования дискурсов, являющихся важнейшими агентами политической коммуникации. Одновременно дискурс признается важнейшим властным ресурсом, посредством которого акторы политического процесса конкурируют за власть [3, с. 39]. Дискурсы, развивающиеся в политическом поле, взаимосвязаны и составляют информационное пространство коммуникативной системы.

На особую роль государственной власти как наиболее влиятельного агента информационно-коммуникативного пространства указывает видный теоретик процесса установления повестки дня Е.Г. Дьякова. Автор считает, что публичная повестка дня формируется путем перестройки и коррекции медиа-повестки, которая, в свою очередь, в значительной мере вырабатывается за счет перестройки и коррекции политической повестки [4, с. 117–118].

Как следует из анализа структуры агентов политической коммуникации, предложенной Б. Маккейнером [5] и уточненной А.И. Соловьевым [6], для политических акторов СМИ являются определяющим каналом коммуникации. Соответственно, перед политическими акторами встает прикладная задача эффективного оперативного управления данным каналом коммуникации как политическим ресурсом.

Для государственной власти как наиболее влиятельного агента коммуникации средства массовой информации могут являться одной из составляющих механизма государственной власти, поскольку посредством СМИ осуществляются государственные полномочия, выполняются специфические управленческие задачи и функции. Кроме того, СМИ можно считать и самостоятельным институтом, способным эффективно воздействовать на принятие политических и управленческих решений.

При всем многообразии каналов массовой коммуникации в современном обществе наиболее востребованными в качестве властного ресурса являются СМИ, которые в своем совокупном воздействии на аудиторию способны эффективно формировать общественное мнение относительно политических программ и решений, инициируемых органами государственной власти и политическими структурами. Стратегия государственной власти России по обеспечению своей повседневной деятельности средствами массовой коммуникации заключается в формировании лояльного информационного пространства как совокупной аудитории наиболее влиятельных СМИ. Средства массовой информации в состоянии создать у общества необходимый стереотип мышления, соответствующий реалиям данного времени и подходящий для более успешной реализации поставленных властью задач.

В качестве критерия отнесения СМИ к системе политической коммуникации А.И. Соловьев предлагает параметр их информационной нагрузки в пространстве власти и способности к активизации коммуникативного потенциала заинтересованного в контактах с властью населения. Как справедливо отмечает Соловьев, СМИ могут рассматриваться как политический инструмент власти в контексте перемещения политически значимой массовой информации [6, с. 16].

Специфика форм и методов взаимодействия российских СМИ и государственной власти позволяет предположить, что в настоящее время наблюдается промежуточная модель конструкции данных взаимоотношений в логике парадигмы «четырех теорий прессы». Данная модель имеет признаки как авторитарной, так и либералистской. Например, можно отметить эффективное функционирование системы властно-экономического контроля государства за повседневной информационной деятельностью наиболее влиятельных российских СМИ, способных исполнять функцию «средств производства общественного мнения». При этом государство оперирует тремя основными способами управления СМИ как коммуникативным ресурсом: нормотворческой деятельностью, косвенным властно-управленческим принуждением и активной информационно-коммуникативной деятельностью.

Имеющаяся в настоящее время конфигурация информационного пространства как массива совокупных аудиторий СМИ позволяет государственной влас-

ти России проводить результативную информационную политику по формированию общественного мнения. Государство обеспечило себя возможностью эффективной передачи сообщений средствами массовой коммуникации. При этом сохраняется конкурентное политическое и экономическое поле существования СМИ вне зависимости от их форм собственности и персоналий учредителей. Государство выступает в качестве ведущего и наиболее влиятельного субъекта воздействия на информационное пространство, но не монопольного обладателя коммуникативных ресурсов.

Концепт проводящейся сегодня государственной информационной политики в России предусматривает централизацию массовых коммуникативных каналов с целью формирования единого информационного пространства государства. Государственные агенты коммуникации осуществляют централизованную деятельность по продвижению в аудиторию различных по форме и содержанию сообщений, ставящих целью формирования у аудитории позитивного отношения к деятельности государственной власти как центра принятия решений. Проведение подобной информационной политики возможно при наличии прямой связи между СМИ и политическими субъектами. В настоящее время можно говорить о сращивании масс-медиа и политики, то есть о медиатизации политической сферы.

Следствием медиатизации политической сферы стало существенное уменьшение возможностей ведущих российских СМИ как самостоятельных акторов политической коммуникации. В данных политических условиях логичным является процесс общего «разрежения» коммуникативного пространства, при котором уменьшаются физические параметры присутствия альтернативных и оппозиционных агентов и акторов коммуникации, ослабляется содержательно-смысловая нагрузка отправляемых ими сообщений. Закономерным следствием процесса медиатизации политики выступает поглощение информационного пространства политической сферы совокупностью информационных полей всего комплекса СМИ, подконтрольных власти.

Единое информационное пространство государства предусматривает централизацию в выработке отдельных смысловых составляющих информационной доктрины. Государственная исполнительная власть в регионах участвует в продвижении единой государственной информационной политики на территории субъекта Федерации в соответствии с промежуточными целями данной политики. В качестве базовой задачи, решаемой региональной государственной властью в процессе региональной политической коммуникации, выступает удержание региона в едином информационном пространстве государства. Это достигается в том числе через лояльность ведущих региональных СМИ общероссийской информационной политике. Единое коммуникативное пространство государства предусматривает контентную тождественность сообщений, поступающих в каналы массового распространения информации. В свою очередь, технологические возможности доступа к источникам массовой информации в значении институциональной составляющей системы коммуникации, тождественные вне зависимости от территориального фактора, также являются базовым условием формирования единого коммуникационного пространства государства.

Основной вектор мотивации повседневной деятельности политических акторов в регионе можно определить как процесс завоевания или удержания власти либо создания эффективных рычагов воздействия на принятие управленческих решений. Наряду с существованием в регионе неподконтрольных региональной власти экономических субъектов, подчиненное положение региональной власти относительно федеральной определяет и специфику политической деятельности в регионе.

Обратимся к феномену регионального информационного пространства как поля повседневной деятельности региональных политических акторов.

В региональном информационном пространстве уместно выделить две основные составляющие: общероссийскую информационно-коммуникативную систему, включающую в том числе и региональные СМИ, и собственно региональные СМИ, в социально-политическом значении связанные с обособленной составляющей – региональным политическим процессом. Регион включен в единое информационное пространство России на основании повседневной деятельности общероссийских СМИ, формирующих свою аудиторию, в том числе и на территории субъекта РФ. В этом информационном пространстве практически не присутствуют сообщения о повседневной деятельности региональных политических акторов. Подобные сообщения о повседневной деятельности региональных политических акторов в массе своей характерны для региональных СМИ, которые являются основным каналом политической коммуникации в регионе. В то же время в региональном политическом процессе имеется возможность артикуляции сообщений политическими акторами в расчете на вмешательство федеральных органов власти.

Как и общероссийское, региональное информационное пространство формируется в первую очередь совокупностью аудиторий СМИ. Совокупность аудиторий всего комплекса региональных СМИ составляет региональное информационное пространство как поле деятельности политических акторов. Для региональных СМИ характерно наличие уникальной по внутренним характеристикам аудитории получателей сообщений.

Совокупность региональных СМИ как институциональная составляющая системы региональной политической коммуникации также является частью единого общероссийского коммуникативного пространства. Однако единое коммуникативное пространство государства можно охарактеризовать как совокупность обособленных по контентному содержанию коммуникативных процессов. Подобный подход к изучению политической коммуникации характерен, в частности, для сторонников теории политического дискурса, на что указывает А.Д. Трахтенберг при характеристике макро- и микроуровневых исследований политической коммуникации в дискурс-теориях [7, с. 45–46].

Исследователь Ю.А. Нисневич указывает, что организационная основа публичной политики может быть охарактеризована как совокупность локальных информационно-коммуникативных процессов, сливающихся в единое целое в информационно-коммуникативном пространстве страны [8, с. 78]. Автор указывает при этом на возможность распада общегосударственного информационного пространства на территориальные локалитеты в случае технологических

разрывов в институциональной составляющей системы политической коммуникации либо нарушения контентной тождественности сообщений, преобладающих в общегосударственном и территориально локализованном коммуникативном пространстве.

Специфика содержания политического процесса в регионе и повседневной деятельности региональных СМИ как коммуникативной составляющей данного процесса обуславливает двоякую институциональную характеристику регионального информационного пространства. Оно является частью общероссийского информационного пространства как поля реализации общенациональной публичной политики, так и полем функционирования региональных политических субъектов, стремящихся к реализации своих политических целей в рамках политической системы, закреплённой в Конституции РФ.

Библиографический список

1. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология [Текст] : в 3 ч. / Р.-Ж. Шварценберг. – М., 1992. – Ч. 1.
2. Ирхин, Ю. В. Политология [Текст] / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М., 2001.
3. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса [Текст] / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов // Полис. – 2006. – № 4.
4. Дьякова, Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу [Текст] / Е. Г. Дьякова // Полис. – 2003. – № 4.
5. Макнейр, Б. Власть, выгода, коррупция и ложь (Российские средства массовой информации в 90-е годы) [Текст] / Б. Макнейр // Pro et Contra. – 2000. – № 4. – Т. 5.
6. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации [Текст] / А. И. Соловьев // Полис. – 2002. – № 3.
7. Трахтенберг, А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания [Текст] / А. Д. Трахтенберг // Полис. – 2006. – № 4.
8. Нисневич, Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы [Текст] / Ю. А. Нисневич // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. – 2006. – № 1 (6).

УДК 316.347(470+571)
ББК 60.56+75

Е.В. Пронюшкина

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Уже с начала развития этносоциологических исследований конца 50-х – начала 70-х годов XX в. в отечественной науке были выделены два уровня национальных отношений: институциональный (межреспубликанский) и межгрупповой, межличностный. Последний был легитимирован только с

развитием социологии после XX съезда КПСС. Он был настолько неведом гуманитарной общественности, что после публикации первых статей и в первых публичных выступлениях многие не воспринимали сами термины «межэтнические психологические установки»: установки ассоциировались только с тем, что исходило от партийных органов и мало кто серьезно задумывался об этнических стереотипах. Сейчас же эти понятия вошли в лексикон общественных деятелей и политических документов.

Изучение групповых межэтнических отношений стало как раз той тематикой, с которой советская этносоциология входила в мировую науку. Так же как и в мировой, в отечественной науке межэтнические отношения понимались в широком и более узком – социально-психологическом плане. В первом значении они изучались при исследовании взаимодействия культур (социально-культурная тематика), а во втором, социально-психологическом, – как межэтнические, межнациональные отношения, проявляющиеся на межличностном уровне.

Возможность исследовать межэтнические отношения в рамках этносоциологии позволяла проводить многофакторный анализ, рассматривать широкий набор факторов (свыше шестидесяти), способных влиять на межэтнические установки и ориентации [1–3]. Наиболее значимыми оказались два типа факторов: первый – социальная мобильность, удовлетворенность трудом, социально-конкурентные условия; второй – традиционные, архаические виды солидарностей, культурная замкнутость. Исходя из этого этническая интолерантность была выявлена в двух, по сути, противоположных группах: во-первых, среди интеллигенции, образованных слоев, попавших в конкурсные условия, понизивших свой статус в процессе трудовой деятельности или по сравнению с родителями (студенчество накануне вступления на самостоятельный трудовой путь); во-вторых, среди малоквалифицированных, малооплачиваемых работников, часто недавних сельских жителей, попавших в большие города, где они искали «виноватого» в инородцах. Эти два типа этнизма получили названия социально-конкурсного и традиционалистского.

Некоторые выводы, полученные в ходе исследований в советских республиках, принципиально расходились с официальной идеологией. Например, советская пропаганда утверждала, что увеличение многонациональности – позитивный факт, укрепляющий дружбу народов. В этносоциологии обычно обходились без идеологем такого типа, а характер межэтнических отношений определялся как дружественный, нейтральный, негативный. По данным исследований, проведенных прежде всего в молодых полиэтнических городах (Новочебоксарск, Альметьевск, Набережные Челны), делался вывод, что именно здесь отношения наиболее сложные. С другой стороны, длительное, в течение десятилетий, и неконкурентное совместное проживание этнических общин благоприятно воздействует на межэтническое общение (например, это было характерно для Донбасса) [4]. Отдельные результаты исследований расходились и с утверждениями политологов и социологов США. Например, З. Бжезинский прогнозировал взрыв Союза со стороны республик Средней Азии. Однако наиболее сложными межнациональные отношения до сих пор остаются в Прибалтике [2, с. 362–364; 4].

Знаменитая шкала социальной дистанции Богардуса интерпретировалась в западной социологии как фиксирующая следующую закономерность: если человек готов контактировать с лицами иной национальности в семейной, более интимной, сфере, он тем более проявит такую готовность к общению в деловой, гражданской сферах. Исследования показывали, что общение в деловой и семейной сферах находится под влиянием разных факторов: в деловой сфере – под влиянием конкуренции, а иногда подспудно ощущаемой (например, в Эстонии) реакции на российское доминирование; в семейной же – культурных традиций. Поэтому в той же Эстонии к этнически смешанным бракам относились более толерантно, чем к работе в полиэтнических коллективах. Только в условиях национальных движений и конфликтов шкала Богардуса стала «работать» и на постсоветском пространстве.

Возрастание уровня этнической идентичности, укрепление национального самосознания, как это определялось в массовой литературе, фиксировались практически во всех этносоциологических исследованиях. Два фактора наиболее отчетливо были взаимосвязаны с этим процессом – рост образованности населения и расширение контактности прежде всего через средства массовой информации, позволяющие актуализировать межэтнические сопоставления «мы – они» [5].

Итак, сложившееся этносоциологическое направление в отечественной науке отличалось от западной этносоциологии (акцентировавшей изучение этнических отношений, этнических предрассудков) тем, что в большинстве работ, во всяком случае, в самых крупных сравнительных исследованиях межэтнические отношения рассматривались в комплексе с социально-структурными и социокультурными изменениями.

Случилось так, что этносоциологи, работавшие на базе Института этнографии, имели большие финансовые возможности для проведения крупномасштабных, репрезентативных полевых исследований, поэтому их тематика была многоаспектной, а выборки – обширными [6–8]. В некоторых республиках были выполнены представительные и многоаспектные исследования, например в Армении [9] или Удмуртии [10]. Были такие работы и по другим регионам. В Ленинграде вышла первая работа по этническим группам в городе [11].

В конце 1970-х и в 1980-е годы в Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии, на Украине и в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане и Киргизии начали работать в большинстве случаев подготовленные в Москве и Ленинграде кадры этносоциологов. В Академиях наук Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана были сформированы отделы этносоциологии. В вузах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Бишкека читались спецкурсы по этносоциологии.

Данные, полученные в ходе этносоциологических исследований, чрезвычайно актуализировались при обсуждении перспектив развития страны. На первом конгрессе Советской социологической ассоциации этносоциологи прогнозировали многовариантность процесса демократизации и экономической трансформации в СССР. Если демократизация была осознанной и желаемой для заметной части общества в Эстонии, то в Узбекистане о ней не думали даже интеллигенты.

С конца 1988 г. национальные проблемы обострились, а в 1990–1992 гг., можно сказать, стали главнейшими для жизни Советского Союза, а затем России. Проблема распада Союза и затем конфронтации субъектов – национальных республик с федеральным центром была политической, но внутренним ее основанием являлось столкновение этнических интересов, эскалация межэтнических напряжений, конфликтов. Тематика этносоциологических исследований расширилась и актуализировалась. Одним из основных направлений стало изучение межэтнических конфликтов и напряженности, ориентации на сепаратизм. Примечательно, что традиций отечественной конфликтологии не было, тема была закрытой. Только в условиях острых межэтнических конфликтов, знакомясь с западной литературой, российские этносоциологи узнали о конфликтологических концепциях Т. Парсонса, Т. Гурра, Ч. Кулли, Р. Козора, Д. Дэвиса и других.

Внимание в конфликтологической литературе, естественно, концентрировалось на причинах, попытках типологизации и поисках механизмов регулирования этнических конфликтов. Конечно, над этими проблемами работали не только этносоциологи, но также этнологи и политологи, социологи других направлений. Тем не менее у этносоциологов была своя «ниша». Только в результате этносоциологических исследований можно было ответить, еще до пика напряжения в развитии конфликтов, на вопросы о потенциале этнической мобилизации, фрустрациях, мере депривации, готовности масс идти на крайние, экстремистские меры, о базе поддержки политических сил, участвующих в конфликтах, легитимности местных и центральных властей.

На первом перестроечном этапе редко удавалось проводить серьезные исследования достаточно оперативно. Из больших работ, материалы которых сразу были использованы в политической борьбе, можно назвать исследования отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР совместно с учеными из Таллина (1988, 1991 гг.) и Ташкента (1988, 1991 гг.). Но в то время использовался и обширный банк данных из предыдущих исследований, например о готовности к демократизации, о социальной базе недовольства в Эстонии, Грузии, Армении, Молдавии, о мере несовместимости этнических и социальных ценностей контактирующих народов, о конфликтности при изменениях социальной структуры в республиках. В публикациях лидеров Эстонии, Молдавии, Грузии не раз использовались данные из этих исследований. В то же время они обсуждались в центральной печати, на международных и российских научных конференциях.

В Центре изучения национальных отношений Института социально-политических исследований РАН в 90-е годы XX в. под руководством В.Н. Иванова проводились исследования в ряде регионов Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе и в некоторых республиках Поволжья. Нередко их результаты становились инструментом в борьбе политических сил в Москве. В научной и политической литературе намечалось явное расхождение в оценке причин межэтнической конфликтности. В научной – рассматривались структурно-функциональные факторы (части системы не в состоянии гармонично функционировать, нарастает утрата доверия к политическим институтам); поведенческие

теории (возрастают фрустрации, обиды за прошлое и настоящее, насилие и несправедливость, лидеры каждого народа искали и находили причиненный в прошлом ущерб); депривация (вина за ухудшение условий жизни переносится на центр, идут поиски врага в лице другого народа); растущие ожидания в связи с развитием представлений о самодостаточности; борьба за ресурсы [12]. В политологии же очень быстро нарастало представление о роли борьбы политических групп и лидеров за власть, об использовании ими этнических чувств и интересов.

Естественно, при определении причин конфликтов и возможностей их регулирования следует учитывать их характер, типологию. В 1993–1995 гг. были осуществлены целевые исследования, посвященные изучению конфликтов. Предметная и концептуальная область была существенно расширена за счет изучения социально-культурной дистанции контактирующих народов, когнитивного диссонанса, взаимодействия групп с политическими институтами и неформальными объединениями, их легитимности, а также политических ориентаций, реакций на депривацию, ориентации на модернизацию и политическую трансформацию, этнических интересов, этницизма и национализма, уровня этнической мобилизации, гиперэтничности. Специально изучалась проблема самоопределения народов и национализма. Учеными были выделены типы национализмов в республиках Российской Федерации, формы и способы реализации суверенитетов. Новой проблематикой в связи с распадом Союза стало изучение положений русских в государствах, образовавшихся на месте бывших союзных республик СССР. «Центр исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья» провел представительные исследования в Эстонии, Казахстане, на Украине (его информационные бюллетени рассылаются в правительственные и научные учреждения). Продолжил работу в этом направлении Институт этнологии и антропологии РАН: в 2002 г. опубликованы результаты исследований за 1970–2001 гг. [13].

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации изменилась. Русские составляли в СССР 51% населения страны. В России они – доминирующее большинство (82%). Период парада суверенитетов, закончившийся в начале третьего тысячелетия с уходом в отставку Б.Н. Ельцина, завершил этап, когда угроза распада Федерации представлялась одной из опаснейших. В российском центре, да и в «русских» областях, впрочем, так же как и в республиках, имеется немало политиков, одни из которых хотели бы любыми средствами вычеркнуть этнические проблемы из жизни общества, другие играют на этнических чувствах русского или нерусских народов.

Российскому обществу, в том числе политической элите в центре, придется считаться с тем, что нерусские народы, составляющие 18% населения, представляют миллионные общности: более 5 млн татар, около 2 млн чувашей, свыше 1 млн башкир, 1 млн мордвы, 4 млн украинцев. Этнические проблемы – это не только проблемы государственности, социальной, экономической жизни, участия народов в модернизационных процессах (на территории субъектов РФ находятся значительные запасы ресурсов), не только озабоченность решением проблем в кавказских республиках и вопросов малых народностей Севера, это

проблемы русского народа, развития его самосознания, его межэтнических установок и ориентаций.

На ближайшую перспективу останется актуальным все, что касается этнической идентичности, национализма в разных его проявлениях – от экономического и культурного до политического сепаратизма, возможности сочетания его разных типов с демократией, проявления этнического экстремизма.

Важным останется и исследование ориентации на модернизацию, изучение вариантов «догоняющей модернизации», проблемы межэтнических отношений и конфликтов, особенно в крупных городах, в зонах истока вынужденных мигрантов, беженцев, исследования напряжений на почве разного этнического представительства в составе новых экономических и властных элит в республиках, возможностей развития местного самоуправления на основах управленческих традиций местного населения, формирования нового гражданского самосознания, сочетания его с этническим, отношения этнических интересов и ценностей с ценностями гражданского общества.

Библиографический список

1. Опыт этносоциологического исследования образа жизни [Текст]. – М., 1980.
2. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования) [Текст]. – М., 1986.
3. Социологические очерки о Советской Эстонии [Текст]. – Таллин, 1979.
4. Дробижеева, Л. М. Духовная общность народов СССР [Текст] : историко-социологический очерк межнациональных отношений / Л. М. Дробижеева. – М., 1981.
5. Арутюнян, Ю. В. Многообразие культурной жизни народов СССР [Текст] / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева. – М., 1986.
6. Бойко, В. Социальное развитие народов Нижнего Амура [Текст] / В. Бойко. – Новосибирск, 1977.
7. Джунусов, М. С. О некоторых национальных особенностях образа жизни в условиях социализма [Текст] / М. С. Джунусов // Социологические исследования. – 1975. – № 2.
8. Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей [Текст]. – М., 1978.
9. Население Еревана [Текст] : этносоциологические исследования. – Ереван, 1986.
10. Удмурты [Текст]. – Л., 1977.
11. Старовойтова, Г. В. Этническая группа в современном городе [Текст] / Г. В. Старовойтова. – Л., 1987.
12. Аклаев, А. Этнополитические конфликты до и после августа 1991 г. [Текст] / А. Аклаев // Россия сегодня: трудные поиски свободы. – М., 1993.
13. Русские [Текст] : этносоциологические исследования. – М., 2002.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 347.963
ББК Х620.1

Е.А. Анаева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По месту прокуратуры в системе государственных органов в правовой литературе в настоящее время выделяются четыре группы стран: страны, где прокуратура входит в состав министерства юстиции (США, Франция, Бельгия); страны, где прокуратура полностью включена в состав судебной власти и находится при судах либо пользуется в рамках судебной власти административной автономией (Испания, Болгария, Латвия); страны, где прокуратура выделена в самостоятельную систему и подотчетна парламенту или главе государства (Узбекистан); страны, где прокуратуры или ее прямого аналога вообще нет (Великобритания) [1, с. 5].

Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации является предметом многочисленных дискуссий. Обращаться к данной теме ученых и практиков заставляет беспокойство о судьбе отечественной правовой системы вообще и о важнейшем институте современности – прокуратуре в частности.

Сегодня происходит процесс реформирования института российской прокуратуры, в ходе которого институт участия прокуратуры в гражданском, арбитражном, уголовном процессах претерпел существенные изменения, а полномочия прокурора были ограничены. Обсуждается судьба прокуратуры как самостоятельного государственного органа, реализующего надзорные функции, и возможность ее включения в состав министерства юстиции, то есть в систему исполнительной власти. Таким образом, встал вопрос о ликвидации прокуратуры как надзорного органа, об изъятии полномочий по защите публичного интереса. Проблема широко обсуждается на страницах современной печати, проявились как сторонники, так и противники предполагаемых изменений.

Следует оговориться, что обозначившиеся тенденции реформирования прокуратуры во многом навеяны Западом. В частности, Венецианская комиссия –

консультативный орган по правовым вопросам Совета Европы – в июне 2005 г. опубликовала свое мнение (№ 340 / 2005) по вопросу соответствия европейским стандартам российского законодательства о прокуратуре. Комиссия указала, что прокурорский общий надзор недопустим в правовом государстве и функции прокуратуры должны быть ограничены поддержанием государственного обвинения по уголовным делам. Очевидно, что для сохранения прокуратуры, как самостоятельного государственного органа, и ее надзорных полномочий (что для современной российской действительности имеет огромное значение) представляется необходимым законодательно закрепить конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации, учитывая при этом все особенности ее правового статуса как отдельного субъекта юридического процесса.

Примечательно, что все теоретические размышления относительно конституционно-правового статуса российской прокуратуры строятся на основании принципа разделения властей.

Первая точка зрения сводится к тому, что прокуратура входит в состав судебной власти. Данная позиция обосновывается содержанием Конституции РФ, в которой единственная статья о прокуратуре помещена в главу «Судебная власть». Возможно, законодатель, включая статью о прокуратуре в главу 7 Основного Закона, исходил из того, что по направлениям своей деятельности и выполняемым функциям прокуратура наиболее близка к судебной власти.

В процессе разработки Конституции РФ вопрос о правовой природе прокуратуры стоял достаточно остро. Некоторые из разработчиков полагали, что прокуратура как орган государственного обвинения является одним из инструментов исполнительной власти, а функция надзора за соблюдением закона принадлежит суду. Другие же, оставаясь в рамках укоренившегося взгляда на прокуратуру как орган высшего надзора за законностью, предпочитали не определять ее природу с точки зрения принадлежности к той или иной ветви власти. В результате было принято компромиссное решение: статья о прокуратуре была помещена в главу «Судебная власть» [2, с. 54].

Однако органы прокуратуры никак не могут быть отнесены к судебной власти. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; судебная власть реализуется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Прокуратуру без достаточных на то оснований объединяют с органами суда. Нельзя забывать, что органы правосудия разрешают только конкретные индивидуальные дела, они не обеспечивают и не могут обеспечить постоянного и систематического контроля за деятельностью органов государственного управления и должностных лиц [3, с. 4]. Очевидно, что законность обеспечивается, во-первых, надзором за исполнением законов, а во-вторых, наказанием за неисполнение закона. Из этих задач прокуратуре отведено лишь осуществление надзора, в то время как суд, обеспечивая законность путем рассмотрения уголовных и гражданских дел, призван решать и вторую задачу [4, с. 44–49]. Кроме того, включение прокуратуры в состав судебной власти приведет к нарушению основных принципов процессуального права (сопоставительности, диспозитивности, равноправия сторон).

В обоснование точки зрения, в соответствии с которой прокуратура относится к законодательной ветви, некоторые авторы указывают на то, что в России на всей ее территории необходимо единство законности, одинаковое ее понимание и осуществление. Верховная законодательная власть после принятия законов не может и не должна оставаться безучастной к их исполнению, поэтому она обеспечивает единство законности непосредственно, а также с помощью Конституционного Суда, Уполномоченного по правам человека, Правительства. Прокуратуре передается большая часть данной функции, при этом верховная законодательная власть оставляет за собой право и обязанность ее осуществления, в том числе с целью обеспечения законности в деятельности самой прокуратуры [5, с. 15].

Авторам, придерживающимся данного мнения, можно возразить следующим образом. Во-первых, в соответствии со ст. 94 Конституции РФ законодательным органом власти является Федеральное Собрание РФ, состоящее из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы. Основной функцией Федерального Собрания является процедура разработки и принятия законов. Реализация, исполнение, соблюдение, надзор за исполнением законов не входят в компетенцию законодательного органа власти, поскольку он не подменяет собой иные органы государственной власти. Таким образом, функции прокуратуры и законодательного органа власти носят абсолютно разный характер. Во-вторых, ссылка некоторых авторов на то, что прокуратура, реализуя свои надзорные функции, «продолжает» деятельность законодательного органа государственной власти (Федеральное Собрание принимает законы, а прокуратура надзирает за их исполнением), а значит, входит в состав законодательной власти, не может считаться обоснованной. Если проводить аналогии, то получается, что, например, исполняющие судебные решения судебные приставы-исполнители должны относиться к судебной власти, поскольку реализуют принятое судом решение («продолжая» деятельность суда). Однако служба судебных приставов отнесена к ведомству Министерства юстиции и входит в состав органов исполнительной власти.

Критики сложившегося в России прокурорского надзора, используя неясность положения прокуратуры в системе органов государственной власти, пытаются укрепить точку зрения, заключающуюся в необходимости ликвидации прокуратуры как самостоятельного и независимого государственного органа путем ее превращения в департамент (управление) Министерства юстиции. Тем самым поддерживается мнение, согласно которому прокуратура входит или должна входить в состав органов исполнительной власти. Логика такова: «Любой орган должен обязательно вписываться в ту или иную ветвь власти, и, если прокуратура не относится к законодательной и судебной ветвям власти, она является составной частью исполнительной власти и должна влиться в Министерство юстиции» [2, с. 55]. Многие авторы, поддерживающие данную точку зрения, обращают свои взоры на западные модели института прокуратуры, где прокуратура включена в состав министерства юстиции и ее полномочия сводятся лишь к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам.

Однако ученым, занимающим данную позицию, можно возразить, основываясь опять же на нормах Конституции РФ. Прокуратура не «вписывается» в исполнительную власть, поскольку выполняет специфические функции, отличные от функций исполнительных органов. К тому же органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением действующих на территории России законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Федерации. Этот большой блок в надзорной работе органов прокуратуры является элементом сдерживания исполнительной власти [6].

Существует точка зрения, что прокуратура принадлежит к президентской власти. Ее сторонники исходят из того, что по смыслу ряда статей Конституции РФ ясно, что президентская власть как бы «выносится» за рамки классической триады ветвей власти и конструируется в виде некоего отдельного политико-правового явления. В то же время можно заметить близость институтов прокуратуры и главы государства: полномочия органа надзора должны в большей мере помогать Президенту РФ реализовывать свои обязанности гаранта Конституции РФ, а также прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, «близость к президенту будет оправдана и исторически, поскольку прокуратура создавалась как «око государево», и лишь впоследствии обрела свою самостоятельность» [2, с. 55].

Помимо перечисленных мнений, высказывается суждение, что прокуратура является самостоятельной ветвью власти. Еще в советский период многие авторы говорили о самостоятельности прокуратуры. Это обосновывалось тем, что прокурорский надзор – самостоятельная форма государственной деятельности, задача которой – охрана единой социалистической законности от каких бы то ни было нарушений. Сущность прокуратуры и ее отличия от других органов виделись в том, что она не имеет ни законодательных, ни административных, ни судебных функций; не вмешивается в оперативную деятельность органов, за законностью действий которых она наблюдает; не подвергает деятельность соответствующих органов управления оценке с точки зрения практической целесообразности [4, с. 44–49].

Сторонники самостоятельности позиции прокуратуры в системе российских государственных органов указывают, что надзорный орган занимает особое место, обусловленное спецификой функций и задач. Основная задача – укрепление законности в деятельности государственных органов – не может быть выполнена без обеспечения независимости института прокуратуры от органов власти всех ветвей и уровней. Прокуратура является и государственным органом, и органом государственной власти особой разновидностью, основная форма реализации которой – осуществляемый от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории страны [7, с. 34]. Функциональная особенность прокуратуры выражается прежде всего через централизованность системы органов прокуратуры.

Ныне существующая в России конфигурация власти разнится со смыслом, который актуализировали основатели теории разделения властей Ш. Монтескье

и Дж. Локк. Они настаивали на системе сдержек и противовесов, влиянии ветвей власти друг на друга таким образом, чтобы ни одна из них не могла злоупотреблять правом и нормами закона. В современной российской действительности все три ветви власти являются относительно самостоятельными и практически не оказывают друг на друга существенного влияния. Так, судебная власть практически бесконтрольна. Она решает вопросы истинности законодательства, отвечает на вопросы о верном характере его применения и никому при этом не подотчетна. Исполнительная власть не правомочна оказывать давление на судебную, а законодательная влияет на нее лишь путем принятия законов.

Выработанные государственно-правовой теорией и практикой стереотипы не дают возможности правильно определить место прокуратуры в системе органов государственной власти. В связи с этим совершенно справедливым представляется мнение судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева: «Нигде в мире принцип разделения властей не закреплён в чистом, классическом виде... История государства, ментальность народа всегда влияют на конституционное закрепление этого принципа, на его практическое применение в данном государстве» [8, с. 13]. Полагаем, что оценка прокуратуры как самостоятельного и отдельного государственного органа является наиболее верной как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Очевидно, что, включив прокуратуру в одну из ветвей власти, можно навсегда распрощаться с принципом разделения властей и со столь необходимой Российскому государству системой сдержек и противовесов. Следует напомнить, что прокуратура способна оказывать непосредственное влияние на все три ветви власти путем принесения протестов на нормативные правовые акты, противоречащие закону (влияние на законодательную и исполнительную власти); оспаривания решений, действий, бездействий органов государственной власти, местного самоуправления, а также внесения представлений об устранении нарушения требований законодательства (влияние на исполнительную власть); принесения апелляционного, кассационного, надзорного представления на судебные решения (влияние на судебную власть).

Необходимо отказаться от попытки «вписать» прокуратуру в какую-либо ветвь государственной власти и признать, что она – универсальный самостоятельный институт государственной власти, реализующий функцию системы «сдержек и противовесов» и на котором основывается тот самый широко обсуждаемый принцип разделения властей. Кстати, во всех предшествующих российских конституциях признавалась самостоятельность российской прокуратуры. В частности, в Конституции 1978 г. имелся раздел «Правосудие и прокурорский надзор», в который непосредственно входила глава «Прокуратура».

На основании изложенного полагаем необходимым обозначить в Конституции РФ правовой статус прокуратуры, посвятив при этом ей отдельную главу. В теоретическом плане для этого представляют определенный интерес нормы советского законодательства. В заключение еще раз подчеркнем, что с целью сохранения и развития важнейшего органа государственной власти – Прокуратуры РФ – по данному вопросу должна быть выработана четкая государственно-правовая воля.

Библиографический список

1. Додонов, В. Н. Прокуратура в России и за рубежом [Текст] / В. Н. Додонов, И. Б. Крутских. – М., 2001.
2. Лукоянов, Д. Место прокуратуры в государственном механизме [Текст] / Д. Лукоянов // Законность. – 2006. – № 11.
3. Становление правового государства в Российской Федерации и функции прокуратуры [Текст] // Государство и право. – 1994. – № 5.
4. Мурашин, Г. А. Органы прокуратуры в механизме Советского государства [Текст] / Г. А. Мурашин. – Киев, 1972.
5. Ломовский, В. Какой власти принадлежит прокуратура [Текст] / В. Ломовский // Российская юстиция. – 2001. – № 9.
6. Велиев, И. В. Место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации [Текст] / И. В. Велиев // Современное право. – 2005. – № 10.
7. Якушева, С. Е. Прокуратура в структуре современного Российского государства [Текст] / С. Е. Якушева // Вестник СГАП. – 2006. – № 50.
8. Прокурорский надзор: прошлое, настоящее и будущее [Текст] // Российская юстиция. – 2002. – № 4.

УДК 342.9
ББК 67.401(2Рос)я73

О.Г. Остапец

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Для современного этапа политического, социально-экономического и информационно-технического развития государств характерно возрастание роли транспорта. Государственное регулирование прежде всего направлено на обеспечение безопасности транспортной деятельности, в которое входит юридическое обеспечение безопасности движения, законодательное закрепление правил транспортировки опасных грузов и экологической безопасности. Целенаправленная государственная политика в области административно-правового регулирования транспортной деятельности в странах с развитой рыночной экономикой проводится в целях смягчения правовых, экономических и социальных противоречий в сфере транспортных услуг, а также развития транспортной отрасли в каждой отдельной стране.

Анализ зарубежного опыта государственного регулирования транспортной системы актуален для современной России в условиях реализации Транспортной стратегии Российской Федерации [1]. В странах с развитой рыночной экономикой накоплен позитивный опыт применения различных методов госу-

дарственного регулирования, пройден путь от абсолютизации государственного вмешательства до реализации в последнее десятилетие программ максимального дерегулирования рынка транспортных услуг [2, с. 44].

В Соединенных Штатах Америки сложилась трехступенчатая система органов регулирования развития транспорта: органы федерального правительства, штатов и местных властей. Каждый из органов имеет свои полномочия, определенные Конституцией и Конгрессом.

Анализ организационных структур показывает, что в США существует весьма разветвленная система федерально-штатных (надштатных), а также региональных органов и комиссий. Заметную роль в регулировании транспорта принимают на себя высшие эшелоны государственной власти. Важной мерой по координации деятельности многочисленных транспортных управлений, агентств и ведомств явилось учреждение 15 октября 1966 г. Министерства транспорта США. Его создание было попыткой решить многочисленные проблемы, сдерживающие работу транспортной системы. Достаточно сказать, что вопросами развития и управления транспортом занимались министерства обороны, торговли, жилищного строительства и городского развития, сельского хозяйства, внутренних дел, Государственный департамент и «независимые» регулирующие агентства.

Межведомственные координирующие органы образовали в итоге дополнительный бюрократический пласт органов административно-правового регулирования. В условиях, когда транспорт стал крупным хозяйственным комплексом, это стало сдерживать развитие экономики, усилило диспропорции в ее развитии. Выход в данном случае был найден через создание соответствующего министерства.

Министерству предоставлялось право выбора форм и методов стимулирования развития транспорта; на него была возложена одна из сложных и в принципе недостижимых в условиях США задач – разработать общенациональную транспортную политику, способствующую созданию быстрого, безопасного, эффективного и удобного транспорта. Наряду с этим Конгресс обязал министерство поощрять систему частного предпринимательства, расширять внедрение новой техники и технологии, «ликвидировать узкие места в существующей системе транспорта» [3, с. 146].

В системе исполнительной власти США на уровне штатов существуют соответствующие министерства, а в штатах, где их нет, – транспортные управления и службы. В местных органах – графствах, муниципальных образованиях, специальных округах, городах и коммунах (их общее количество превышает 82 тыс. единиц) – имеются свои транспортные управления.

В механизме государственного регулирования развития транспорта заметную роль играют правительственные исследовательские центры, а также исследовательские центры промышленных корпораций: Технический исследовательский центр корпорации «Дженерал моторс» (г. Детройт), Отдел исследований и планирования перспективного транспорта компании «Форд-моторс» (г. Детройт и г. Дирнборн), транспортный институт Карнеги, специализированные отделы «Дженерал электрик» (г. Скенекте-ди) и «Вестингауз электрик» (г. Питсбург).

Анализ системы государственного регулирования транспорта в США позволяет сделать вывод, что американский опыт в указанной сфере наиболее приемлем для России, так как, во-первых, это государство имеет федеративное устройство, а во-вторых, приватизация транспортных предприятий в стране проводилась достаточно быстрыми темпами.

В Великобритании ранее существовавшее Министерство транспорта в настоящее время входит в состав Министерства по вопросам окружающей среды. Основными функциями данного органа являются: разработка и координация правительственных программ по транспорту; осуществление научно-технической политики; обеспечение экологической и технической безопасности пассажирских и грузовых перевозок; руководство путями сообщений в особые периоды (при катастрофах, стихийных бедствиях и т.д.); помощь коммерческим транспортным организациям в развитии смешанных сообщений.

Министерство непосредственно контролирует деятельность государственной авиакомпании БОАК. Особые подразделения министерства ведают дорожной сетью, морскими портами, сетью внутренних водных путей и транспортом Лондона, а также регулируют деятельность предприятий грузового автомобильного транспорта. Городской транспорт, кроме лондонского, подчинен муниципалитетам. Морской флот находится в ведении Адмиралтейства.

На протяжении второй половины XX в. Великобритания экспериментально использовала фактически все возможные формы государственного регулирования транспортной деятельности, но изменения произошли только во внутриотраслевой структуре. Значительно повысилась концентрация в секторе мелкопартионных отправок, появились и заняли большую часть рынка перевозчики, оказывающие услуги на качественно более высоком уровне, однако при этом возросли тарифы.

Управление транспортной системой Японии на государственном уровне осуществляет единый орган – Министерство транспорта. Ему подчинены государственные компании по железнодорожному строительству, национальные авиакомпании, морские порты, дорожная сеть. Министерство регулирует деятельность частных железнодорожных компаний, частных предприятий морского транспорта и грузового автомобильного транспорта.

С 1987 г. в результате проведенной приватизации государственной железной дороги весь грузовой транспорт оказался в частной собственности. Государство осуществляет регулирование транспортной системы через координацию в сфере народно-хозяйственного планирования, сохраняет ведущую роль в формировании транспортной политики с учетом общих интересов акционеров. Министерство определяет транспортную политику, обеспечивая разработку законов по транспорту, координирует и направляет деятельность многих частных транспортных компаний, контролирует цены на перевозки и другие виды транспортно-экспедиционной деятельности. Свои конкретные функции оно осуществляет на основе законов, принятых парламентом страны. Несмотря на значительный удельный вес предпринимательских структур в транспортной отрасли, регулирующие функции Министерства транспорта Японии остаются приоритетными.

Основное рабочее звено Министерства транспорта образуют бюро и департаменты, такие, как бюро транспортной политики, железнодорожное бюро,

морского транспорта, бюро автодорожного транспорта, бюро портов и гаваней, бюро гражданской авиации, департамент информации и исследований. На региональном уровне министерство представляют его звенья – районные транспортные бюро.

Нормальное функционирование и развитие транспорта в Японии обеспечивается установленным порядком финансирования и налоговой политики. Региональные транспортные проекты национального значения (например, строительство моста через пролив Акаси, автодороги вокруг залива Исе) получают законодательно закрепленные льготы для частных компаний, участвующих в их реализации: по ставкам налога на оборудование, по налогу на прибыль. Транспортные предприятия платят в виде налогов более 55% прибыли. Сумма остающейся прибыли после уплаты всех налогов идет на выплату годовых премий, дивидендов для акционеров, а также на создание резервного фонда. Как показывает анализ транспортной политики Японии, такой порядок финансирования создает условия для развития и совершенствования материально-технической базы предприятий, то есть позволяет строить промежуточные терминалы, обновлять подвижной состав и погрузо-разгрузочные средства. В Японии уделяется большое внимание развитию всех видов транспорта, поэтому в бюджете страны предусмотрены значительные средства на развитие транспортной инфраструктуры.

В Германии на федеральном уровне руководство транспортом осуществляет Министерство транспорта. В его структуру входят: центральное управление (занимается вопросами кадровой политики, социального обеспечения, финансов, безопасности и права), управление транспортной политики и экономики, управление железнодорожного транспорта, управление автомобильного транспорта, управление внутреннего судоходства, управление морского транспорта, управление воздушного транспорта, управление автомобильных дорог, управление водных путей.

Министерство формирует общетранспортную политику федерального правительства, подготавливает основные решения по экономическому регулированию на федеральном уровне, а также руководит государственными транспортными учреждениями и предприятиями (федеральные железные дороги, федеральные водные пути, федеральные автострасы). Министерство выдает разрешения на постройку судов, контролирует транспортную безопасность, допускает к эксплуатации летательные аппараты, осуществляет финансирование строительства основных автомагистралей. Вместе с тем территориальные органы (транспортные министерства в правительствах земель) ведают местными дорогами, автотранспортом местного значения, городским транспортом (делегируя эти функции муниципальным органам власти), а также занимаются строительством и эксплуатацией речных и морских портов [4, с. 77].

Для согласования федеральной и региональной транспортных политик, предварительной апробации федеральных законопроектов в области транспорта, а также унификации транспортных законов, действующих в различных землях, в Германии действует особый консультативный орган – Конференция министров транспорта земель, где федеральный министр присутствует в качестве гостя.

Во Франции с 1974 г. государственное руководство и регулирование транспортной системы сосредоточено в Министерстве оборудования территорий, ос-

нащения, гражданского строительства и транспорта с управлениями по наземному, водному и воздушному транспорту и другими органами. Помимо министерства, управление транспортом на общегосударственном уровне осуществляют также Национальное общество железных дорог (государственное промышленно-коммерческое объединение, в административный совет которого входят представители правительственных учреждений, предприниматели, администраторы предприятий железнодорожного транспорта), Национальное управление судоходства (разрабатывает тарифы на фрахт судов, контролирует техническое состояние флота и соблюдение правил судоходства, координирует морские перевозки, осуществляет функции арбитража в сфере торгового судоходства и т.д.), Высший совет по транспорту (состоит из представителей администрации, транспортных компаний и экспертов-консультантов, осуществляет функции общей координации развития и деятельности транспорта, апробацию решений государственных органов по транспорту, тарифную координацию и др.). Министерство имеет также региональные дирекции по контролю технического состояния транспортных средств и оборудования, а также региональные метеорологические службы.

В январе 1992 г. парламентом Франции принят Закон «О территориальной организации государства, местной демократии, развитии местного сотрудничества и децентрализованном взаимодействии территорий». Согласно данному правовому акту общим принципом, определяющим права вмешательства государства в дела территории, становится деконцентрация. Отныне государственные центральные органы действуют строго в пределах предоставленных компетенций. Вместе с тем Закон направлен на усиление территориального представительства государства на уровне региона. Закон предусматривает существенное расширение функций управления в рамках «местной демократии», в частности развитие прав граждан и общественных органов на получение информации, на их участие в управлении регионами, на повышение прав депутатов и на усиление контроля действий местных предприятий и организаций со стороны местных выборных органов [5, с. 199].

Очевидно, что транспорт в развитых странах справедливо рассматривается как приоритетная отрасль, затрагивающая общенациональные интересы. В заключение следует подчеркнуть, что зарубежный опыт государственного регулирования транспорта представляет интерес для России в свете таких системообразующих принципов, как приоритет государственно-правового управления транспортом; верховенство федеральных законов в сфере управления транспортной системой (США, Германия); взаимодействие государственных органов власти федерального и регионального уровней с органами местного самоуправления в сфере транспорта; сочетание государственного управления в указанной сфере с дерегулированием рынка транспортных услуг при содействии частного предпринимательства.

Библиографический список

1. Транспортная стратегия Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2003/10/60038.shtml#>
2. *Артюхов, В. Г.* Развитие транспорта в России и за рубежом [Текст] / В. Г. Артюхов, В. Ф. Березин. – М., 2000.

3. Лившиц, В. Н. Системный анализ экономических процессов на транспорте [Текст] / В. Н. Лившиц. – М., 1998.
4. Константинов, В. Т. Правовые аспекты современного развития транспорта в Германии [Текст] / В. Т. Константинов. – М., 2005.
5. Козлова, О. В. Теория управления производством [Текст] / О. В. Козлова. – М., 1999.

УДК 343.982.3
ББК 67.629.41

Р.Е. Демина

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

В современных условиях одной из важных функций государства, несомненно, является раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Выполнение этой функции в соответствии с российским законодательством возложено на органы внутренних дел, которые являются центральным звеном в системе правоохранительных органов. В связи с этим деятельность ОВД по борьбе с преступностью должна находиться в фокусе внимания государства и общества.

Результативность работы правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений невозможна без своевременного, достаточного и качественного информационного обеспечения. Упреждающая информация может быть получена в основном путем использования методов и возможностей оперативно-розыскной деятельности при условии рационального сочетания технико-криминалистических средств и методов. В целом по России в последние годы с помощью информации, содержащейся в учетах, раскрывается от 19 до 30% совершаемых преступлений. Не случайно, по выражению Р.С. Белкина, сама наука криминалистика своим рождением во многом обязана криминалистическому учету [1, с. 144].

Одной из форм ведения криминалистической регистрации являются различные виды экспертно-криминалистических коллекций, в которых собраны признаки объектов и явлений. В них ведется учет и находятся: стреляные пули, гильзы, изъятые с места преступления патроны со следами оружия (пулегильзо-тека); поддельные денежные знаки и ценные бумаги; изготовленные полиграфическим способом поддельные документы; фонотеки голоса и речи лиц, представляющих оперативный интерес; следотеки орудий взлома, подошв обуви и протекторов шин; учет (картотеки) микрообъектов; учет (коллекции) поддельных медицинских рецептов на получение наркотических и сильнодействующих лекарственных средств и образцы почерка лиц, занимавшихся их подделкой; следотеки пальцев рук и ладоней с мест нераскрытых преступлений и другое.

Коллекции помогают следователю, оперативному работнику, специалисту при осмотре объектов на месте их обнаружения оперативно решать вопросы об их происхождении; судебным экспертам – давать более подробные заключения о происхождении конкретного анализируемого материального образования. А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская такой учет называют справочно-вспомогательным [2, с. 5]. Его основу составляют справочно-информационные фонды экспертно-криминалистических подразделений МВД РФ.

Наибольшую помощь в раскрытии преступлений оказывают дактилоскопический учет [3] и картотека следов рук (следотека) с мест нераскрытых преступлений, с их помощью раскрывается более 80% преступлений. На сегодняшний день дактилоскопический учет является основной формой оперативно-справочных учетов.

Папиллярные узоры обладают тремя важными для идентификации человека свойствами:

индивидуальностью – неповторяемость узора означает, что каждый узор содержит большой объем информации. Многолетняя практика и теоретические исследования показывают, что совершенно одинаковых папиллярных узоров не бывает не только у двух людей, но и у одного человека, и у близнецов. Важное значение имеет и то обстоятельство, что узоры носят четко выраженную и упорядоченную систему признаков. Узоры, как правило, всегда открыты, на их поверхности находится потожировое вещество, благодаря которому происходит прилипание к воспринимающей поверхности предметов;

относительной неизменяемостью – на протяжении всей жизни сохраняется одно и то же расположение деталей узора и их особенностей. Как известно, папиллярные линии формируются в период внутриутробного развития зародыша человека. С его ростом папиллярные линии увеличиваются в размерах, но рисунок остается прежним. После смерти папиллярный узор сохраняется до тех пор, пока не наступит полное разрушение мягких тканей;

восстанавливаемостью – рисунок папиллярного узора восстанавливается после повреждений, затрагивающих периферийную часть кожи – эпидермис. В случае более глубоких повреждений происходит рубцевание кожи с разрывом папиллярных линий, с ярко выраженными признаками поврежденного участка, то есть участок кожи с повреждением приобретает дополнительные идентификационные признаки. Несмотря на то что в некоторых случаях удается изменить даже тип папиллярного узора, в отпечатках почти всегда отображаются характерные особенности кожного покрова, указывающие на факт изменения и примененные способы. Другими словами, скрыть факт умышленного или неумышленного воздействия на папиллярный узор до недавнего времени было чрезвычайно трудно.

Практика показывает, что во всех странах мира, в которых существует обязательная дактилоскопическая регистрация определенных категорий лиц, всегда предпринимались попытки изменения папиллярных узоров с криминальными целями [4]. Существуют два вида изменения папиллярного узора: долговременный и кратковременный.

Лица, находящиеся в розыске, наряду с фальсификацией документов, изменением внешности заинтересованы в долговременном видоизменении папил-

лярных узоров, для того чтобы, проходя проверку по уже существующим массивам АДИС, они не смогли бы быть идентифицированы.

При расследовании преступлений часто возникает необходимость дактилоскопировать подозреваемых, обвиняемых. С этой целью отбирают образцы для сравнительного исследования – оттиски и отпечатки пальцев и ладоней рук. Такие лица в преступных целях также заинтересованы в видоизменении строения папиллярного узора, но в отличие от предыдущего случая здесь достаточно кратковременного результата на момент дактилоскопирования. К этой же категории лиц относится определенная часть мигрантов, въезжающих в страну, законом которой предусмотрена обязательная дактилоскопическая регистрация.

По-видимому, самой опасной категорией лиц, заинтересованных в кратковременном изменении папиллярных узоров, являются террористы, желающие проникнуть на охраняемые объекты под видом персонала, имеющего соответствующие допуски. Речь может идти как о проходе через различные терминалы, так и о проникновении в особо охраняемые объекты. Отметим, что для несанкционированного прохода требуется не просто изменение папиллярного узора, а программируемое изменение. Фактически это означает, что имеющийся рисунок должен быть удален и создан новый, по заранее скопированному известному образцу. На первый взгляд это неправдоподобно, но тем не менее возможно.

Толщина эпидермиса кожного покрова на внутренней поверхности кисти руки человека составляет примерно 1–1,5 мм, а высота папиллярных линий – 0,2–0,3 мм. Очевидно, что папиллярные линии могут быть удалены любым доступным способом (механическим, химическим, термическим) и созданы заново, но уже с другим рисунком.

В последнее время в средствах массовой информации появляются сообщения о возможности использования лазерных косметических установок для изменения папиллярного узора. Основное предназначение таких установок – проведение эпиляции, удаление татуировок и различных кожных новообразований (гемангиом, родинок, бородавок). При этом существующие режимы обработки обеспечивают более чем в 90% случаев отсутствие на кожном покрове следов воздействия излучения. Косметические установки – весьма дорогостоящее оборудование, их цена доходит до 500 тыс. долл., а их приобретение могут позволить себе лишь крупные лечебно-косметические фирмы. Гораздо более вероятно использование в преступных целях лазерных технологических установок, предназначенных для прецизионных технологических операций или микрогравирования. Их цена на порядок ниже, а встроенные программы обработки вводимых изображений позволяют легко воспроизвести рисунок на любом изделии. Подтверждением изложенному являются предварительные экспериментальные результаты, полученные в 2004 г. в СЮИ МВД России [5, с. 104].

Один из экспериментов проходил следующим образом. На бумаге с помощью черной типографской краски был образован оттиск папиллярного узора ногтевой фаланги пальца руки. Эта процедура полностью соответствовала общепринятой методике дактилоскопирования лица при заполнении дактилоскопической карты. Затем, с помощью лазерной технологической установки «Квант-15», было проведено облучение некоторых элементов строения папиллярного узора, что

привело к уменьшению их высоты. При этом повреждения кожи были не заметны даже при микроскопическом исследовании кожного покрова.

После этого в аналогичных условиях были получены оттиски измененного папиллярного узора. Локальное уменьшение высоты папиллярных линий привело к появлению различий в оттисках, ввиду того что один и тот же элемент строения узора отображался в виде различных частных признаков дактилоскопической классификации. Было показано, что поврежденные таким образом папиллярные линии сохраняются в течение двух-трех суток. Признаки, указывающие на искусственное видоизменение узора, в оттисках практически отсутствуют, так как изменяется только высота папиллярных линий без образования рубцевания или ожогов. Однако в этом случае появляется необычное «поведение» потока папиллярных линий: неоднородность папиллярной линии по длине, разрыв потока папиллярных линий.

В экспертной практике встречаются также случаи полных фальсификаций папиллярных узоров человека различными способами. Простейшие из них заключаются в копировании объемных следов рук с помощью дактилоскопических слепочных масс. Объемный слепок, изготовленный, например, с помощью силиконового компаунда, сохраняет эластичность после застывания и вполне пригоден для нанесения потожировых или окрашенных следов.

Существует также возможность создания искусственных папиллярных узоров с помощью лазерной гравировки на различных материалах. Для этого могут быть использованы современные установки, предназначенные для изготовления печатей и штампов. В качестве примера можно привести штамп в виде папиллярного узора человека, изготовленный ООО «Мастер Джорнал». В качестве образца для сканирования использовался оттиск папиллярного узора ногтевой фаланги пальца руки, выполненный черной типографской краской. Лазерная гравировка осуществлялась в натуральную величину на черной резине, которая затем наклеивалась на деревянную рукоятку. При нанесении на штамп потожирового вещества им можно было оставлять оттиски на поверхности бумаги, стекла и других материалов. После выявления оттиска дактилоскопическими порошками он может легко копироваться на дактилоскопическую пленку.

Судя по всему, информацию о видоизмененных и фальсифицированных следах папиллярных узоров также необходимо концентрировать в определенных учетно-информационных массивах.

Повышение эффективности использования коллекций и картотек идет по двум направлениям: в отношении уже зарегистрированных объектов, учет которых предполагается осуществить по иным признакам и с помощью иных носителей, и в отношении таких объектов, которые ранее не регистрировались. В связи с динамикой развития преступности сегодня необходимо проанализировать и пересмотреть отдельные виды и объекты криминалистических учетов.

Предложение о расширении круга объектов учета содержится во многих работах ученых-криминалистов. Учитывая то, что видоизмененные и поддельные папиллярные узоры начали встречаться в экспертной практике, необходимо после проведения экспертизы и установления факта фальсификации папиллярного узора концентрировать соответствующие сведения во вновь созданной следотеке.

В этом случае дополнительно могут быть установлены мотивы и цели фальсификации и подделки, степень осведомленности лица о предстоящей дактилоскопической регистрации и тем самым, возможно, его преступное прошлое.

Итак, следотека фальсифицированных узоров содержит по крайней мере два вида криминалистически значимой информации: информацию о действиях преступника, направленных на создание заведомо негативных обстоятельств и привнесенных в криминальную обстановку на месте происшествия, и информацию о способе фальсификации папиллярного узора, а также о диагностических и идентификационных свойствах оборудования, используемого для его изготовления.

Расширение круга объектов учета и их оптимизация дадут наибольший эффект при внедрении в повседневную практику и будут способствовать построению наиболее перспективных розыскных версий, успешному расследованию и раскрытию наиболее тяжких преступлений.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Курс советской криминалистики [Текст] / Р. С. Белкин. – М., 1978.
2. *Волынский, А. Ф.* Криминалистическая регистрация [Текст] / А. Ф. Волынский, Е. Р. Россинская. – М., 1992.
3. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 24. – Ст. 1466.
4. Обзор криминальной хроники // <http://www.yogsegodnya.ru>
5. *Сухарев, А. Г.* Особенности исследования следов папиллярных узоров, подвергшихся изменению с помощью лазерного излучения [Текст] / А. Г. Сухарев, Н. С. Кудинова // Человек как источник криминалистически значимой информации : мат-лы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. / под. ред. А. М. Зинина : в 2 ч. – Саратов, 2003. – Ч. 2.

УДК 347.75/.76
ББК 67.404.201

И.В. Кондакова

СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД ИНВЕСТИЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА В СОПОСТАВЛЕНИИ С КОНСТРУКТИВНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ДРУГИХ ДОГОВОРОВ

Современная российская экономика ориентирована на эффективное недропользование. На территории Российской Федерации расположены свыше 10% мировых разведанных запасов нефти, 33% газа, 11% угля; из недр

России ежегодно извлекаются 10% нефти, 25% – газа, 7% угля от всего объема полезных ископаемых, добываемых мировым сообществом [1, с. 11].

Доходы от природных богатств составляют основу государственного бюджета, поэтому значение законодательства, регулирующего сферу, связанную с эксплуатацией природных ресурсов, очень велико. Сегодня активно используются гражданско-правовые нормы, регулирующие недропользование. В то же время нормативно-правовые акты не позволяют четко установить порядок, условия и пределы использования гражданского права в отношении недропользования.

Сочетание частного и публичного элемента в процессе правового регулирования использования недр является объективным условием, позволяющим оптимизировать и повысить эффективность добычи и использования природных богатств. Необходимо критически переосмыслить встречающиеся в научной юридической литературе позиции, переоценивающие роль частноправовых или же, напротив, публично-правовых начал в такой специфической сфере, как недропользование.

Административный порядок характеризуется отношениями зависимости по предоставлению недр в пользование, дает неограниченные возможности государству произвольно предоставлять и прекращать право пользования. По этому основанию необходимо создать равные условия ответственности недропользователя перед государством и государства перед недропользователем. Необходимо доказать, что именно нормы гражданского права полностью распространяются на соглашение о разделе продукции, что позволяет защищать недропользователя в системе публично-правовых отношений, одновременно обособляя государство как субъекта, наделенного публично-властными полномочиями.

На протяжении длительного периода времени в отношениях по использованию недр применялся лишь лицензионный порядок. Переход на экономикоплановое построение отношений в Российской Федерации обусловило необходимость расширения сферы применения гражданско-правового метода регулирования имущественных отношений и в области недропользования, что явилось предпосылкой к появлению нового вида договора – соглашения о разделе продукции [2, с. 18].

Соглашение о разделе продукции как разновидность специфического инвестиционного соглашения представляет собой регламентирующую права на разведку и добычу ископаемых ресурсов договоренность между правительством, действующим от имени государства как собственника минеральных ресурсов, и одним или несколькими инвесторами (отечественными и (или) иностранными производственными компаниями). Соглашение о разделе продукции является самым специфическим видом инвестиционного договора, поскольку сочетает элементы публично-правового и гражданско-правового характера.

Популярность соглашения о разделе продукции вызвана его преимуществами. Например, оно содействует эффективной разработке отдельных месторождений природных ресурсов в течение всего срока осуществления проекта. Принимающая сторона в лице правительства получает часть продукции (доходы взимаются в натуральной форме, например, в виде нефти, которая может про-

даваться за границу за валюту) и играет активную роль в проекте совместного предприятия. Государство может быть заинтересовано в иностранных ноу-хау, получении технологий, освоении управленческих навыков. Как правило, совместное предприятие создается государственной компанией и иностранным инвестором.

Согласно ч. 2 п. 3 ст. 1 Закона «О соглашениях о разделе продукции» [3] на права и обязанности сторон по договору распространяется гражданское законодательство, а ст. 20 Закона предусматривает, что государство и инвестор несут ответственность в соответствии с условиями соглашения о разделе продукции при условии соблюдения гражданского законодательства. В связи с этим некоторые авторы-цивилисты однозначно относят соглашение о разделе продукции к гражданско-правовому договору [4, с. 24]. Другие ученые предлагают для регулирования соглашения принять специальное законодательство, которое бы сочетало в себе частноправовые и публично-правовые методы регулирования, предпочитая сконцентрировать внимание на публично-правовых [5, с. 28]. Несмотря на отмечаемую некоторыми авторами гражданско-правовую концепцию, заложенную в Законе «О соглашениях о разделе продукции» [6, с. 26–27], в настоящее время Закон содержит как нормы гражданского, так и административного, экологического, природоресурсного права.

Цивилистами на протяжении долгого периода времени предпринимались попытки отнести соглашение о разделе продукции к определенному типу договоров, предусмотренных гражданским правом. Многие ученые утверждают, что соглашение о разделе продукции [7, с. 152–153] носит исключительно подрядный характер, однако мы придерживаемся иной точки зрения.

Так, в соответствии со ст. 702, 703 ГК РФ по договору подряда подрядчик обязуется изготовить или переработать (обработать) вещь или выполнить другую работу по заданию заказчика и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. По общему правилу подрядчик осуществляет выполнение работ за свой счет и на свой риск. Отличительная особенность соглашения о разделе продукции от договора подряда заключается в том, что государство не дает инвестору никаких заданий по производству работ. В ст. 7 Закона «О соглашениях о разделе продукции» упоминаются различные программы, проекты, планы, но они не могут быть признаны заданием заказчика, поскольку эти программы и планы работ разрабатываются инвестором или иным обозначенным лицом соглашения (оператором), а не государством. Государство же в лице уполномоченных органов принимает решения об одобрении представляемых инвестором и (или) оператором соглашения программ, планов работ и смет расходов [8, с. 653].

В Законе «О соглашениях о разделе продукции» не предусматривается оплата государством инвестору выполненной работы. Более того, нет и упоминания о передаче государством инвестору части произведенной продукции, а по договору подряда заказчик уплачивает подрядчику обусловленную цену. Отличительные аспекты заключаются еще и в следующем: во-первых, инвестор передает не всю произведенную продукцию, а только ее часть, определяемую в соглашении, и, во-вторых, представляется, что часть прибыльной продукции передается го-

сударству не в качестве результата работ, а в счет платы за пользование исключительными правами.

Между подрядом и соглашением о разделе продукции существуют сходные черты, которые заключаются в обязанности инвестора передать государству произведенную продукцию. Общим между договором подряда и соглашением о разделе продукции является и условие, что инвестор осуществляет работы за свой счет и на свой риск. Данный риск лежит на инвесторе только до начала коммерческой эксплуатации месторождения (добычи), то есть инвестор несет риск в период поиска и разведки месторождения. Анализ делается на основании того, что при добыче инвестор фактически не несет никаких рисков, поскольку месторождение уже разведано и установлена экономическая и иная социальная целесообразность добычи, и в любом случае цель соглашения будет достигнута. Все расходы инвестора по соглашению о разделе продукции, связанные с поиском и разведкой, в случае коммерческого открытия и начала добычи компенсируются за счет части произведенной продукции (абз. 3 п. 1 ст. 8 Закона «О соглашениях о разделе продукции»).

Спорной является точка зрения многих авторов о наличии в соглашении о разделе продукции признаков договора аренды, а также применении к отношениям по использованию участков недр правил об аренде [9, с. 154; 10], так как в соответствии со ст. 607 ГК РФ по договору аренды могут быть переданы вещи, которые сохраняют свои натуральные свойства в процессе их использования (непотребляемые вещи), а также обособленные природные объекты. К таким вещам не относятся участки недр. Полезные ископаемые являются составной частью недр и не восстанавливаемыми запасами. При их добыче в какой-то степени потребляются недра, поскольку из недр извлекается их составная часть. Таким образом, часть недр фактически опустошается и уничтожается в отличие от таких природных ресурсов, как земля, воды, леса, у которых имеется свойство возобновляемости при условии их рационального использования и проведения необходимых мероприятий. Следовательно, недра теряют свои натуральные свойства в процессе использования. Очевидно, что в данном случае нарушается существенное условие договора имущественного найма о предмете.

Анализируя юридическую конструкцию договора аренды и соглашения о разделе продукции, необходимо отметить существенные отличия в их правовом конструировании. Согласно ст. 606 ГК РФ по договору аренды непосредственно передается определенное имущество во владение и пользование либо только в пользование, а по соглашению о разделе продукции государство передает лишь исключительные права на недра, а не сами участки недр.

Многие цивилисты усматривают сходство договора о разделе продукции и договора коммерческой концессии (франчайзинга). Ими выводится и аргументируется положение, что соглашение о разделе продукции содержит элементы концессионности. Так, С.А. Сосна, соглашаясь с невозможностью отождествления соглашения о разделе продукции и концессии, полагает все же, что признаки соглашения придают ему концессионный характер [6, с. 33].

Общими признаками соглашений является то, что они фактически являются инвестиционными проектами, имеют схожие субъекты. Анализируя определе-

ние концессионного соглашения, заключенного в гл. 54 ГК РФ, приходим к выводу, что и по соглашению о разделе продукции, и по концессионному договору передаются только исключительные права, принадлежащие государству. Законодателем в основу проекта федерального закона «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами» [11] было мнение о концессионной природе соглашения о разделе продукции. В ст. 5 данного проекта закона признается положение, что соглашение о разделе продукции является одной из разновидностей концессионного договора.

Существенным различием между этими договорами является то, что по концессионному соглашению право собственности на произведенную продукцию полностью принадлежит инвестору, а по соглашению о разделе продукции инвестор получает право собственности только на ее часть. Таким образом, самый главный отличительный признак – объем прибыли. Этот показатель существует прежде всего с экономической точки зрения, однако законодатель, обобщая соглашения о разделе продукции и договора коммерческой концессии (франчайзинга) признаком единства концессионности, этого не учел. Законодатель допускает такие различия только в рамках концессионного договора.

Многие ученые по ряду схожих признаков признают соглашение о разделе продукции простым торговым товариществом [12]. Во-первых, участники объединяют свои вклады в целях извлечения полезных ископаемых (исключительное право на ведение поиска, разведки и добычи полезных ископаемых дается государством). Во-вторых, прибыль распределяется между инвестором и государством, а расходы и убытки определяются в соглашении. В-третьих, в соглашении о разделе продукции, так же, как и в договоре простого товарищества, стороны не находятся на противоположных сторонах обязательства, поскольку имеют общую задачу.

Отличительные особенности данных договоров заключаются в том, что целью соглашения о разделе продукции не является осуществление предпринимательской деятельности и участие государства в договоре простого товарищества не ограничивается, так как (п. 2 ст. 1041 ГК РФ) риск, возлагаемый на инвестора, исчезает при добыче полезных ископаемых.

Анализ соглашения о разделе продукции показывает, что данный договор носит смешанный характер по своей природе. Он сочетает в себе признаки трех договоров: подряда, коммерческой концессии (франчайзинга) и простого товарищества. Данные сходные признаки договоров позволяют сделать вывод о преобладании в соглашении о разделе продукции распространенных в договорных обязательствах гражданско-правовых норм над публично-правовыми.

Библиографический список

1. *Литвиненко, В. А.* Недра требуют государственного подхода [Текст] / В. А. Литвиненко // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 3.
2. *Доронина, Н. Г.* Правовое регулирование инвестиций в России и за рубежом [Текст] / Н. Г. Доронина. – М., 1999.
3. Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продук-

ции» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 18; 1999. – № 2. – Ст. 246; 2001. – № 6. – Ст. 2579; 2003. – № 23. – Ст. 2174.

4. Брагинский, М. И. Договорное право [Текст] / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2000. – Кн. 1: Общие положения.

5. Лисица, В. Н. О проекте федерального закона «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами» [Текст] / В. Н. Лисица // Законодательство и экономика. – 2002. – № 9.

6. Сосна, С. А. Комментарий к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции» [Текст] / С. А. Сосна. – М., 1997.

7. Лукьяненко, М. Ф. Правовая природа соглашений о разделе продукции [Текст] / М. Ф. Лукьяненко // Учен. зап. Института государства и права Тюменск. гос. ун-та. – Вып. 1 : Актуальные проблемы цивилистики. – Тюмень, 2000.

8. Положение о разграничении полномочий федеральных органов исполнительной власти в области подготовки, заключения и реализации соглашений о разделе продукции, а также по контролю над их реализацией. Утверждено постановлением Правительства РФ от 2 февраля 2001 г. № 86 // СЗ РФ. – 2001. – № 7. – Ст. 653.

9. Ахмадиева, Г. Д. Правовое регулирование внешнеэкономических контрактов в Республике Казахстан [Текст] / Г. Д. Ахмадиева. – Алматы, 1996.

10. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1997. – Ч. II.

11. Письмо Правительства РФ от 21 августа 1995 г. № 2488п-П2 «О внесении проекта федерального закона «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами» // СПС «Гарант».

12. Ем, В. С. Договор простого товарищества (комм. гл. 55 Гражданского кодекса Российской Федерации) / В. С. Ем, Н. В. Козлова // СПС «Гарант».

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 301.199
ББК 74

Е.В. Песегова

КОНТУРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Переход в 1990-е годы от одной социальной системы к другой не только вызвал массу вопросов, но и открыл массу возможностей в отношении развития высшей школы. Ее будущее в России сегодня является не просто предметом научного интереса, но и личной проблемой каждого молодого человека, желающего получить высшее профессиональное образование. Некоторые становятся коммерческими студентами, если плата за образование наименее разорительна для семейного бюджета. Как следствие, многие из абитуриентов ориентированы только на формальное получение высшего образования, полагая главной задачей стремление к личному достигаемому статусу. Канули в Лету времена, когда убежденность юности вела в геологи, врачи, учителя и диктовала выбор будущей профессии с поправкой на необходимость обществу, Родине, согражданам. В связи с этим на данном этапе существования института образования в общем и высшей школы в частности одним из наиболее важных представляется вопрос: как вписываются проводимые реформы высшего образования в систему национальной безопасности России?

Различие в подходе к такой сфере научного знания, как изучение проблем безопасности, приводит к различным трактовкам самого понятия «безопасность» и той проблематики, которой должна заниматься наука о безопасности. Для военного аналитика безопасность – это отсутствие внешних военных угроз и / или наличие такого потенциала, который позволяет эффективно сдерживать эти угрозы. Для эколога безопасность – это защищенность от техногенных катастроф (в экологии встречаются даже такие узкие трактовки безопасности, как «способность властей обеспечить население чистой питьевой водой»). Для инженера по технике безопасности труда безопасность заключается в отсутствии или низкой степени травматизма на производстве [1].

Существует ли для преподавателя вуза, вне зависимости от базовой специализации, проблема безопасности, безопасности не на личностном уровне, а на уровне профессионального сообщества? На этот вопрос трудно дать однозначный утвердительный ответ. Формат статьи позволяет лишь тезисно очертить природу безопасности и обозначить предмет исследования.

Понятие «безопасность» трактуется как состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта / субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды. Феномен безопасности имеет выраженную субъективную, в том числе когнитивную сторону. Всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете господствующей (принятой) системы ценностей. А тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов культуры, в том числе в ее транслирующих формах.

До середины 1980-х годов (т.е. до появления горбачевской концепции «нового политического мышления») советская теория международных отношений под безопасностью понимала исключительно ее военно-политическую составляющую – соотношение военных потенциалов, баланс сил между супердержавами (сверхдержавами) и военно-политическими коалициями, применение военной силы в международных отношениях, контроль над вооружениями и разоружение, международные режимы и институты безопасности. Понятие «национальная безопасность» полностью отсутствовало, специалисты предпочитали говорить о международной безопасности, в крайнем случае – военной безопасности СССР (т.е. безопасности государства).

На современном этапе существования Российской Федерации понятие «безопасность» на государственном уровне имеет не только военно-политическое, но и экономическое, экологическое, демографическое, этническое, культурологическое и другие измерения. Богатые эмпирические данные, накопленные за годы, прошедшие после распада СССР, освещают ситуационные проблемы безопасности на вполне доступном уровне, но широчайший спектр негативных социальных явлений порождает различные идеологии безопасности. Как следствие, явление национальной безопасности остается непонятым в своей теоретической глубине, так как повседневная жизнь являет все новые и новые драматические сюжеты, выпадающие из общей традиционной картины мира россиян.

Как уже отмечалось, предметная область науки о безопасности пока еще до конца не оформилась, а сама эта дисциплина не приобрела прочную теоретико-методологическую базу и стройную структуру. В рамках советского периода можно выделить три этапа развития теорий безопасности – ортодоксальный, модернизированный и этап «нового политического мышления». В период господства ортодоксального марксизма-ленинизма (до середины 1970-х годов) теории безопасности в строгом смысле слова отсутствовали. Проблематика, связанная с безопасностью, была разбросана по разделам таких марксистских дисциплин, как научный коммунизм и исторический материализм (например, в них был раздел «Проблемы войны и мира»). Вопросы безопасности в основном фигурировали в рамках теории социалистической революции [2].

На втором этапе – модернизированного марксизма, длившемся с середины

1970-х до середины 1980-х годов, в работы советских ученых проникают некоторые западные теории и методологические подходы. Особенно влиятельными стали системный подход и связанный с ним структурно-функциональный анализ, хотя и в марксистской интерпретации [3–5].

Третий этап – нового политического мышления – принес существенные новации в советские теории безопасности. Авторы-идеологи практически не скрывали, что они заимствовали на Западе многие либеральные, социал-демократические и глобалистские теории (экономическая, политическая и культурная взаимозависимость мира, бессмысленность дальнейшей гонки вооружений, необходимость прекращения конфронтации между двумя общественно-политическими системами, а также разоружения и конверсии, приоритетность общечеловеческих интересов и настоятельная необходимость сотрудничества по решению глобальных проблем [6, 7].

Советские ученые не только детально изучали природу международной безопасности, но и вместе с другими передовыми школами мира пришли к выводу о необходимости многомерного подхода к трактовке этого понятия за счет включения в него как традиционного (военного), так и новых компонентов (экономическая, общественная, экологическая, этническая, культурная безопасность [8–12]. Но советская наука фактически игнорировала категорию национальной безопасности, предпочитая фокусировать свое внимание в основном на проблемах международной безопасности. Понятия «национальные интересы», «национальная безопасность» были для советских ученых «буржуазными измышлениями», изобретенными «апологетами» политического реализма для обоснования агрессивной империалистической политики Запада [13–15].

В случаях, когда речь шла об интересах страны, использовались «государственные» термины: «безопасность СССР», «государственная безопасность» – и оставались в стороне такие важнейшие компоненты национальной безопасности, как безопасность общества и личности. Российским ученым и политикам после событий, связанных с распадом СССР и образованием Содружества Независимых Государств, пришлось осваивать категорию «национальная безопасность» фактически «с нуля» и в острых дискуссиях решать, каким конкретным содержанием наполнить это достаточно абстрактное понятие.

В постсоветский период, когда отечественная наука полностью открылась для сотрудничества с внешним миром, можно выделить три типа интеллектуальных источников российских теорий безопасности. Прежде всего это западные теории, опирающиеся на традиционные парадигмы реализма, либерализма и глобализма, а также их антипод – постпозитивизм. Учитывая характер проблем, стоящих перед Россией, наибольшей популярностью пользовались подходы, в основе которых лежали реализм и геополитика. Во-вторых, это реформированный марксизм, близкий к европейской социал-демократии и питающий ныне своими идеями круги, близкие к КПРФ и российским социалистам. Третий источник – российские немарксистские теории (евразийство, идеи Н. Данилевского, славянофильство и почвенничество, взгляды русской религиозной философской школы конца XIX – начала XX в.).

Если принять точку зрения, предписывающую рассматривать безопасность в

контексте отношения населения к различным видам опасностей, то есть как составляющую часть качества и образа жизни, то, на наш взгляд, можно выявить и установить закономерности формирования, воспроизводства и проявления отношений личности и социальных общностей к вопросам безопасности. На микроуровне эта проблема связана с анализом конкретных взаимоотношений и условий (опасных, безопасных, небезопасных) жизни и деятельности индивидуума. В нашем контексте интересен аспект, связанный с получением высшего образования.

Согласно данным авторского социологического исследования, основанного на случайной бесповторной доступной выборке респондентов – студентов московских вузов (апрель 2008 г., г. Москва, N = 100 человек), при ответе на вопрос «Что для Вас лично означает «безопасность»?» – только один респондент (1%) выбрал вариант: «хорошее образование». Отметим, что полученные данные являются источниками личного происхождения, поэтому в строгом классическом смысле не обладают репрезентативностью. Но отсутствие этого свойства выборки, на наш взгляд, не отменяет возможности качественного анализа полученных результатов.

Итак, 37 респондентов (1 респондент – 1% от общего числа опрошенных) без особых затруднений дали ответ: «безопасность – когда мне не страшно, спокойно за себя и близких»; 46 респондентов (соответственно 46%) соотносят понятие «безопасность» с уверенностью в том, что «смогут себя защитить»; затруднились ответить 3 респондента (3%); 13 респондентов (соответственно 13% от числа опрошенных) отождествляют понятие «безопасность» с отсутствием конкретных физических угроз для собственной жизни. Как видим, понятие «безопасность» не имеет конкретного предметного выражения.

Безопасность – символ, отождествляемый со структурами и социальными институтами. Выразить «безопасность» в цифрах и процентах представляется проблематичным, так как на уровне обыденного мышления чувство безопасности привязано к качественной оценке, и часто не рефлексировано или слабо рефлексировано. Напомним, что на хорошее образование как гарантию личной безопасности в нашем исследовании указал только один респондент. В то же время допускаем, что при соблюдении всех требований репрезентативности и увеличении числа респондентов этот процент увеличится.

Интересны результаты исследования, проведенного представителями Совета ректоров России и Министерства образования и науки РФ. Они попытались выяснить, выпускники каких вузов лучше других устраиваются в жизни.

Меньше всего проблем с трудоустройством возникает у выпускников МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики и МВТУ им. Н.Э. Баумана. Без труда найти себе «доходное место» могут и выпускники Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, Московского энергетического университета, Московского государственного института стали и сплавов. О безработице могут не думать и те, кто окончил МГИМО, МИФИ и Российский государственный институт нефти и газа им. И.М. Губкина. В верхние строчки рейтинга попали: МГУ им. Ломоносова, МВТУ им. Баумана, Высшая школа экономики, МГИМО.

Качество образования в этих вузах, безусловно, не вызывает сомнений. Однако дело даже не в этом. Специалисты убеждены: успешную карьеру выпускни-

кам гарантируют раскрученный бренд alma mater и связи с однокурсниками, среди которых есть представители элиты. Составители рейтинга подчеркивают, что ориентировались не на качество образования, а на успешность выпускников вузов при устройстве на работу. Так, например, тот же Институт нефти и газа находится лишь на 48-м месте в списке ста «золотых» высших образовательных учреждений страны, но это не мешает его выпускникам чувствовать себя на кадровом рынке хозяевами положения.

Хорошее образование уже давно не синоним успешной карьеры, убеждены независимые эксперты. Наибольшее значение имеет громкое имя вуза и студенческая дружба с «золотыми» однокурсниками. На уровне повседневных практик ведущим критерием становится не убежденность студентов, преподавателей вузов и работодателей в том, что молодой специалист, прослушавший лекции и прошедший спецкурсы у известных в мире науки ученых, «обречен» стать профессионалом, а умение ориентироваться на рынке труда, в первую очередь демонстрируя личную преданность своему боссу. Трудоустройство «по знакомству» становится наиболее распространенной схемой начала карьеры прежде всего потому, что вузы фактически лишены возможности помогать своим бывшим подопечным с поиском работы [16].

Очевидно, что в современном мире потребность в безопасности, ее комплексной реализации и стабильном проектировании становится одним из главных направлений деятельности государств и обществ. Быстрое совершенствование информационных технологий, проблемы социально-культурного, духовного развития, обострение экологической угрозы влекут за собой возникновение ряда стратегических проблем в сфере безопасности. Построение разумных, позитивно ориентированных оснований безопасного развития общества связано с установлением нормального режима работы всех его сфер, в интересах реализации равных условий безопасности для всех.

В современной России существует реальная угроза дестабилизации обстановки во многих регионах и местах массового проживания людей. Социологический анализ оснований безопасного развития общества создает возможность теоретически обосновать и практически внедрить условия жизнедеятельности, позволяющие максимально избегать негативного влияния не только внешней среды, но и латентных угроз, скрытых в самом дисгармоничном функционировании многих социальных институтов.

Разрешение этого вопроса связано с необходимостью проведения научно обоснованной, адекватной, прогнозируемой государственной и региональной политики с четко формулируемыми целями, задачами безопасности. Это требует разработки методологических основ ее формирования, реализации и повышения эффективности.

Современные требования к построению оснований безопасного развития общества порождают ряд специфических социальных проблем. Социальная практика современной России достаточно четко показывает, что на смену одним социальным проблемам постоянно приходят другие. Такая цепь социальных противоречий и проблем требует особого внимания со стороны ученых, управленческого аппарата, всего общества. Недостаточное внимание к социаль-

ному прогнозированию оснований и норм безопасности приводит к серьезным социальным конфликтам в будущем. Необходимо целенаправленное интегрирование элементов безопасности в систему современных и перспективных социальных отношений, что позволит, на наш взгляд, определить динамику развития российского социума на годы и десятилетия вперед.

Наиболее четкую смысловую структуру безопасности общества можно найти только в законодательных актах. Более того, еще памятны времена, когда существовала теоретическая и практическая система государственной безопасности, воплощенная в Комитете госбезопасности. Термин «государственная безопасность» в силу известных исторических перемен был заменен на термин «национальная безопасность», и этот факт породил множество теоретических вопросов, основным из которых является следующий: какой именно национальности должна быть обеспечена безопасность? В российских паспортах более нет пре- словутой пятой графы, но когда она присутствовала, термин «государственная безопасность» нивелировал этот вопрос.

Концепция национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 г., представляет собой систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В Концепции сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации. Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

В разделе II «Национальные интересы России» сказано, что интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина [17]. Это единственная формулировка, которая только косвенным образом указывает на необходимость поддержания тех социальных практик, которые обеспечивают духовное и интеллектуальное развитие личности. Высшая школа, бесспорно, входит в число этих практик.

Контурь высшего образования в системе национальной безопасности России угадываются весьма отчетливо. Более того, нет необходимости раскрывать и обосновывать тезис о важности всестороннего анализа сущности происходящего и глубочайшего переосмысления событий далекого прошлого и, что особенно важно, опыта последних десятилетий. Современная высшая школа получила возможность свободно обращаться ко всему ценному, накопленному национальной культурой. Но опыт, в том числе и культурный, обращенный в прошлое, несет в себе и наработанное обществом в отличных от сегодняшних социально-экономических и политических условиях. Следовательно, успешное выполнение высшим образованием задач, стоящих перед ним, во многом будет зависеть от верного ответа на вопрос: что помогает формированию миропонимания россиян, соответствующему требованиям современности и будущего?

Так как Российская Федерация намерена решительно и твердо обеспечивать свою национальную безопасность, то без пристального научного внимания к теоретическим аспектам изучения проблем высшей школы, как социального институ-

та образования, и без исчерпывающей идентификатуру россиянина эмпирики невозможно противостоять вызовам и угрозам, как внешним, так и внутренним.

Библиографический список

1. Викторов, А. Ш. Введение в социологию безопасности [Текст] / А. Ш. Викторов. – М., 2008.
2. Арбатов, Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях [Текст] / Г. А. Арбатов. – М., 1970.
3. Поздняков, Э. А. Системный подход и международные отношения [Текст] / Э. А. Поздняков. – М., 1976.
4. Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран [Текст]. – М., 1981.
5. Система, структура и процесс развития современных международных отношений [Текст]. – М., 1984.
6. Громыко, А. А. Новое мышление в ядерный век [Текст] / А. А. Громыко, В. Б. Ломейко. – М., 1984.
7. Горбачев, М. С. Перестройка для нашей страны и всего мира [Текст] / М. С. Горбачев. – М., 1987.
8. Антюхина-Московченко, В. И. Основы теории международных отношений [Текст] / В. И. Антюхина-Московченко, А. А. Злобин, М. А. Хрусталева. – М., 1988.
9. В поисках равновесия: Экология в системе социальных и политических приоритетов [Текст]. – М., 1992.
10. Иванченко, Н. С. Природоохранный аспект международно-правовой проблемы разоружения [Текст] / Н. С. Иванченко. – Л., 1983.
11. Колбасов, О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды [Текст] / О. С. Колбасов. – М., 1982.
12. Колбасов, О. С. Экология: политика и право [Текст] / О. С. Колбасов. – М., 1983.
13. Мурадян, А. А. Буржуазные теории международной политики [Текст] / А. А. Мурадян. – М., 1988.
14. Современные буржуазные теории международных отношений [Текст]. – М., 1976.
15. США: политическая мысль и история [Текст] / под ред. Н. Н. Яковлева. – М., 1976.
16. Новые Известия // www.newizv.ru
17. Концепция национальной безопасности // www.in.mid.ru

УДК 316.347(470+571)
ББК 60.56

С.В. Головкин

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ценность института образования в жизни любого цивилизованного общества заслуженно велика – это признанный факт, так как достижения в данной области являются стимулирующим фактором, определяющим

уровень научно-технического, экономического, культурного прогресса общества. В современных условиях организация деятельности институтов и органов образования, в том числе и высшего, понимается как стратегически важная сфера человеческой деятельности. Данное обстоятельство определяется рядом причин, обусловленных переходом современной мировой науки от индустриальной цивилизации к цивилизации постиндустриальной, а также глобальными проблемами развития человеческого сообщества [1].

Среди наиболее значимых моментов этого перехода можно выделить следующие:

усиление интеграционных связей между народами, ориентированными на удовлетворение социальных и экономических потребностей, что, в свою очередь, увеличивает подвижность населения и возможности работы специалистов в различных регионах и странах;

глобализация и универсализация современной цивилизации, становление экономического, политического и культурного единства наций на фоне этих процессов;

динамизм происходящих в сфере производства изменений – перестройка отдельных предприятий и целых отраслей промышленности, быстрая смена элементной базы, технологий; гуманизация техники, проявляющаяся как в структуре, так и в характере ее применения; увеличение производства техники, удовлетворяющей потребности человека, придающей труду более творческий характер; повышение наукоемкости производства, приоритет высокотехнологичных, использующих достижения фундаментальной науки, технических систем; миниатюризация техники, децентрализация производства, запрограммированного на реакцию в связи с быстро меняющимися технологиями и спросом на продукцию; одновременная локализация и интернационализация производства;

возникновение новых знаний, новых типов оборудования и машин, новых производственных процессов и новых профессий; междисциплинарный характер большей части новых направлений в науке и технике, рост числа открытий и изобретений, совершающихся сегодня на стыке дисциплин;

резкое усиление социальной роли современных телекоммуникаций и информационных технологий, формирование информационной доминанты в жизни человеческих сообществ.

Растущее значение научно-технического потенциала в системе производительных сил превращает науку в мощный фактор развития общества, учитывая способность институтов и органов образования генерировать принципиально новые идеи, правильно их оценивать и быстро реализовывать на внутреннем и международном рынках. Глобальные социально-экономические процессы активизируют теоретическое и практическое значение образования. Чтобы стимулировать общественный прогресс, данный институт должен не только соответствовать потребностям времени, но и обладать способностью к опережающему развитию [2]. Такая способность системы образования может быть достигнута через предъявление новых требований к образовательному уровню и профессиональной подготовке человека.

Наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества

является человек, способный к поиску и освоению новых знаний, принятию нестандартных решений. Современное информационное, постиндустриальное общество в гораздо большей степени заинтересовано в том, чтобы его граждане были способны самостоятельно, активно действовать, принимать решения и ставит перед всеми типами учебных заведений задачу подготовки выпускников, способных:

- гибко адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания, умело применяя их на практике для решения разнообразных возникающих проблем, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место;

- самостоятельно критически мыслить, уметь видеть возникающие в реальной действительности проблемы и искать пути рационального их решения, используя современные технологии;

- четко осознавать, где и каким образом приобретаемые знания могут быть применены в окружающей действительности;

- генерировать новые идеи, творчески мыслить;

- грамотно работать с информацией (уметь собирать необходимые для решения определенной проблемы факты, анализировать их, выдвигать гипотезы решения проблем, делать необходимые обобщения, сопоставления с аналогичными или альтернативными вариантами решения, устанавливать статистические закономерности, делать аргументированные выводы, применять полученные выводы для выявления и решения новых проблем);

- быть коммуникабельными, контактными в различных социальных группах, уметь работать сообща в различных областях деятельности, предотвращая или умело выходя из любых конфликтных ситуаций;

- самостоятельно работать над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня [3, с. 53–54].

Стратегическое направление развития систем образования в современном обществе очевидно – это интеллектуальный и нравственный рост человека, в основе которого – вовлечение в разнообразную самостоятельную целесообразную деятельность в различных областях знания. Сегодня данное направление признано главным в ведущих странах мира (США, Великобритания, Франция, Германия, Канада) [4]. Требования к качеству подготовки и постоянному повышению квалификации специалистов разных областей становятся одними из важнейших критериев международных стандартов качества. Все это, вместе взятое, диктует новые требования к системе высшего образования, которая в своем целевом замысле опирается на концепции университетского образования.

Одна из основных особенностей данного процесса – происходящая в начале XXI в. образовательная революция в мире, отличительными признаками которой являются следующие:

- смена образовательно-педагогических формаций: на смену образовательно-педагогической формации просвещения (XVII–XX вв.) приходит образовательно-педагогическая формация, которая может быть условно названа «формацией образовательного общества» и в которой система образования способствует образовательно-педагогическому воспроизводству личности;

появление новой парадигмы профессионализма – синтетического или энциклопедического, смещение доминант от узкоспециализированного к проблемно-ориентированному профессионализму;

становление непрерывного образования как формы существования, специализации, быстрой переквалификации и изменения ориентаций личности;

гуманизация, гуманитаризация, экологизация образования как процессы, ориентированные на повышение ответственности личности за социоприродную гармонию, за выживание человечества, за сохранение биосферы как условия жизни человечества на Земле;

трансформация общегуманистического в экологический и экономический императивы – всесторонне образованная личность становится важнейшим условием прогрессивного экономического развития общества и выхода человечества из состояния экологической катастрофы;

выдвижение стремления к повышению образовательного уровня в ключевые функции управления в структурах науки, коммерции, производства, сфер обслуживания, культуры и искусств с усилением обеспечения мотивационной основы деятельности этих структур;

изменение социальных функций университетов, становящихся центрами культуры и научно-производственно-образовательных комплексов;

резкое повышение престижа одних вузов, специальностей, профессиональных знаний и одновременное падение престижа других;

уменьшение зависимости карьеры от образования – образование на сегодняшний день является необходимым, но не единственным условием успешной карьеры;

возникновение и утверждение системы платного образования [5].

Следующей концептуальной посылкой является подготовка образования и социально-экономических институтов и органов развитых стран к переходу к всеобщему высшему образованию в первом десятилетии XXI в.

И наконец, еще одна концептуальная составляющая – это появление конкуренции между развитыми странами мира на государственном уровне по качеству образования и качеству интеллектуальных ресурсов, рост интеллектуализации производительных сил общества с соответствующими изменениями в природе труда и природе капитала (капитализация знаний, информации, рабочей интеллектуальной силы).

Основным направлением совершенствования системы образования в конце XX – начале XXI в. в развитых странах мира становится улучшение качества подготовки кадров во всех ее звеньях, приспособление их к требованиям научно-технического прогресса, к изменившимся условиям глобальной конкуренции. В этом существенное отличие современной ситуации в сфере образования от предшествующих периодов, когда главным считалось расширение сети образовательных учреждений и реализация социального права на получение образования.

Развитие современной системы высшего образования в России обусловлено специфическими социальными факторами.

К началу 1990-х годов в системе высшего образования России на основе накопления кризисного потенциала созрели социально-экономические предпо-

сылки для углубления процессов реформирования. Чрезмерная увлеченность профессиональной подготовкой и технократический подход к социальной роли специалиста в обществе шли в ущерб задаче всестороннего развития личности. Невостребованность профессионализма привела к деградации накопленного научно-технического потенциала, падению нравственности, изменению ценностных ориентиров. По оценкам социологов, каждый пятый выпускник вузов был готов выехать за границу, при условии что за рубежом им предоставят работу [6, с. 58].

Структура подготовки не соответствовала требованиям производства эпохи научно-технического развития и новым потребностям переходной экономики. Перестройку системы образования начали и осуществляли люди, которых трудно назвать профессионалами в управлении. Они не были подготовлены для овладения механизмами управления и законотворчества в рыночных условиях, а также для решения социальных и политических задач в демократическом обществе. Централизованное управление образованием, унификация требований по всей территории огромной многонациональной страны на фоне искаженного состояния социальных наук подавляли инициативу и ответственность профессионального корпуса высшей школы, а информационная изоляция от новейших достижений мировой научной мысли снижала качество преподавания.

Опыт планового управления сферой образования показал, что государственные органы управления образованием не в состоянии определить точные характеристики объемов и направлений подготовки. Сфера образования никогда не ориентировалась на удовлетворение дифференцированных потребностей разных групп населения и его отдельных представителей. Всю совокупность потребительских предпочтений замещала позиция государственного аппарата. Выделяя ресурсы на развитие системы образования, государство не было способно с помощью административных методов добиться их гармонизации. В итоге сложилась ситуация, которая определяется в экономической науке термином «изъяны государства», то есть квалифицируется как неспособность добиться эффективного размещения ресурсов. Предпосылки, сложившиеся в условиях административно-командной системы и в период перестройки, а также начавшийся переход к рынку в экономике в целом обусловили необходимость и неизбежность в 1990-е годы рыночных реформ в системе высшего образования России.

Одним из инновационных процессов в России является формирование рынка образовательных услуг. Он подвержен влиянию многих факторов: экономических, социальных, педагогических, психологических, информационных [7, 8]. С экономических позиций под рынком образовательных услуг понимается система экономических и организационных отношений купли и продажи специфического товара – «образовательной услуги» в процессе удовлетворения потребностей личности, общества и государства в образовании. Функционирование рынка образовательных услуг социально ориентировано, что особенно важно с социологической точки зрения. Этот рынок оказывает огромное влияние на всю систему образования, на производство образовательных услуг и является его главным регулятором, а также и на социальные, экономические и культурные аспекты жизнедеятельности индивидов и общества.

Специфика рынка образования заключается в том, что он непосредственно формирует условия купли и продажи образовательных услуг с учетом развития рынка труда. На рынке образовательных услуг обращаются услуги (товары) собственно образовательного плана по всему спектру учебных и научных дисциплин, программно-методического обеспечения учебного и воспитательного процессов, учебников, учебных и наглядных пособий, лабораторного оборудования.

Образовательные услуги представляют собой систему знаний, умений, навыков, которые используются в целях удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности, общества, государства. Особенностью образовательных услуг в экономическом контексте является то, что при их оказании происходит отображение тем или иным способом определенного знания в представлении обучаемого, выработка конкретных навыков и умений в контексте выбранного обучаемым профессионального направления, усовершенствование физических возможностей человека. В этом смысле образовательные услуги непосредственно производят и развивают рабочую силу людей, умножают их способности к выполнению более сложного и качественного труда во всех отраслях экономики и народного хозяйства.

Государство, исходя из социальной значимости образования, вмешивается в производство образовательных услуг с целью преодоления «изъянов рынка». В России же сложилась, как отмечалось, ситуация «изъянов государства», поэтому рыночные реформы системы высшего образования предполагали демонополизацию производств и услуг высшего образования; формирование негосударственного сектора; функционирование высшей школы на основах конкуренции и предпринимательства. В условиях рынка все субъекты отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления услуг образования – государство, образовательные учреждения, обучающиеся, фирмы, предприятия – ведут себя как предприниматели. Именно включение предпринимательского потенциала в систему образования является условием повышения ее эффективности и предпосылкой для увеличения образовательного капитала человека.

Библиографический список

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М., 1999.
2. Садлаг, Я. Глобализация и всемирная роль университета [Текст] / Я. Садлаг // Высшее образование в Европе. – 2000. – № 5.
3. Дистанционное обучение [Текст]. – М., 1998.
4. Вульфсов, Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века [Текст] / Б. Л. Вульфсов. – М., 1999.
5. Чумак, В. Г. Рынок образовательных услуг: социальный анализ состояния и перспектив развития [Текст] : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В. Г. Чумак. – М., 1999.
6. Ионцев, В. А. Проблема «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) [Текст] / В. А. Ионцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6 : Экономика. – 1996. – № 5.
7. Лисаускене, М. На образовательном рынке [Текст] / М. Лисаускене // Высшее образование в России. – 2001. – № 4.
8. Кириллина, Ю. Продвижение образовательных услуг к потребителям [Текст] / Ю. Кириллина // Высшее образование в России. – 2001. – № 5.

Е.В. Пономарева

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ГАБИТУС СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современная эпоха характеризуется значительным уровнем национальности функционирования институтов общества. Это выражается в развитии коммуникационных сетей, функционировании международных организаций, оформлении крупных силовых блоков, распространении идеологии массового потребления, появлении международного разделения труда. По мнению В.К. Левашова, построение сети новых глобальных отношений между странами стало возможным только после «разгосударствления» действий социальных акторов и появления новых акторов на международной арене [1]. Примером такой глобальной сети отношений является сетевая структура взаимодействия университетов.

Межуниверситетское сотрудничество в эпоху глобализации становится центральным направлением развития системы высшего образования, своего рода «лицом» высшего образования в мировом масштабе. Представляется возможным теоретически обрисовать сетевую модель взаимодействия университетов, основываясь на теории П. Бурдьё о габитусе.

Понятие «габитус» было введено для характеристики агентов социального действия в процессе восприятия и оценивания действительности. Габитус определяется как схема восприятия и оценивания, когнитивные и развивающие элементы, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции или структуре [2]. Иными словами, габитус – это то, как реальность представляется актору социального действия и то, как реальность влияет на него. В качестве агентов социального действия могут выступать индивиды, группы людей, социальные институты.

Рассмотрение международного сотрудничества университетов как габитуса современной системы высшего образования обуславливается тем, что международная активность вузов стала не только отличительной чертой системы высшего образования на современном этапе развития общества, но и областью деятельности, характеризующейся значительным влиянием на всю общественную систему в целом. Кроме того, международное сотрудничество вузов, зачастую функционирующее несмотря на национальные границы, является очевидным отражением глобализации в сфере высшего образования и направлением эволюционного развития этой сферы в рамках тех условий, которые ставит перед обществом процесс глобализации.

Анализ сетевой структуры взаимодействия университетов показывает, что

создается единое образовательное поле, в котором стираются национальные и политические границы, препятствующие коммуникации и свободному перемещению человеческого капитала. С национального государства на университеты частично перекладывается ответственность за функционирование самих университетов и полномочия по принятию решений. Таким образом, при развитии процесса глобализации университет становится полноправным актором международного взаимодействия, обладающим специфическим комплексом прав и обязанностей.

В основе теоретической модели сетевого взаимодействия университетов располагается образовательное поле. П. Бурдье рассматривает поле науки в качестве «пространства, в котором находятся агенты и институты, производящие, воспроизводящие и распространяющие науку» [2]. Источником поля являются его непосредственные агенты – университеты, задействованные в сетевой модели взаимодействия, и коммуникативная сеть, которая ими создается. Характер отношений между действующими акторами, степень вовлеченности каждого из них в сеть отношений и статусы – все это моделирует структуру поля университетского взаимодействия, в большой степени иерархичную.

Габитус, по определению П. Бурдье, означает принципы, которые порождают практики и представления [1]. Целевая направленность указанных представлений не отличается осознанной ориентированностью на базовые детерминанты, однако может предполагать адаптированность к данным принципам. Соответственно, сетевая модель сотрудничества университетов как тенденция дальнейшего развития системы высшего образования является определяющим фактором в построении структуры высшего образования, с одной стороны, и в прививании акторам, действующим в этой системе, определенных навыков и привычек, адекватных данной структуре, с другой стороны.

Практики, которые порождает габитус, делятся на индивидуальные и коллективные. Индивидуальные практики, продуцируемые габитусом сетевого взаимодействия университетов проявляются в развитии процесса академической мобильности – нового миграционного и образовательного направления, стимулированного открытием и разработкой новых каналов связи в международном масштабе. Коллективные практики, чье появление связано с формированием габитуса сферы высшего образования, сводятся, например, к нарастанию унификационных процессов в общемировом масштабе: болонизация, европеизация и американизация. Эти процессы имеют в своем основании не только собственно образовательные, но также социальные, политические, культурные и экономические императивы.

Габитус формируется на основе диспозиций в отношении предметов реальности, возможного и невозможного, ограничений и допущений, диктуемых объективным миром. Усвоение обозначенных диспозиций влечет за собой построение внутренних структур восприятия у акторов социального действия. В большей или меньшей степени построенные структуры коррелируют с условиями, которые ставит современный мир.

На основе внутренних структур каждого из акторов взаимодействия, каждого из элементов сети формируются внешние контуры системы. Очертания взаи-

модействия университетов, как живого и постоянно активного процесса, не являются статичными, а подвергаются изменениям в соответствии с изменениями окружающей экономической, политической, социальной и культурной среды стран, регионов, областей. Таким образом, система международного взаимодействия вузов является нестабильной, динамичной с точки зрения внутреннего развития собственных границ и зависимой от внешних объективных факторов.

Процесс глобализации диктует объективные параметры современного мира, в том числе и в сфере высшего образования. Университет должен отвечать требованиям окружающей среды в вопросах построения функциональных взаимосвязей с другими институтами общества. Необходимо использовать все положительные тенденции, порожденные глобализацией высшего образования, и осознавать невозможность оставаться замкнутым на локальном уровне функционирования. Для успешной адаптации к современным условиям позиция университета должна иметь глобальную составляющую, которая может заключаться в развитии международного направления деятельности – программ международного обмена, контактов с другими университетами.

Модель сетевого сотрудничества университетов не может быть статичной. С одной стороны, она представляет, а с другой стороны, отражает процессы, происходящие в обществе. Причины изменчивости форм сетевого взаимодействия университетов можно разделить по ряду оснований:

1. Взаимозависимость. Глобализация усиливает тенденции, выражающиеся в оплетении всего мира сетями различных связей, причин и следствий в условиях все нарастающего количества процессов и проектов в различных областях жизнедеятельности общества, организованных двумя и более странами. При этом никакой институт, имеющий большее или меньшее значение в государстве, не может развиваться вне рамок международных взаимодействий. И как следствие, растет количество университетов, которые ощущают себя зависимыми друг от друга, от других институтов общества, продолжают развиваться (в большей или меньшей степени) в условиях зависимости.

2. Асимметрия. Взаимодействие в сети, элементы которой являются, на первый взгляд, однородными, имеет стратификационную составляющую, различное количество властных полномочий и разный уровень иерархических позиций. В соответствии с этим разделением, развитие элементов в общей сети идет асимметрично в вопросах накопления капитала и использования ресурсов.

3. Диверсификация. Для успешного функционирования системы ее элементы должны иметь общее основание и составлять целое. Однако в условиях конкуренции между университетами за позицию в сети взаимодействия и на рынке образовательных услуг, они все чаще выбирают для себя ту область, которая будет выгодно отличать их от конкурентов, будь то уровень преподавания, разнообразие курсов, качество лабораторий и прочее. Таким образом, несмотря на растущие унификационные процессы в мире, вузы в своем функционировании идут по пути дальнейшей диверсификации.

4. Избирательная включенность. Все университеты, включенные в сеть международных контактов, можно разделить на два типа: взаимодействующие и включенные во взаимодействие. Взаимодействующие вузы – это передовые уни-

верситеты и университетские комплексы, которые имеют возможность выбирать партнеров по взаимодействию, направления, цели и содержание коммуникации. Включенные во взаимодействие не имеют возможности диктовать свои цели и содержание коммуникации, снабжаются заранее сформированными вариантами выбора. Основаниями для такого разделения являются объем полномочий акторов взаимодействия и их статусная позиция.

5. Регионализация. Несмотря на глобальные процессы, диктующие варианты развития университетов, и увеличение влияния мировых сил на их жизнь, существует большое количество вузов, которые в сравнительно небольшом объеме включены в мировое взаимодействие. Направление жизнедеятельности таких учебных заведений ограничено регионом их нахождения. В подобных условиях университет работает только на региональном образовательном рынке и на рынке кадров.

При наличии всех указанных оснований, в различной степени актуальных для разных вузов, можно говорить о том, что структура университетского взаимодействия не может быть постоянной и одинаково активной на всех участках сети.

В качестве существенного элемента габитуса у актора социального действия можно выделить наличие внутренних и внешних законов. Хотя сам по себе габитус не является результатом подчинения правилам, он способствует выработке тех правил и законов, по которым актор взаимодействует с внешним миром. Наибольшее значение в данной области имеют внутренние законы, через них осуществляется закон внешней необходимости, то есть внешняя необходимость для университетов быть в международной сети взаимодействия обеспечивается устойчивостью функционирования этой сети.

Интерииоризация глобальных законов жизнедеятельности для сетей университетов позволяет осуществить переход от прошлого состояния системы высшего образования к настоящему, основанному на международных взаимодействиях с перспективой для будущего развития. Процесс интерииоризации делает возможным приложение глобальных сил в системе высшего образования не в качестве чужеродного элемента влияния, а в соответствии со специфической логикой ее функционирования.

Среди наиболее значимых глобальных сил можно выделить мировую политику и мировую экономику. Они имеют множество способов воздействия на область высшего образования: финансовые санкции и вознаграждения, влияние на статусную позицию университета, на участие университета в высокотехнологических разработках мирового уровня.

Таким образом, сетевое сотрудничество университетов является габитусом системы высшего образования, приобретенным вследствие воздействия глобальных процессов и интерииоризации основных законов данных процессов самой системой высшего образования. Следовательно, практики сетевого сотрудничества университетов, которые формируют габитус системы высшего образования, не могут быть независимыми ни от процесса глобализации высшего образования, ни от процесса глобализации в целом.

С другой стороны, подверженное влиянию системы высшего образования и происходящих в ней процессов, сетевое сотрудничество университетов не мо-

жет не оказывать воздействия на систему высшего образования путем аргументации необходимости формирования определенных элементов деятельности вузов и перестройки внутривузовской системы функционирования. Примером может служить появление в вузах департаментов (отделов) по международным связям, выделение в структуре административного персонала вузов новых должностей, связанных с вопросами международного взаимодействия, разработка новых курсов и стандартов, дипломов и степеней.

Габитус сети университетов как «искусство изобретения» порождает для каждого университета свой отдельный габитус. Он является по отношению к габитусам других университетов гомологичным в рамках одной системы. Сформированные практики являются и общими для всех, и отдельными для каждого. Их общепринятость позволяет университетам функционировать как сеть, в то же время сохраняя свои национальные особенности и традиции, что обеспечивает разнообразие и противостояние унификации. Социальные траектории каждого университета позволяют играть свою роль в функционировании сети и не теряться на фоне других вузов.

Исходя из положения, что габитус есть основа стратегий, предпринимаемых акторами, можно сделать вывод, что университеты, участвующие в международном взаимодействии, из всего спектра вероятных стратегий выбирают именно ту, которая наиболее полно соответствует заданному направлению развития. Согласованные действия агентов сети университетов, то есть непосредственно самих учебных заведений в рамках высшего образования, не могут иметь места без поддержки акторов в вузах. Это обеспечивает жизнеспособность и эффективность системы на микроуровне. Условия существования университетов составляют границы, благодаря которым обеспечивается однородность габитусов, что в конечном итоге гарантирует жизнеспособность и единство системы. Внутри нее можно наблюдать тенденции к унификации общего пространства.

Несмотря на отрицательные моменты развития данного процесса, результатом унификации образовательных систем является общая плоскость компетенций в среде международного образования, что позволяет избежать временной и пространственной паузы в принятии решений. Иными словами, можно упростить и вместе с тем сделать более эффективным международное сотрудничество университетов. Однако в процессе унификации возникает угроза потери отличительных характеристик акторов взаимодействия. Заслуживающей наибольшего внимания проблемой становится сохранение университетом национальных образовательных традиций.

Согласно теории П. Бурдье, габитус – это продукт истории. Значит для всестороннего и полного анализа сетевой модели взаимодействия университетов необходимо изучать и исторический аспект развития системы высшего образования в международной перспективе.

Глобализация проявляется в охватывании мира сетями структур, культур и институтов. Университет больше не может оставаться замкнутым в национальном государстве, и один из способов выживания и развития – выход на международную арену. В окружении других мировых институтов и транснацио-

нальных корпораций, университеты объединяются в структуру, определяемую как сетевая структура взаимодействия. Она основывается на интернационализации высшего образования, но находит свое воплощение только с развитием процесса глобализации.

Габитус университетов служит своеобразной маркой системы высшего образования в глобальном веке. С одной стороны, это проявление конформизма в условиях всеобщих глобальных тенденций, с другой – знак отличия, «революционный» момент национальной политики государств в отношении высшего образования.

Библиографический список

1. *Левашов, В. К.* Глобализация и социальная безопасность / В. К. Левашов // <http://ihtik.lib.rusociology.ru>.
2. *Бурдье, П.* Начала [Текст] / П. Бурдье ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М., 1994.
3. *Бурдье, П.* Поле науки / П. Бурдье // <http://ihtik.lib.rusociology.ru>.

УДК 342.075
ББК 67.400

К.С. Смирнова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ГОДА СЕМЬИ

В соответствии с Основным Законом в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи (ст. 7); материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38). Закрепление этих положений на конституционном уровне свидетельствует о том, что государство уделяет особое значение институту семьи, признает ее ценность для жизни и развития человека, важность ее роли в обществе. Данные конституционные положения-принципы выступают базисом для принятия государством в лице его полномочных органов мер по охране интересов матери и ребенка, для обеспечения действия правовых механизмов такой охраны, поощрения института материнства, формирования здоровой семьи как основы общества и государства в целом. Именно семья служит фундаментом для реализации государством демографической политики.

В 1990-х годах Россия вступила в глубокий демографический кризис, причиной которого стало чрезвычайное обострение экономических и социальных проблем, негативно сказавшееся на положении большинства семей. В послед-

нее десятилетие Российская Федерация стала осуществлять активную социально-демографическую политику.

В целях привлечения внимания органов власти и гражданского общества к проблемам семьи и демографии 2008 год объявлен Годом семьи в Российской Федерации [1]. Правительством России утвержден план его проведения, который включает разделы «Семья и общество», «Семья и устойчивое развитие», «Семья и культура», «Семья и здоровье», «Семья и бизнес».

Важным направлением является совершенствование законодательства. Так, в соответствии с Федеральным законом от 25 октября 2007 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [2] с 1 января 2008 г. устанавливаются два пособия, направленные на помощь беременным женам и детям военнослужащих, которые проходят срочную службу. С 1 января 2009 г. будет проведена индексация этих пособий. Указанные выплаты происходят независимо от других пособий, таких, как пособие по беременности и родам, пособие при рождении ребенка, пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Это новый элемент материальной поддержки, которая в последние годы реализуется в нашей стране в рамках демографической программы. Кроме того, Правительство приняло решение об увеличении размера «материнского капитала» с 267,5 тыс. до 271,25 тыс. руб. в 2008 г. [3].

В то же время остается такая серьезная проблема дальнейшего развития государственной поддержки семьи, как отсутствие базового федерального закона, развивающего и конкретизирующего соответствующие конституционные нормы. Это особенно актуально в условиях начавшейся реализации мер демографической политики и провозглашения Года семьи в Российской Федерации. Цели, принципы, приоритетные направления и механизмы осуществления государственной семейной политики до настоящего времени регламентируются не федеральным законом, а Указом Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» [4].

Действующие нормативные правовые акты социального, трудового, жилищного, налогового права и других отраслей законодательства не в полной мере учитывают интересы семьи как социального института. Законодательные нормы, как правило, устанавливают формы социальной поддержки, предоставления льгот и гарантий отдельным категориям граждан. Безусловно, наибольшее внимание уделяется гражданам, имеющим детей. Тем не менее единого законодательного акта, регулирующего вопросы государственной поддержки семьи, содержащего нормы, направленные на сохранение и укрепление семьи, решение демографических проблем, в настоящее время нет.

Разработанный проект Федерального закона «Об основах государственной поддержки семьи в Российской Федерации» [5] регулирует отношения государства и семьи как социального института. Цель проекта заключается в конкретизации конституционных положений и систематизации норм федерального законодательства, регулирующих отношения по государственной поддержке семьи. Проект Закона призван стать основополагающим нормативным правовым актом в данной сфере. В рамках реализации статей 72 и 76 Конституции РФ,

в соответствии с которыми защита семьи, материнства, отцовства и детства находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ (п. «ж» ч. 1 ст. 72), а по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаются в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ (ч. 2 ст. 76), законопроект предполагает разработку соответствующих законов субъектов РФ, хотя отдельные регионы уже имеют их.

В настоящее время в субъектах РФ приняты либо находятся на завершающей стадии региональные целевые программы, направленные на повышение качества жизни населения и улучшение демографической ситуации. В большинстве субъектов Федерации успешно реализуются комплексные и целевые программы по поддержке семьи, материнства и детства. Реализация данных программ проходит особо активно в рамках Года семьи.

К примеру, в Саратовской области меры по повышению рождаемости и укреплению института семьи реализуются с использованием программно-целевых методов, в том числе через национальные проекты в сфере здравоохранения, жилищной политики, образования, федеральные целевые программы «Жилище» на 2002–2010 годы [6], «Дети России» на 2007–2010 гг. [7], областные целевые программы: «Охрана репродуктивного здоровья населения» на 2006–2008 гг., «Развитие образования» на 2006–2008 гг. [8].

В ноябре 2007 г. принята «Областная целевая (комплексная) программа дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержке семей в Саратовской области на 2008–2010 гг.» [9]. Особое внимание в программе уделено увеличению объемов высококвалифицированной медицинской помощи детям и беременным женщинам, созданию современных условий рождения и выхаживания новорожденных, предусмотрено строительство нового перинатального центра, детских дошкольных учреждений. Дополнительно к мерам социальной поддержки, реализуемым в рамках Закона Саратовской области «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области» [10], с 1 января 2008 г. добавилась ежегодная выплата (в размере 1000 руб.) на каждого посещающего занятия в физкультурно-спортивных сооружениях ребенка из семьи, в которой среднедушевой доход не превышает величины прожиточного минимума, установленного в области.

Помимо материальной составляющей зачастую семьи могут нуждаться и в психолого-педагогической и социальной помощи. Такую помощь оказывают в специализированных учреждениях. Сейчас в области действуют 11 социально-реабилитационных центров и приютов, 17 центров социальной помощи семье и детям «Семья», 30 отделений социальной помощи семье и детям в структуре центров социального обслуживания населения. Подобные структуры существуют не только в Саратовской области, но и в других субъектах. К примеру, в Воронежской области работают 36 центров социального обслуживания семьи и детей, 5 центров социальной помощи семье и детям, 27 социально-реабилитационных центров, а также 5 центров реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями. Ежегодно они оказывают помощь 15 тысячам семей [11].

Акцент в работе учреждений социальной защиты делается на раннем выявлении семейного неблагополучия и социальном сопровождении семей, развитии их внутреннего потенциала в целях достижения состояния самообеспечения. В данных учреждениях реализуются программы по реабилитации несовершеннолетних беременных матерей, женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Совместно с медицинскими учреждениями реализуются новые формы сотрудничества по формированию сознательного родительства, по обеспечению условий для рождения желанных и здоровых детей у социально незащищенных беременных женщин.

Интересна практика реализации демографических программ в рамках Года семьи в Санкт-Петербурге. В соответствии с Законом Санкт-Петербурга от 17 ноября 2004 г. № 578-80 «О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге» [12] с 1 января 2008 г. семьи, в которых подрастают трое и более детей, могут рассчитывать на помощь города в оплате коммунальных услуг, причем размер льготы зависит от того, сколько в семье несовершеннолетних детей. В том случае, если многодетная семья нуждается в улучшении жилищных условий, она в первоочередном порядке будет включаться в действующие региональные жилищные программы; родители, у которых родится тройня, получают от города отдельную квартиру.

Демографическая политика включает в себя не только мероприятия по повышению рождаемости, но и по поддержке пожилого населения. В этом отношении интересен опыт Пермского края, где реализуется необычный проект «Семья для пожилого» [13]. В качестве подопечных здесь выступают не дети, а пожилые люди, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию. Семьи, которые «усыновили» пенсионеров, получают выплаты из краевого бюджета (в размере 3 тыс. руб. в месяц), причем в семье принимают не только одиноких престарелых граждан, но и супругов. Основной целью проекта стала помощь пенсионерам и инвалидам в преодолении чувства одиночества, а также обеспечение их необходимым уходом и поддержкой. Региональные власти помогают и семьям, усыновляющим детей, – выплачивают единовременные и ежемесячные пособия, награждают дипломами и выдают премии.

Что касается пособий, то в этом плане интересен опыт Пензенской области. Законом Пензенской области от 21 апреля 2005 г. № 795-ЗПО «О пособиях семьям, имеющим детей» [14] введено дополнительное единовременное пособие трем категориям граждан: при рождении одновременно двух и более детей семья получает 10 тыс. руб. на каждого; если в семье рождается ребенок в течение 15 месяцев после заключения брака, то размер пособия составляет 20 тыс. руб.; единовременное пособие при усыновлении (удочерении) равно 200 тыс. руб. (это самое значительное единовременное пособие на усыновление в России). Следует отметить, что по размерам душевого ВВП область находится среди пятнадцати самых бедных регионов России.

Субъекты РФ демонстрируют примеры положительной практики в области региональной социально-демографической политики. Реализация региональных программ демографического развития в рамках Года семьи имеет положитель-

ную динамику, и во всех субъектах Федерации отмечен рост рождаемости. Вместе с тем демографическую ситуацию страны пока нельзя охарактеризовать как стабильную. В настоящее время около пятидесяти процентов российских семей не имеют детей [15, с. 30], а для простого поддержания в ближайшие годы численности населения страны потребуется минимум три ребенка в каждой семье. Безусловно, количество детей в семье зависит от потребности в них, но для реализации данных потребностей необходимо создание соответствующих условий со стороны государства. Учитывая то, что многие регионы нарабатывали положительный опыт в области демографической политики, представляется целесообразным тщательное изучение и распространение данной практики в общенациональном масштабе.

Поскольку государственная политика облекается в форму нормативно-правовых актов, то в первую очередь следует усовершенствовать законодательство, действующее в социально-демографической сфере. В частности, в области жилищной политики в Жилищный кодекс РФ [16] необходимо включить статью о приоритетном предоставлении жилых помещений многодетным семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий. Кроме того, требуется внесение соответствующих изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», направленных на увеличение размера единовременных пособий при рождении (усыновлении) детей. На наш взгляд, данные изменения могут способствовать стимулированию рождаемости и стабилизации демографической обстановки в стране.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 14 июня 2007 г. № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Текст] // СЗ РФ. – 2007. – № 25. – Ст. 3009.
2. СЗ РФ. – 2007. – № 44. – Ст. 5281.
3. Повышение отдельных видов социальных выплат, денежного довольствия, пенсий военнослужащих и зарплат бюджетников // www.mzsrfr.ru
4. СЗ РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2460; 2002. – № 40. – Ст. 3905.
5. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 17 октября 2007 г. № 425-СФ «О проекте Федерального закона «Об основах государственной поддержки семьи в Российской Федерации» // www.council.gov.ru
6. Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2001 г. № 675 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2002–2010 годы» [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 39. – Ст. 3770; 2008. – № 15. – Ст. 1564.
7. Постановление Правительства РФ от 21 марта 2007 г. № 172 «О федеральной целевой программе «Дети России» на 2007–2010 годы» [Текст] // СЗ РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1688; 2008. – № 8. – Ст. 730.
8. Закон Саратовской области от 29 декабря 2006 г. № 152-ЗСО «Об областных целевых программах» [Текст] // Саратовская областная газета, официальное приложение. – 2007. – № 39.
9. Закон Саратовской области от 9 ноября 2007 г. № 230-ЗСО «Об областной целевой (комплексной) программе дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержке семей в Саратовской области на 2008–2010 годы» [Текст] // Там же. – № 67.
10. Закон Саратовской области от 1 августа 2005 г. № 74-ЗСО «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области» (с изм. от 29 марта, 8 декабря 2006 г., 30 марта, 2 августа 2007 г.) // www.mzsr.saratov.gov.ru

11. В Воронежской области наступил Год семьи // www.asi.org.ru/
12. www.gov.spb.ru
13. Ребров, Д. Год в кругу семьи / Д. Ребров // www.rosbalt.ru
14. Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. – 2005. – № 25, 27 (ч. 2).
15. Сычева, Л. Большой стране – большие семьи [Текст] / Л. Сычева // Российская Федерация сегодня. – 2007. – № 2.
16. Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; 2008. – № 20. – Ст. 2251.

УДК [342.743:347.61–053.81](470+571)
ББК 67.400.32

Е.В. Лазарева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ ПУТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДОРОВЬЕ»

Провозглашение Российской Федерации социальным государством (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ [1]), политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также утверждение в ст. 38 Основного Закона положения о государственной охране, поддержке и защите семьи свидетельствуют о том, что государство заботится о социальной справедливости и благополучии своих граждан, их социальной защищенности. Закрепление на конституционном уровне правовых основ социальной защиты семей означает, что российское общество заинтересовано в сохранении и укреплении семьи как уникальной социальной структуры, способной выполнять комплекс важнейших функций.

Особую заботу общество и государство должны проявлять о молодых семьях, поскольку именно с ними связано улучшение демографической ситуации в современной России. В настоящее время молодая семья более всего неустойчива и подвержена влиянию негативных факторов, которые воздействуют как изнутри, так и извне, ввиду отсутствия прочной экономической базы и достаточного опыта построения семейных отношений.

В ч. 2 ст. 7 Конституции РФ перечислены основные обязанности государства, среди которых видное место занимает забота о семье, охрана репродуктивного здоровья населения. В свою очередь, ст. 41 Конституции РФ регламентирует право граждан на охрану своего здоровья, а также гарантирует реализацию этого права. Наличие данных положений в Основном Законе РФ свидетельству-

ет о том, что социальная поддержка молодых семей со стороны государства является одним из приоритетных направлений государственной политики.

В стране в течение последних трех лет идет реализация приоритетных национальных проектов в сферах образования, здравоохранения, в агропромышленном комплексе и жилищном строительстве. Президентом РФ Д.А. Медведевым и премьер-министром В.В. Путиным неоднократно подчеркивалось, что необходимо учитывать огромную разницу в уровне жизни не только разных слоев населения, но и регионов и, исходя из этих реалий, строить свою деятельность [2, с. 6]. На региональном уровне данные указания должны строго выполняться.

Реализацией конституционной обязанности, закрепленной в ст. 7 и 41 Конституции РФ, является разработка и внедрение в жизнь национального приоритетного проекта «Здоровье», который называют ключевым. Действительно, его роль несомненна в жизни молодых семей, ведь их здоровье и социальное благополучие в эпоху ухудшения экологической обстановки, техногенной революции, напряженности, динамизма и сложности социальных отношений превращаются в базовую публично-правовую ценность. Охрана здоровья матери и ребенка, снижение младенческой смертности – приоритетные направления и региональной социальной политики.

Доступность и надлежащее качество благ здравоохранения являются составляющими достойного уровня жизни россиян. Исследования политики и идеологии Российского государства относительно охраны здоровья выявили необходимость проведения научной работы, направленной на изучение потребностей населения и разработку специальных проектов (программ), способствующих повышению и укреплению здоровья населения.

Сегодня во многих регионах России наметились положительные тенденции в связи с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье», и это напрямую касается молодых семей. В сфере охраны здоровья населения во всех субъектах РФ разработаны и получили юридическое сопровождение специальные программы, которые направлены на укрепление здоровья граждан, в том числе и молодых семей. Например, в Екатеринбурге – «Сбережение населения Свердловской области», «Мать и дитя» [3]; в Кемеровской области – «Здоровый ребенок» [4]; в Омской области – «Здоровая женщина – здоровый ребенок» [5], в Саратовской области – «Здоровый ребенок», «Дети Саратовской области» [6].

Охрана материнства и детства, работа по улучшению демографической ситуации определены в качестве ведущих направлений национального приоритетного проекта «Здоровье» во всех субъектах РФ. Так, в Оренбургской области принят и разрабатывается целый комплекс мер по поддержке института семьи, охране здоровья и прав матери и ребенка, улучшению демографической ситуации. В данном субъекте Федерации действует Концепция семейной демографической политики и в целях комплексного оздоровления демографической ситуации губернатором А. Чернышевым издано распоряжение «О мерах по реализации демографической политики в Оренбургской области на 2007–2015 годы» [7]. Демографическая ситуация в Оренбургской области в 2007 г. характеризу-

валась положительной динамикой: отмечен прирост населения в 14 районах области, его естественная убыль уменьшилась на 41,2%, а рождаемость выросла на 11,8%. Служба родовспоможения Оренбургской области по программе родовых сертификатов получила более 320 млн руб., а отделение Пенсионного фонда РФ по Оренбургской области с начала 2008 г. уже приняло 4780 заявлений на получение сертификата на материнский (семейный) капитал. Из них 3743 заявления подано в связи с рождением второго ребенка, 1025 – в связи с рождением третьего или последующего ребенка и 12 – в связи с усыновлением. Всего в 2007 г. в Оренбургской области родилось 19 139 детей [8].

В Саратовской области с момента осуществления национального приоритетного проекта «Здоровье» и издания постановления Правительства Саратовской области от 30 января 2007 г. № 9-П «О Концепции развития здравоохранения в Саратовской области на 2007–2009 годы» [9] также наблюдаются в целом положительные результаты. Министерством здравоохранения и социальной поддержки области проведена юридическая экспертиза в рамках разработки проекта программы «О дополнительных мерах по улучшению демографической ситуации» – комплекса дополнительных мероприятий в сфере демографической политики. Финансирование программы из областного бюджета составит 289 млн руб. Из них в 2008 г. – 125 млн руб. [10, с. 3].

Правительством Саратовской области одобрена «Комплексная программа дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержки семей на 2008–2010 годы», в ее исполнение разработан и принят Закон Саратовской области «Об областной целевой (комплексной) программе дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержке семей в Саратовской области на 2008–2010 годы» [11]. Эта программа призвана стабилизировать численность саратовцев, и для этого, по мнению разработчиков, необходимы определенные меры, в том числе создание условий для повышения рождаемости, обеспечение соцподдержки семей с детьми. По итогам 2007 г. губернатор Саратовской области Павел Ипатов дал положительную оценку демографическим показателям в области: «В целом по Саратовской области в 2007 г. родилось 26,7 тыс. детей, что на 3 тыс. превышает показатель 2006 г. Идет также снижение числа умерших. В прошлом году оно сократилось на три тысячи человек... Кроме того, мы видим улучшение по показателям ранней детской смертности. За последние годы этот показатель уменьшился в три раза» [12, с. 2].

В России выросло количество случаев рождения второго ребенка, что связано с принятием Закона о материнском капитале [13].

С самого начала реализации нацпроекта «Здоровье» усиленное внимание в регионах уделяется и работе службы родовспоможения, программе родовых сертификатов. Наблюдаются положительные демографические подвижки: прирост рождаемости с 2005 по 2007 г. составил почти 10%. Естественный прирост населения был зафиксирован в 21 субъекте РФ [14].

Значение нацпроекта «Здоровье» для семей, и в частности молодых семей, безусловно, велико. Именно на молодые семьи возлагаются надежды по улучшению демографической ситуации в стране. Немаловажную роль в этом играет

здоровье будущих родителей, а также продуманная и целенаправленная политика государства. Как отметил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, «особенностью приоритетных национальных проектов является ориентация не на количественные показатели, а на повышение качества с учетом имеющихся в регионах ресурсов и возможностей» [8].

Нацпроект «Здоровье» является юридическим документом, обязательным для исполнения компетентными органами Российской Федерации и субъектов РФ. Приоритетные национальные проекты, усредненные по характеру, как правило, не учитывают интересы многих регионов, которые весьма различны по своему территориальному и экономическому развитию. В связи с этим необходимо выстроить конкретные, реалистические, сбалансированные программы для каждой территории, эффективно связать их с действующим национальным проектом «Здоровье» и с теми программами, которые в данное время реализуются в самих субъектах РФ.

В целях совершенствования законодательства России о здравоохранении требуется принять ряд мер со стороны государства. Во-первых, коллизии федерального законодательства и законодательства субъектов РФ снижают эффективность национальных проектов. Приоритетным направлением в совершенствовании законодательства должно стать конституционно обоснованное разграничение предметов ведения Российской Федерации и субъектов. Во-вторых, нормы финансового, административного законодательства и законодательства о социальном обеспечении должны быть приведены в соответствие с требованиями национального проекта «Здоровье» и законодательства о здравоохранении. В-третьих, следует систематизировать законодательство на всех уровнях правовой системы России.

Развитию национального проекта «Здоровье» послужит внесение изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми» и предоставление женщинам, родившим (усыновившим) второго или последующего ребенка, права на дополнительные меры государственной поддержки в виде возможности получения материнского (семейного) капитала в сумме, установленной законом и проиндексированной с учетом уровня инфляции, по достижении ребенком двух лет; медицинских услуг для матери и ребенка; образования; на приобретение жилья. Целесообразно больше доверять семье, в том числе и молодой семье, и позволить ей тратить материнский капитал на лечение членов семьи, прежде всего матери и детей.

Представляется необходимым в рамках предложенных мер провести кодификацию норм законодательства субъектов, создать социальные кодексы субъектов РФ. Это позволит аккумулировать «разбросанные» нормы отраслевого законодательства, избежать принятия умозрительных, номинальных норм в законе и приблизиться к конституционным стандартам в области социальной защиты молодых семей в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция РФ [Текст]. – М., 2005.
2. Солина, С. Новый президент и будущее «Справедливой России» [Текст] / С. Солина // Репортер. – 2008. – 14 мая.

3. <http://www.orthomed.ru>.
4. <http://www.ami-tass.ru>.
5. <http://www.novoteka.ru>.
6. <http://www.sarvest.ru>.
7. Губернатор Оренбургской области взялся за демографическую политику // <http://www.uralweb.ru>.
8. Приоритетные национальные проекты: Здоровье: Ход реализации // <http://www.rost.ru>.
9. Постановление Правительства Саратовской области от 30 января 2007 г. № 9-П «О Концепции развития здравоохранения в Саратовской области на 2007–2009 годы» [Текст] // Саратовская областная газета. – 2007. – 13 февр.
10. Бесплатная беременность [Текст] // Время. – 2007. – 30 июля.
11. Закон Саратовской области от 9 ноября 2007 г. № 230-ЗСО «Об областной целевой (комплексной) программе дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержке семей в Саратовской области на 2008–2010 годы» [Текст] // Саратовская областная газета (официальное приложение). – 2007. – 30 окт.
12. В первый день Нового года в области родилось 64 ребенка [Текст] // Парадный подъезд. – 2008. – 11 янв.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Текст] // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 19.
14. Доклад заместителя Председателя Совета Федерации, президента Национального общественного комитета «Российская семья» Михаила Николаева на открытии V Международного конгресса «Российская семья» // <http://www.socpolitika.ru>.

УДК 316.334.2:796
ББК 60.56+75

И.Н. Шокина

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ С ПОМОЩЬЮ ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В системе мер социальной защиты инвалидов все большее значение приобретают ее активные формы, наиболее эффективной из которых является физическая реабилитация и социальная адаптация средствами физической культуры и спорта. Интеграция в жизнь общества лиц с ограниченными возможностями сегодня немыслима без физической реабилитации [1]. Последняя является не только составной частью медицинской, профессиональной и социальной реабилитации инвалидов, но и лежит в их основе.

Первая в России спортивная школа для детей-инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата была открыта 14 лет назад (25 марта 1994 г.). Образом и подобием для нее стали спортивные школы для здоровых детей. Как

и всем первопроходцам, инициаторам ее открытия очень трудно было доказать, что, создав необходимые условия, можно добиться просто фантастических результатов. Школа начала работать с одной группы по плаванию в г. Саратове, но постепенно, исходя из потребностей детей в занятиях другими видами спорта, в ней открылись группы по легкой атлетике, настольному теннису. В 1995 г. министерством труда и развития Саратовской области было оборудовано помещение и появилась возможность проводить занятия по лечебной физической культуре, на тренажерах, курсы массажа.

В комплекс реабилитационных мероприятий входят следующие виды: лечебная физическая культура (лечебная гимнастика, занятия на тренажерах); иппотерапия; гидрореабилитация; массаж, гидромассаж; занятия любимым видом спорта; социокультурная реабилитация (фестивали, конкурсы, выставки) [2].

В результате постоянного поиска новых форм реабилитации в школе разрабатывался комплекс реабилитационных мероприятий, основанный на постоянных занятиях спортом, открывались отделения в городах области, новые виды спорта (например, пулевая стрельба). С 1998 г. воспитанники школы принимают участие в чемпионатах и первенствах России. С 2000 г., в виде эксперимента, для более эффективной реабилитации на ранних этапах развития ребенка в школу стали принимать детей с двухлетнего возраста. В том же году завоевана первая медаль на Параолимпийских играх в Сиднее (Австралия). В 2004 г. в Афинах (Греция) завоевана вторая параолимпийская медаль.

Учебно-тренировочные занятия по плаванию (320 чел.), настольному теннису (71 чел.), легкой атлетике (227 чел.), пулевой стрельбе (34 чел.), бадминтону (26 чел.), дартсу (79 чел.), греко-римской борьбе (29 чел.), дзюдо (28 чел.), гандболу (16 чел.), иппотерапии проводятся на базе арендуемых спортивных сооружений Саратова и области: в шести плавательных бассейнах, четырех тирах, десяти стадионах и спортивных залах – под постоянным контролем врачей школы. Занятия проводят 52 тренера-преподавателя, в том числе 3 заслуженных тренера России, 26 тренеров высшей категории.

В ДЮСАШ разработана комплексная программа реабилитации, которая определяет сроки и объемы проведения реабилитационных мероприятий (ЛФК, массаж, гидропроцедуры, курсы оздоровления) с учетом индивидуальных особенностей ребенка, без которых невозможна подготовка спортсменов-инвалидов высокого класса. По результатам ежегодных осмотров у всех детей отмечается положительная динамика антропометрических данных, жизненной емкости легких, динамометрии, амплитуды движений в пораженных конечностях.

Об эффективности реабилитационных мероприятий свидетельствует тот факт, что за период с 1998 по 2007 г. 600 человек научились плавать, 31 – самостоятельно ходить, 168 человек полностью реабилитированы. За 14 лет в школе подготовлены: 1 заслуженный мастер спорта, 3 мастера спорта международного класса, 31 мастер спорта России, 28 кандидатов в мастера спорта, 38 спортсменов I разряда, 486 спортсменов массовых разрядов; 26 учащихся школы охвачены областной целевой программой «Развитие физической культуры и спорта Саратовской области на 2005–2008 гг.» по подготовке к XIII Параолимпийским и XXI Сурдоолимпийским играм. В 2008 г. 457 человек приняли участие в

21 соревновании, в том числе четырех международных; завоевано 135 медалей различного достоинства. По итогам выступлений в 2005–2008 гг. 10 спортсменов школы примут участие в XIII Паралимпийских играх в Пекине (Китай).

Наряду со спортивными успехами, за годы работы разработан методический материал по организации реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта и учебно-тренировочных занятий по видам спорта, организации культурно-спортивных фестивалей, ставших традиционными.

По итогам статистической отчетности в регулярные занятия физической культурой и спортом на территории области вовлечено более 4 тыс. лиц с ограниченными возможностями здоровья. На постоянной основе адаптивным спортом занимаются 1115 человек, в том числе в ГУ ОКДЮСАШ «РиФ» – 845 человек, в ГОУ ДОД «СОСОЦРАФКС» – 270 человек.

Хотя история адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в Саратовской области перешагнула 15-летний рубеж, тем не менее привлечение лиц с ограниченными возможностями к занятиям физической культурой и активному здоровому образу жизни остается серьезной проблемой. Неумеренное потребление алкоголя, табакокурение, наркомания в не меньшей степени свойственны инвалидам, чем остальному населению. На фоне критических показателей продолжительности жизни России (57–58 лет – у мужчин, 67–68 – у женщин) аналогичные показатели для дезадаптированных лиц существенно ниже – 33,4 года. При этом двигательная активность среди лиц с ограниченными возможностями остается существенно ниже среднепопуляционного уровня.

В Саратовской области проживают свыше 150 тыс. инвалидов, в том числе 6,9 тыс. детей-инвалидов. За последние десять лет численность инвалидов возросла на 64 тыс. человек (это при снижении общего числа жителей области). В процентном соотношении это составляет более 5% от общей численности населения области. При этом уязвимым звеном статистики остается то обстоятельство, что она фиксирует не численность лиц, имеющих физические и интеллектуальные недостатки, а численность получателей социальных льгот, что отнюдь не одно и то же. Так, количество детей с ограниченными возможностями (в том числе детей-инвалидов) в возрасте до 18 лет составляет не менее 10 тыс. человек.

Среди лиц, занимающихся адаптивной физической культурой и спортом, дети до 18 лет составляют не менее 2,3 тыс. человек. Таким образом, охват систематическими физкультурно-оздоровительными мероприятиями в Саратовской области контингента детей с ограниченными возможностями (в том числе детей-инвалидов) составляет около 23%, что в подавляющем большинстве случаев достигается за счет деятельности государственных учреждений спортивной, коррекционно-образовательной и социальной направленности.

В структуре причинных факторов детской инвалидности значительную часть занимают такие патологические формы, которые, по самому факту наличия либо по тяжести течения заболевания, являются противопоказаниями для активных занятий спортом (около 40% – ряд заболеваний сердечно-сосудистой, нервной, костно-мышечной систем, тяжелые нарушения интеллекта). Свою потребность в необходимых движениях такие лица могут и должны удовлетво-

рять в рамках занятий лечебной физической культурой на базе учреждений здравоохранения [3].

На основании анализа демографических показателей, анкеты социального статуса и показателей качества жизни был составлен социальный портрет спортсмена-инвалида, проживающего на территории Саратовской области. Это мужчина (73%) / женщина (27%) в среднем возрастном диапазоне 27–29 лет; получившие инвалидность вследствие травмы (производственного, военного, бытового характера) или являющиеся инвалидом детства; как правило, работающие (72%) или учащиеся (в высшем или среднем учебном заведении); имеющие семью (43%); со стажем спортивной деятельности не менее трех лет. Выявлено следующее распределение по группам инвалидности: I гр. – 0,6%, II гр. – 46,9%, III гр. – 41,2%; по различным причинам не имеют инвалидности 11,3%.

Материальное положение спортсмена-инвалида находится на уровне не ниже прожиточного минимума, чаще за счет реализации социальных выплат. Ограничение своих физических возможностей инвалид компенсирует за счет использования протезной техники либо специальных средств передвижения и достаточного уровня физической работоспособности, не испытывая при этом серьезных коммуникативных проблем. Большинство психологических проблем ему удается преодолевать на тренировках в кругу людей, подобных себе, где есть возможность самоутвердиться в сфере спортивной деятельности.

В числе причин, препятствующих занятиям адаптивной физической культурой и спортом, 71% опрошенных указали проблемы с транспортировкой к местам тренировок, 18% – состояние здоровья, 7% – невнимание учреждений и организаций, к которым они обращались по этому вопросу, 4% – другие причины [3].

Факторы, препятствующие занятиям адаптивной физической культурой и спортом лицами с ограниченными возможностями старше 18 лет, следующее:

- 1) наличие заболеваний и патологических состояний, обуславливающих противопоказания к занятиям физической культурой – 58%. Это в первую очередь тяжелые формы заболеваний сердечно-сосудистой (инфаркты, инсульты) и костно-мышечной систем, онкологическая патология;
- 2) значительная часть пожилых инвалидов также имеют вполне определенные возрастные противопоказания к занятиям физкультурой;
- 3) удаленность проживания большинства инвалидов от мест проведения тренировок, неприспособленность общественного и отсутствие собственного транспорта;
- 4) на лиц с ограниченными возможностями в значительно большей мере распространяются негативные явления, препятствующие распространению активного здорового образа жизни [4].

На настоящий момент реальное число лиц с ограниченными возможностями, готовых к участию в культурно-массовых и физкультурно-спортивных мероприятиях, не превышает на территории Саратовской области 30 тыс. человек, что составляет около 20% инвалидов области. Соответственно уровень охвата лиц с ограниченными возможностями адаптивной физической культурой и спортом

с учетом возрастных и медицинских противопоказаний составляет по области около 12%.

Помимо проблем роста (нехватка квалифицированных кадров, специальных и адаптированных для инвалидов спортивных сооружений, недостаточный объем финансирования), сопровождающих развитие физической культуры для лиц с ограничениями в состоянии здоровья и адаптивного спорта, следует указать и внутренние противоречия этого явления (и в первую очередь спорта высших достижений инвалидов), которые следует учитывать:

во-первых, это противоречия в сфере медицинского обеспечения спорта инвалидов (необходимость лечения и профилактики основного заболевания и несоотнесенность этих мероприятий с показаниями врачей спортивной медицины и требованиями антидопингового кодекса).

во-вторых, столкновение медико-биологических и социально-достиженческих аспектов адаптивной физической культуры и спорта. В условиях повышения интенсивности физических нагрузок, погони за спортивными достижениями необходим реалистичный, непредвзятый анализ той цены, которую вынужден платить за это организм спортсмена-инвалида. Иными словами, встает вопрос: насколько продвижение по пути социализации оправдано с точки зрения сохранения и промоции здоровья человека с ограниченными возможностями;

в-третьих, откровенно негативные тенденции, связанные с применением допинга, коммерциализацией, погоней спортсменов и их тренеров за призовыми гонорарами любой ценой;

в-четвертых, направленная тренерская «селекция» спортсменов-инвалидов, в том числе применение необоснованного хирургического вмешательства с целью изменения функционального класса спортсмена-инвалида [5].

Реалии адаптивного спорта, анализ статистических и демографических показателей, учет желаний и возможностей самих инвалидов определяют необходимость принятия ряда управленческих решений в сфере адаптивной физической культуры и спорта. Прежде всего требуется доработка нормативно-правовой базы адаптивного спорта (определение нормативов наполняемости спортивных и спортивно-оздоровительных групп с учетом тяжести поражений и спортивно-функционального класса спортсменов; установление оптимальной физической нагрузки для спортсменов различных патологий; механизм поощрения спортсменов-инвалидов). Кроме того, развитие адаптивной физической культуры и спорта должно происходить на межведомственной основе (министерство по развитию спорта, физической культуры и туризма и другие министерства социальной сферы, министерство транспорта), с широким привлечением общественных организаций. Наконец, необходимо расширение и насыщение рынка предлагаемых услуг в сфере адаптивного спорта (увеличение количества развиваемых видов спорта, расширение возрастного диапазона спортсменов, географии участников, уровня спортивной подготовки).

Особого внимания заслуживает решение кадровой проблемы. По области дополнительная потребность в специалистах (тренеры-преподаватели, врачи спортивной медицины, инструкторы-методисты) с учетом специфики контин-

гента занимающихся и оптимальной численности групп составляет не менее ста единиц на ближайшие три года. Представляется необходимым научно-методическое обеспечение и открытие на базе Педагогического института СГУ кафедры, а затем отделения или факультета адаптивного спорта. Учитывая, что опыт работы сборных команд и ведущих спортсменов области последнего десятилетия (пулевая стрельба, легкая атлетика, настольный теннис) показал благотворное взаимное влияние совместных тренировок спортсменов-инвалидов и здоровых, сохранных спортсменов, целесообразно открытие отделений адаптивной физической культуры и спорта при всех ДЮСШ.

Включение мероприятий социокультурной реабилитации в индивидуальные программы работы с детьми позволяет изменить их психо-эмоциональный статус: они становятся более коммуникабельными, легче вступают в контакт с окружающими, становятся более спокойными и уравновешенными. Непрерывные занятия физической культурой и спортом в сочетании с другими реабилитационными мероприятиями способствуют восстановлению утраченных функций, увеличению диапазона двигательных навыков, социальной адаптации в обществе [3].

Библиографический список

1. Решетников, А. В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг [Текст] / А. В. Решетников // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 12.
2. Лисицын, Ю. П. Детерминационная теория медицины: доктрина адаптивного реагирования [Текст] / Ю. П. Лисицын, В. П. Петленко. – СПб., 1992.
3. Евсеев, С. П. Адаптивная физическая культура и социальная интеграция инвалидов [Текст] / С. П. Евсеев // Физическая реабилитация и спорт инвалидов. – М., 2000.
4. Элланский, Ю. Г. Вопросы реабилитации инвалидов в свете основных положений концепции социальной независимости [Текст] / Ю. Г. Элланский, С. П. Пешков // Здравоохранение. – 1997. – № 3.
5. George, C. F. What do patients need to know about prescribed drugs [Текст] / C. F. George // Prescribers J. – 1994. – Vol. 34.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

УДК 316.334.2

ББК 60.56

Л.В. Логинова

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Социально-экономические реформы, осуществляемые в России, не сняли проблему согласования интересов различных социальных групп в обществе и требуют кардинально новых подходов к ее решению. Проблема согласования интересов осложняется тем, что, во-первых, существенно трансформировалась система интересов в российском обществе; во-вторых, все чаще наблюдаются «конфликты интересов»; в-третьих, общественные интересы, формально считаясь первичными, в реальности находятся в подчинении у личных, персонифицированных интересов чиновников, которые, выполняя свои должностные обязанности, исходят из приоритета своих частных интересов в ущерб общественным; в-четвертых, прежняя трехуровневая структурированность интересов, служившая основой механизма взаимодействия и регулирования направленности общественных, коллективных и личных интересов, не отвечает современным требованиям [1, с. 54].

Чтобы выявить условия формирования социально-экономического механизма согласования интересов субъектов хозяйствования, необходимо определить сущностные характеристики интереса.

Проблеме интересов посвящено немало научных трудов философов, социологов, политологов, психологов, экономистов. Вместе с тем не существует однозначного понимания сущности данного явления. Это связано с тем, что интересы имеют сложную структуру, анализ которой зависит от подхода исследователя.

Многие философы обращали внимание на особую роль интересов в жизни человека и общества. Еще древнегреческий философ Аристотель подчеркивал

приоритет индивидуальных интересов: каждый человек сам себе более всего друг и должен любить более всего самого себя. Но в «Никомаховой этике» Аристотель приходит к выводу, что «если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства» [2, с. 154]. Только внутри государства люди смогут процветать, ибо оно – воплощение справедливости и выражение общего интереса граждан. Личные интересы человека строго подчинены общественному благу.

Представители социальной мысли Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо) в своих трактовках интереса исходят из концепции «естественного состояния» и общественного договора. Согласно их представлениям в основу интереса положены взаимная полезность и рациональные договорные начала. Так, английский философ Т. Гоббс в книге «Левиафан» собственный интерес человека объявил «самой могущественной и самой разрушительной страстью человека» [3, с. 10], из-за чего возникает «война всех против всех». Избежать ее возможно, если люди часть своих прав отдадут государству, защищающему их от самих себя. Эта теория стала толчком для построения концепций, опровергающих теорию антагонизма интересов.

Французский философ Ж.-Ж. Руссо отстаивал положение, что граждане выступают в качестве активных членов общества, объединенных идеей общего интереса. По этому поводу Руссо писал, что, передавая в общее достояние свою личность, «каждый член превращается в нераздельную часть целого» [4, с. 161]. Философ абстрагировался от внутренних различий между гражданами – носителями своих интересов. Отправной точкой анализа становится не индивидуальный интерес, а интерес группы: нации, класса, человечества. Интересы индивидов рассматривались им как производные продукты интересов группы или ассоциации. Другой французский философ К.А. Гельвеций, сравнивая роль интереса в обществе с законом всемирного тяготения в природе [5, с. 529], показал, что интересы обуславливают объединение людей в общественной организации. Таким образом, либеральная мысль стала ориентироваться на интересы социума.

Свой вклад в развитие теории интересов внес и немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, который стал рассматривать интерес как побудительную силу действий человека, доказывая, что «действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов... и лишь они играют роль» [6, с. 20]. Система интересов, по Гегелю, находится во взаимосвязи с системой права, морали и нравственности гражданского общества. Он писал, что «индивиды в качестве граждан этого государства – частные лица, целью которых является их собственный интерес. Поскольку эта цель опосредована всеобщим, которое тем самым представляется им средством, то она может быть им достигнута только постольку, поскольку они сами определяют свои желания, волнения и действия всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи» [7, с. 231]. Так была обоснована идея объективного исторического процесса через деятельность людей, руководствующихся своими собственными интересами.

Философской концепции интересов современная социальная мысль обязана

тем, что сложились основные теоретические подходы к содержанию интереса: 1) интересы обуславливают взаимодействие людей, связывая их в единой общественной организации; 2) граждане, объединенные идеей общего интереса, выступают в качестве активных членов общества; 3) условие согласования интересов – передача части прав людей государству; 4) интересы индивидуумов – производные продукты интересов группы или ассоциации; 5) интересы обусловлены системой права, морали и нравственности гражданского общества; 6) исторический процесс детерминирован деятельностью людей, руководствующихся своими собственными интересами.

В социологии существует разнообразие мнений по проблеме содержания интереса, причем главное внимание уделяется проблеме соотношения эгоизма и альтруизма в человеке.

С позиций *социального номинализма* английский социолог Г. Спенсер общественный интерес сводил к сумме интересов, составляющих общество индивидов, то есть им выводился закон усредненного уровня развития членов общества. Он сделал вывод, что современные люди в большей степени альтруисты, чем люди, жившие в примитивных обществах, так как процесс обучения индивида одновременно способствует развитию контроля над его желаниями, интересами [8, с. 46].

О. Конт, которого называют «философом в социологии и социологом в философии», обратил внимание на то, что человек по своей сути не всегда эгоистичен, он может быть и бескорыстным [9, с. 121]. Представления о природе интереса человека ученый изложил в «таблице мозга», из которой следует, что поведение человека детерминировано скорее низшими проявлениями эгоизма, чем высшими соображениями альтруизма. В то же время человек у Конта не исключительно эгоист: склонности, обращенные на других и развивающиеся в бескорыстие и любовь, заданы в нем природой. Но люди никогда не будут движимы ни чем иным, кроме своих чувств, среди которых О. Конт выделял эгоистические и альтруистические инстинкты. К числу эгоистических инстинктов он относил военный, который способствует преодолению препятствий, и индустриальный, который побуждает к созданию жизненных благ. По мнению Конта, «настоящая цель в том, чтобы люди все больше руководствовались бескорыстными чувствами, а не эгоистическими интересами» [9, с. 115]. Природные инстинкты человека порождают его эгоистические интересы и деструктивные действия в отношении общества. Они не могут контролироваться изнутри индивидом, но на них можно действовать со стороны общества. Альтруистические мотивы поведения могут вырабатывать семья, религия.

Э. Дюркгейм, рассматривая функции разделения труда, показал, что экономические результаты общества подчиняются объединяющей его солидарности, которую невозможно вывести из экономического интереса. Он писал: «Интерес, в самом деле, наименее постоянная вещь на свете. Сегодня мне полезно соединиться с вами; завтра то же основание сделает из меня вашего врага. Такая причина, следовательно, может породить только мимолетные сближения и кратковременные ассоциации» [10, с. 193]. Таким образом, индивидуалистские предпосылки резко отрицаются.

Альтруизм в поведении человека, с точки зрения Э. Дюркгейма, укоренен не меньше, чем эгоизм, а индивидуальное стремление к счастью, к собственной пользе ограничено. Общество – «не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [10, с. 187], оно самостоятельно и первично по отношению к индивиду, который является продуктом коллективной жизни [10, с. 493]. Таким образом, индивидуальные интересы считаются производными от общего интереса.

М. Вебер развивал проблему примирения интересов общества и государства. В отличие от Э. Дюркгейма он стоял на позициях методологического индивидуализма, поэтому у него социальный порядок оказывается проекцией индивидуального осмысленного действия и может нарушаться ценностными конфликтами. На веберовское понимание интереса определенное влияние оказало марксистское учение о классах, имеющих свои интересы, соответствующие социально-экономическому положению. М. Вебер писал: «Мы хотим говорить о классе там, где большому количеству людей присущ одинаковый специфический компонент их жизненных шансов, насколько этот компонент связан исключительно с экономическими интересами собственности и экономической деятельности, и причем реализуется в условиях существования рынка благ или труда» [11, с. 140].

Вебер под социальным действием понимал только то действие человека, которое затрагивает интересы других людей. Разрабатывая концепцию бюрократии, он обратил внимание на усиление ее эгоистических интересов, что противоречит интересам общества. Следуя своей идее рационализации социального действия, он предложил свести к минимуму господство человека над человеком благодаря выработке системы рационального представительства интересов.

Таким образом, в социологической концепции интересов сложились следующие теоретические позиции: 1) интересы обусловлены исторической средой; 2) человек может быть как эгоистичным, так и бескорыстным; 3) эгоистические интересы порождаются природными инстинктами, не могут контролироваться изнутри индивидом, но на них можно действовать со стороны общества; 4) альтруистические мотивы поведения могут вырабатывать семья, религия; 5) система рационального представительства интересов призвана сдерживать усиление эгоистических интересов бюрократии.

В экономической науке были выдвинуты производственная и потребительская концепции интересов.

Производственная концепция экономических интересов была разработана классической политической экономией. Ее основатель А. Смит, восприняв идеи французской буржуазной этики, объявившей эгоизм естественным свойством человека, подчеркивал, что в основе производственной деятельности лежит врожденный инстинкт выгоды – интерес в увеличении богатства, который побуждает людей вступать во взаимоотношения друг с другом. Развивается следующая аргументация: если следование частным интересам обеспечивает общественное благо, значит эти интересы следует признать благотворными и в итоге естест-

венными. Каждый человек лучше знает свои интересы и вправе им свободно следовать, поэтому, преследуя свои интересы, он «часто более действенным образом служит интересам общества, чем когда сознательно стремится служить им». В этом смысл «невидимой руки», направляющей человека «к цели, которая совсем не входила в его намерения» [12, с. 32]. При этом каждый в отдельности заботится о себе, а выигрывает общество. Но несмотря на то что люди эгоистичны, государство не должно вмешиваться в их дела. Мотивом личной выгоды А. Смит объясняет также и факты, которые находятся вне экономической сферы, например коррупцию в юридической сфере, политику церкви и прочее.

Д. Рикардо вслед за А. Смитом отстаивал определяющее влияние индивидуального интереса [13, с. 397–473]. По его мнению, стремление людей к индивидуальной выгоде находится в гармонии с общей выгодой. Таким образом, Д. Рикардо развивает концепцию А. Смита о том, что экономический интерес является движущей силой общественного производства.

В целом в рамках производственной концепции сложились следующие теоретические подходы к содержанию интереса: 1) индивидуальный интерес – это эгоистический интерес, связанный с соображениями личного благополучия; 2) при наличии определенных общих правил стремление каждого индивида реализовать собственный интерес ведет к гармоническому развитию общества в целом; 3) экономический интерес связывается с рациональным расчетом на максимизацию выигрышей и минимизацию потерь.

В неоклассической теории, в рамках австрийской школы маржинализма, была разработана *потребительская концепция интересов*. Ее представители К. Менгер, О. Бем-Баверк, Ф. Визер провозгласили движущими мотивами интересов психологические побуждения субъекта экономики. Интерес субъекта экономики стал сводиться к стремлению максимизировать полезность, а объект этого интереса – к материальному благу, ценность которого определяется предельной полезностью. Развитие национальной экономики стало рассматриваться как результат столкновения интересов множества индивидуальных хозяйств («хозяйственных атомов») в удовлетворении определенных потребностей. Исходя из этого, интерес хозяйственной деятельности заключался в наиболее целесообразном использовании имеющихся запасов благ для удовлетворения различных потребностей.

Итак, в эпоху маржинализма первой волны главными были интересы потребителя, которые оказывали влияние на производство, подстраивавшееся под развивающиеся потребности субъекта. Субъектом интересов стал «потребитель – гедонист – робинзон», которого не интересует, совпадают ли его интересы с интересами других членов общества.

Этот перекокс был ликвидирован в период маржинализма второй волны А. Маршаллом, который, синтезируя теории трудовой стоимости и предельной полезности, вывел теорию взаимосвязи спроса и предложения как интересов потребителя и производителя. Но по-прежнему интерес рассматривался как нечто эгоистичное, побуждающее субъекта лишь к хозяйственной деятельности и обмену, из-за чего произошло чрезмерное сужение и упроще-

ние социальной природы человека. Как заметил Э. Дюркгейм, представленный в таком виде «теоретический эгоист» всего лишь «абстрактное понятие» [10, с. 174].

Хотя эгоцентрическая целесообразность играет немаловажную роль в поведении человека, все же нельзя человеческую деятельность полностью сводить к ней, целесообразность не должна вытеснять ценности. Это подталкивало представителей социальных наук разрабатывать свои концепции интересов.

Институционализм (Т. Веблен, Дж. Комманс, Дж. К. Гелбрейт) и неоинституционализм (Р. Коуз, Дж. Бьюкенен, М. Олсон, Д. Норт, О. Уильямсон, Р. Познер) объединяет общий тезис: важным фактором, влияющим на существование экономических интересов, являются институты. Представители «старого институционализма» обращали преимущественное внимание на действия коллективов по защите интересов индивида, а неоинституционалисты поставили в центр своего анализа автономного индивида, который, исходя из собственного интереса, решает, членом каких коллективов ему быть.

Представители неоинституционализма в отличие от институционалистов не отказываются от неоклассической модели человека и применяют ее для объяснения институтов. В связи с этим был расширен набор ограничений, в которых действует хозяйствующий субъект. В этот набор были включены «внутренние ограничения памяти и вычислительных способностей человека», нашедшие свое отражение в *теории неполной рациональности* Г. Саймона, учитывающей существование не только информационных издержек, но и когнитивных ограничений [14]. Учет этих ограничений потребовал пересмотра принципа оптимизации, лежащего в основе модели рационального выбора, и его замены на принцип удовлетворенности.

Д. Норт подчеркивает двусторонний характер взаимодействия институтов и процесса восприятия индивидами собственных интересов. Индивиды задают рамки восприятию интересов, но в тоже время способны изменить институциональные рамки [15].

М. Олсон в *теории групп и организаций* рассматривает проблемы всеохватывающего интереса и узконаправленных интересов [16], развивает подход к анализу группы как объединения нескольких индивидов с собственными функциями полезности и интересами [17, с. 16]. Согласно его теории большие группы хотя и имеют «всеохватывающий интерес», не эффективны, так как среди их участников преобладает эгоистическое поведение «безбилетника», а малые группы часто разрушительны из-за того, что их действия обусловлены узконаправленными интересами.

Ф. Хайек в *концепции расширенного порядка и обмена* показал, что расширенный порядок существует тогда, когда последствия действий одного индивида, реализующего свои интересы, являются условием реализации экономических интересов неизвестных ему экономических агентов. Обмен в рамках и по поводу правил должен сопровождаться согласованием экономических интересов [18; 19].

Такой подход содержит и теория О. Уильямсона, объясняющая существование институтов экономией на трансакционных издержках, то есть издержках

экономического взаимодействия. Изучая модели экономического поведения, он предложил взять за один из критериев их классификации ориентацию на собственный интерес. В соответствии с данным критерием выделено три типа рациональности: оппортунизм, простое следование собственным интересам и послушание [20].

Дж. Бьюкенен в *теории общественного выбора*, основываясь на методологическом индивидуализме, показал, что люди действуют в политической сфере, преследуя свои личные интересы, то есть был подвергнут сомнению тезис, что у государства нет никаких иных целей, кроме заботы об интересах общества. По этому поводу он пишет: «Политика – есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных» [21, с. 23].

Представители *теории социального выбора* (А. Сен, Ю. Эльстер, Дж. Ример) стали проводить экономический анализ с позиций этических норм, в связи с чем ими отвергаются взгляды, ограничивающие мораль в экономике рамками личной выгоды. Но все же, по их мнению, по сравнению с экономическим эгоизмом альтруизм и нравственность являются редкими ресурсами [22, с. 31; 23]. Хотя в теории социального выбора эгоистическому интересу отдается явный методологический приоритет, тем не менее указывается на существование оснований действия, не сводимых к этому интересу.

В результате современное представление о сущности интереса изменилось: *экономические интересы стали рассматриваться как социально-экономические*, что отвечает требованиям социологии. Ведь для социолога «разделение рационального и нерационального действия относительно, границы между ними подвижны и способны со временем радикально изменяться в рамках одной культуры. Хозяйственное действие выступает в итоге как сложное сочетание рациональности и нерациональности, при этом и та, и другая обладают специфическим социально обусловленным характером» [24, с. 79].

Среди различных социально-экономических концепций интересов институциональные теории, на наш взгляд, являются более предпочтительными, так как позволяют рассматривать экономические интересы как социально-экономические, представить интерес в качестве сложной социально-экономической системы во взаимосвязи с системой институтов, а также выявить механизмы институционализации интересов с целью их согласования и реализации на этой основе. Данный подход позволяет учитывать в социально-экономическом анализе систему ценностей и этических норм, что приобретает высокую степень важности. Социологи объясняют это тем, что «современный мир характеризуется переходом к принципиально новому типу общественно-экономического развития, основными факторами которого становятся знания, образование, морально-нравственные характеристики, полнота человеческой жизни» [25, с. 17].

Тем не менее в России при проведении институционального строительства произошла недооценка интересов человеческого капитала и этических факторов, поэтому многие институты не соответствуют современным требованиям,

что препятствует формированию в стране инновационной экономики. Если институты не отвечают этическим принципам социальной справедливости, это приводит к ослаблению стимулов к труду, росту социальной напряженности и социальной апатии в обществе. Следовательно, для разработки механизма институционализации интересов субъектов хозяйствования требуется не только ревизия этических норм, регулирующих социально-экономические отношения, но и использование инструментария теории управления формированием и развитием социально-экономических институтов.

Библиографический список

1. *Мусин, М.* Проблема согласования интересов [Текст] / М. Мусин // Экономист. – 2005. – № 5.
2. *Аристотель.* Никомахова этика. Политика [Текст] / Аристотель // Соч. – М., 1984. – Т. 4.
3. *Автономов, В. С.* Человек в зеркале экономической теории [Текст] / В. С. Автономов. – М., 1993.
4. *Руссо, Ж.-Ж.* Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969.
5. *Гельвеций, К. А.* Об уме [Текст] / К. А. Гельвеций. – М., 1938.
6. *Гегель, Г.* Соч. [Текст] / Г. Гегель. – М.; Л., 1935. – Т. 8.
7. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия права [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990.
8. *Кравченко, С. А.* Социология: парадигмы сквозь призму социологического воображения [Текст] / С. А. Кравченко. – М., 2004.
9. *Арон, Р.* Этапы развития социологической мысли [Текст] / Р. Арон; общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. – М., 1992.
10. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм. – М., 1996.
11. *Вебер, М.* Класс, сословие, партии (фрагменты). Личность. Культура. Общество [Текст] / М. Вебер. – М., 2003. – Вып. 1–2 (15–16).
12. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.; Л., 1935. – Т. 2. – Кн. IV.
13. *Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо // Антология экономической классики : в 2 т. – М., 1993. – Т. 1.
14. *Саймон, Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. А. Саймон // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Вып. 3.
15. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М., 1997.
16. *Олсон, М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп [Текст] / М. Олсон. – М., 1995.
17. *Олсон, М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз [Текст] / М. Олсон. – Новосибирск, 1998.
18. *Хайек, Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма [Текст] / Ф. Хайек. – М., 1992.
19. *Хайек, Ф.* Частные деньги [Текст] / Ф. Хайек. – М., 1996.
20. *Уильямсон, О.* Экономические институты капитализма [Текст] / О. Уильямсон. – СПб., 1996.
21. *Бьюкенен, Дж.* Соч. [Текст] / Дж. Бьюкенен. – М., 1997.
22. *Олсон, М.* Роль нравственности и побудительных мотивов в обществе [Текст] / М. Олсон // Вопросы экономики. – 1993. – № 8.
23. *Сен, А.* Об этике и экономике [Текст] / А. Сен. – М., 1996.
24. *Радаев, В. В.* Экономическая социология [Текст] / В. В. Радаев. – М., 1998.
25. *Быченко, Ю. Г.* Управление развитием человеческого капитала [Текст] / Ю. Г. Быченко. – Саратов, 2005.

Д.А. Воробьева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В настоящее время износ технологического оборудования в агропромышленном комплексе составляет более трех четвертей. В связи с этим для производственно-экономической устойчивости современных агропромышленных предприятий особую актуальность приобретают оптимизация интенсификации производства и создание экономического механизма управления ресурсосберегающей технологией. Формирование эффективной взаимосвязи техники, технологии и комплексной системы управления производительностью труда на агропромышленных предприятиях наиболее полно отвечает рыночным условиям хозяйствования. В условиях проводимой аграрной реформы, с переориентированием системы государственной поддержки на повышение эффективности производственного процесса, особое значение приобретает внедрение инноваций в традиционный сельский социум и обеспечение поддержки сельчанами проводимых реформ.

Эффективность работы сельскохозяйственных предприятий зависит не от выбранной формы собственности, а от широкого использования демократических принципов управления в сочетании с анализом результатов хозяйственной деятельности каждого подразделения и предприятия в целом, внедрения внутрихозяйственного расчета [1, с. 9]. Соблюдение данных принципов позволило некоторым сельскохозяйственным предприятиям не только сохранить производственный и кадровый потенциал, но и эффективно развивать производство в новых условиях хозяйствования. Разумное применение методов экономического регулирования на этих сельскохозяйственных предприятиях обеспечило высокую личную и коллективную материальную заинтересованность работников в повышении производительности труда и эффективности производства. Анализ результатов производственно-экономической деятельности предприятий показал, что, работая в одинаковых экономических условиях, не все коллективы добиваются равных экономических результатов.

Сложность современного этапа развития агропромышленного комплекса России заключается в длительности и глубине экономического кризиса, вызвавшего ухудшение финансового состояния сельскохозяйственных предприятий и увеличение их убыточности. Причин неэффективности реформирования аграрного сектора экономики довольно много [2, с. 15; 3, с. 5; 4, с. 2], но на первый план выдвигаются следующие: падение платежеспособного спроса населения; опережающий рост цен на материально-технические ресурсы для села в сравнении с ростом закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; разру-

шение прежней заготовительной системы и несовершенство новой (рыночной) торгово-закупочной инфраструктуры; ориентация на крупномасштабный импорт мяса и мясной продукции; высокий банковский процент по кредитам и недостаточная поддержка государством сферы АПК; снижение уровня обеспечения кормами; высокие темпы инфляции.

Главной причиной трудностей, в очередной раз выпавших на долю российского крестьянства, как отмечал В. Василенко, стало то, что никто в полной мере не предвидел всех проблем, с которыми столкнется сельское хозяйство в среде свободного рынка [5, с. 28]. В итоге по сей день можно констатировать наличие двух проблем. Первая – мощнейший спад сельскохозяйственного производства, который до сих пор не может быть остановлен, вторая – острая необходимость стабилизации и повышения эффективности производства, так как дальнейшее применение устаревших технологий и форм управления в сельском хозяйстве грозит его полным коллапсом.

Стабилизация на сельскохозяйственном предприятии представляет собой закрепление существующего состояния, прекращение снижения эффективности производства. Чтобы обеспечить успешное развитие, прежде необходимо остановить резкий спад производства. Эффективность производственно-хозяйственной деятельности непосредственно зависит от работы экономической службы. На прибыльных предприятиях экономическая служба ведет не только учет затрат, но и постоянный анализ, на основе которых осуществляется стратегическое планирование с системой стимулирования повышения эффективности производства.

Хозяйственные и организационные стороны реформирования АПК органически связаны и развиваются в тесном взаимодействии с сельской культурой управления и хозяйствования, в которой отражаются духовные запросы сельского сообщества и отдельных индивидов. До середины 1960-х годов в отечественной литературе господствовал подход к культуре управления как совокупности ценностей. Затем он был постепенно вытеснен новыми взглядами, в которых сущность культуры управления определялась: а) через процесс производственной деятельности человека; б) через отождествление ее со специфическим способом человеческой деятельности в области хозяйствования и соподчинения. Сторонники этого направления трактовали культуру управления как процесс культурной и управленческой деятельности, социального производства, функционирования и развития отдельной личности. Л.Н. Коган рассматривал культуру управления как «человекотворческий срез» деятельности людей, заостряя внимание на проблеме социального становления личности и определении ее производственного потенциала. Толкование культуры управления как «среза» социально-экономической деятельности – одна из важных качественных характеристик человеческой деятельности.

В.М. Межуев разделял взгляд на культуру управления в широком и узком смысле, актуализируя понятие культуры управления аграрным производством. Э.А. Баллер, Н.С. Злобин отождествляли культуру с национальной культурой хозяйствования на основе определения культуры управления как процесса становления и развития хозяйственно-экономических ценностей. Культура управления, по мнению Н.С. Злобина, есть созидательная деятельность человека – как

прошлая, зафиксированная, опредмеченная в социально-экономических ценностях, так и прежде всего настоящая, основанная на распредмечивании этих ценностей, норм и прочего, то есть актуализирующая содержание опыта хозяйствования в творческих способностях индивидов в процессе преобразования человеком его собственного предметного мира и мира его общественных отношений [6, с. 57]. Таким образом, эти подходы к интерпретации культуры управления объединял субъект, то есть человек, его социально-экономический потенциал.

Исследователи, трактующие культуру управления аграрным сектором как специфический способ человеческой деятельности, оценивают ее как особое свойство общественной жизни людей. Деление на материальную и духовную культуру у них принимается условно: оно служит одним из критериев определения внутреннего строения культуры управления сельским сообществом.

Как считал М.С. Каган, «различение материальной и духовной культур сельского социума правомерно и даже необходимо, поскольку оно фиксирует содержательные, существенные, принципиальные различия между двумя типами деятельности – прямо противоположное соотношение в них духовных и материальных начал: материальная культура материальна по своему содержанию и функционированию, а духовная в этих же решающих отношениях духовна» [7, с. 27]. Сторонники указанного направления различают предметную (объективную) и процессуальную (деятельностную) стороны, в которых реализуется процесс функционирования и развития культуры управления аграрным производством. Выделение признака технологичности предполагает рассмотрение культуры управления с позиции совокупности исторически статичных и изменяющихся приемов и норм хозяйствования, определяющих уровень и характер экономической деятельности. С этой точки зрения культура управления выступает как способ регуляции, сохранения, воспроизведения и развития не только ценностей и норм хозяйственно-экономического регулирования, выработанных творческой деятельностью человека, но и всей общественной жизни сельского социума.

Э.С. Маркарян определяет культуру управления как «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов (и соответственно умения их актуализировать), благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в сельском сообществе» [8, с. 113]. В последние годы творчества Л.Н. Коган разработал подход к культуре управления аграрным производством с позиции развития сущностных сил человека. Полностью реализовать, выполнить себя человек может, только живя по негласным правилам сельского сообщества, в котором созданы (не без участия самого участника культурных процессов) необходимые условия для того, чтобы он мог жить, желая выполнять нормы и максимы Добра, Чести, Творчества, Свободы, Веры и Долга.

И.Н. Иванова, интегрируя все указанные подходы, выделяет ряд актуальных аспектов анализа современной культуры управления в сельском сообществе, важных в контексте понимания роли духовных сторон жизни сельского социума: идейное содержание и цель человеческой деятельности; способ человеческой деятельности; результаты человеческой деятельности (сюда входят не толь-

ко орудия труда, но и утварь, одежда, духовная культура, литературные произведения, картины, иконы) [9, с. 32].

Деятельностный подход акцентирует внимание на различии отношения человека к накопленным ценностям культуры управления. Более высоким уровнем управленческой культуры отличались те индивиды, у которых преобладало рациональное освоение мира, творчество, участие в создании социально-экономических ценностей. Этот подход позволяет искать образцы поведения в сфере культуры: те, кто, например, учились без отрыва от производства, вполне могли быть ориентиром для других, сориентированных только на потребление, только на досуг, что использовалось в планировании работы соответствующих учреждений и общественных организаций.

Реализация реформаторских планов в аграрном секторе экономики России должна идти по пути максимального учета интересов сельских жителей, не противоречить их укладу жизни. Любые мероприятия, враждебные сельскому укладу, будут встречать различные формы активного и пассивного сопротивления со стороны сельчан и в конечном итоге обречены на провал. Это следует учитывать при реализации приоритетных национальных проектов в сельском социуме.

Главное достижение переходного периода заключается в том, что определился контингент кадров, способных работать в условиях рынка. Многие руководители не разрушили, а сохранили агропромышленные предприятия, трудовой коллектив, что позволило им обратиться к интенсивным методам и восстановить достигнутый к 1990-м годам уровень производства продукции, обеспечить дальнейший рост на основе инноваций, внедренных в организационно-экономические, технические и технологические процессы, происходящие в аграрном секторе современной российской экономики. Современный руководитель агропромышленного предприятия, учитывая опыт и традиции управления сельским сообществом, должен уметь быстро приспосабливаться к меняющимся экономическим условиям, в короткий промежуток времени принимать единственное правильное решение, способное улучшить экономику предприятия или хотя бы удержать от банкротства.

Одним из основных препятствий на пути к экономическому росту на агропромышленных предприятиях становится медленный процесс преобразования производства на основе инноваций. К числу наиболее характерных для сельхозпроизводителей проблем, препятствующих их эффективному функционированию в условиях сложившихся рыночных отношений, следует отнести отсутствие стратегии в деятельности предприятия и ориентацию на краткосрочные результаты в ущерб среднесрочным и долгосрочным программам.

Уровень развития и экономическая эффективность сельского хозяйства определяются сложной совокупностью факторов воспроизводственного процесса. Эти факторы органически связаны между собой, взаимозависимы, что позволяет установить приоритетность использования наиболее действенного из них в данный период в конкретных условиях, обосновать оптимальное сочетание и целенаправленное применение всех факторов. Из групп факторов, влияющих на общий эффект производства в сельском хозяйстве, Н. Денин и Е. Чирков предлагают выделить технико-технологические, организационно-хозяйственные, общеэкономические, а также трудовые ресурсы [10, с. 4].

В настоящее время перед российским аграрно-промышленным комплексом ставится цель прекращения спада производства на некоторых сельскохозяйственных предприятиях и перехода к восстановлению агропроизводства в соответствии с имеющимся производственным потенциалом. Экономический механизм должен обеспечить рентабельность с возможностью самофинансирования путем совершенствования структуры управления производством. Оптимизация реформирования аграрно-промышленного комплекса с учетом социально-культурных и хозяйственно-экономических традиций российского сельского социума позволит гораздо эффективнее решать задачи, сформулированные в приоритетном национальном проекте развития сельского хозяйства.

Библиографический список

1. *Агарков, Н.* Повышать эффективность производства [Текст] / Н. Агарков // Экономика сельского хозяйства России. – 2001. – № 3.
2. *Санталов, В.* Резервы повышения эффективности производства [Текст] / В. Санталов // Экономика сельского хозяйства России. – 2000. – № 9.
3. *Седов, Л.* Противозатратный механизм в хозяйстве [Текст] / Л. Седов // Экономика сельского хозяйства России. – 2001. – № 5.
4. *Ткач, А. В.* Управление кооперацией науки и производства [Текст] / А. В. Ткач // Достижения науки и техники. – 2000. – № 6.
5. *Василенко, В.* В интересах повышения эффективности агропромышленного производства [Текст] / В. В. Василенко // Экономика сельского хозяйства России. – 2001. – № 5.
6. *Злобин, Н. С.* Культура и общественный прогресс [Текст] / Н. С. Злобин. – М., 1980.
7. *Каган, М. С.* Человеческая деятельность (опыт системного анализа) [Текст] / М. С. Каган. – М., 1974.
8. *Маркарян, Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) [Текст] / Э. С. Маркарян. – М., 1983.
9. *Иванова, И. Н.* Функции культуры и проблема времени: социально-философский аспект [Текст] / И. Н. Иванова. – Саратов, 1997.
10. *Денин, Н.* Повышать эффективность сельскохозяйственного производства [Текст] / Н. Денин, Е. Чирков // Экономика сельского хозяйства России. – 2000. – № 5.

УДК 316.37 (470+571)
ББК 60.5

А.А. Палади

ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ КУЛЬТУРНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В условиях рыночной трансформации хозяйственной системы России важнейшим фактором экономического роста становится культурный человеческий капитал работников предприятий, поэтому важно исследовать

системное проявление культурного капитала, выявить формы целевого развития лидерских качеств акторов как формы культурного капитала работников различных экономических организаций, наметить научные задачи, связанные с оптимизацией развития лидерской формы культурного капитала.

Классическая теория культурного капитала строится на методологических основах теории человеческого капитала. Г. Беккер рассматривает человеческий капитал как социальное проявление инвестиций в образование, культуру, здоровье человека. Культурный человеческий капитал «формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию, и поиски информации о ценах и доходах» [1, с. 11]. Й. Бен-Порэт анализирует развитие человеческого капитала через призму исследования образования и расходования его стоимостного фонда, «функция которого – производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен любой машине как представительнице вещественного капитала» [2, с. 363].

Л. Туроу впервые предлагает рассматривать человеческий капитал в контексте его деятельного проявления: лидерская форма трудового проявления многократно увеличивает эффективность человеческого капитала и должна соответственно стимулироваться. Чтобы человеческий капитал «был полезной экономической концепцией, следует исходить из того, что труд должен оплачиваться в соответствии с тем, что он производит. В частности, он должен получать свой предельный продукт. Если труд получает свой предельный продукт, то заработки отражают производительные способности. Если же труд не получает своего предельного продукта, заработки не отражают производительных способностей» [3, с. 17]. Важно подчеркнуть, что Л. Туроу впервые предложил расширительную социальную трактовку человеческого капитала. Он рассматривает различные формы человеческого капитала: биологическую, образовательную, образовательно-культурную – и подчеркивает, что функционирование человеческого капитала предполагает совершенствование таких свойств человека, как уважение к политической и социальной стабильности, культуры, лидерских качеств. Последние приобретаются преимущественно в результате соответствующего воспитания и образования. «Все общества хотят создать индивидуума с определенными будущими предпочтениями. Общество может рассчитывать на получение известных выгод от различных проектов инвестиций в человека именно потому, что они изменяют будущее или текущие предпочтения таким образом, что последние становятся совместимыми со стремлениями общества (или большинства в обществе). Такие изменения в предпочтениях имеют ценность для общества, но не обязательно – для индивидуума» [3, с. 104, 107].

Конкретизируется данный подход к функционированию человеческого капитала в работах современных американских социологов. Так, Я. Фитценц доказывает, что знания, умения, культура и отношение к труду рабочей силы отличают современные преуспевающие компании от посредственных. Автор подчеркивает важнейшее значение в развитии культурной составляющей человеческого капитала формирования лидерской мотивации к трудовой деятель-

ности вообще и к информационному обмену работников в частности. При этом утверждается, что отсутствие лидерской мотивации трудового поведения и интеллектуальной деятельности, направленной на поиск и обработку информации, является значительным препятствием для работы информационных систем и добывания стоимости [4, с. 48]. Важен вывод автора о том, что объем интеллектуальных возможностей, лидерские качества акторов труда влияют на способность компании получать стоимость из своего интеллектуального капитала. Я. Фитценц разграничивает формы культурного человеческого капитала, выделяет лидерство как составляющую экономической культуры работника, обосновывает важность отдельных социальных проектов предприятия, направленных на формирование лидерских инновационных качеств работника как важнейшего социального капитала всякой хозяйственной организации.

Данная социологическая концепция в новых условиях имеет ряд недостатков. В частности, предпринимательские способности и лидерские качества акторов остаются вне объекта комплексного исследования ученых. Авторы только в качестве гипотезы заявляют о необходимости рассмотрения лидерства как формы культурного капитала, но выявления взаимосвязи различных форм в новом ракурсе данные исследователи не осуществляют. Преодолеть данные недостатки удалось в отечественных современных исследованиях по проблеме развития культурного капитала работников российских предприятий.

Представители саратовской социологической школы обращаются к рассмотрению феномена лидерства как важнейшей формы внешнего проявления культурного капитала работника современной социальной организации. Так, Н. Горбунова убедительно доказала, что культурный капитал состоит из ряда системных компонентов и представляет собой богатство человека в форме базовых ценностей, норм, принципов, образованности, интеллектуальных, морально-нравственных и социальных характеристик, определяющих профессиональную компетентность и реализуемых в социальной деятельности, приносящих дополнительные социально-экономические выгоды и легитимирующие статусы, роли и власть.

С нашей точки зрения, важен вывод о чертах, отличающих культурный капитал от других форм капитала. Несложно заметить, что лидерство в данной концепции рассматривается как важнейший инкорпорированный социальный ресурс работников хозяйственных организаций.

Культурный капитал не может быть отчужден физически от своего обладателя и проявляется в творческой трудовой деятельности. Лидерские свойства личности усиливают возможности экономического накопления культурного капитала, при этом культурный капитал «через поведение и трудовую деятельность людей влияет на процессы, происходящие в обществе. От уровня развития культурного капитала зависят возможности людей воспроизводить общественно полезные действия и уровень их трудовой результативности, а также возможности получения выгод, доходов, повышения статуса и ролей, совершенствования трудовой деятельности» [5, с. 34]. Здесь проявляется широкий подход к социологической категории культурного капитала, а лидерские свой-

ства личности определяются в качестве важнейшего компонента его интеллектуальных свойств, определяющих характер и качественные проявления экономического накопления образовательного профессионального капитала работников. Таким образом, в системном концептуальном подходе представляются расширительные границы культурного капитала, важнейшей формой которого является: социальный капитал индивидов, образовательный капитал, интеллектуальный и харизматический – лидерский человеческий капитал работника.

В рамках данного подхода можно выделить некоторые закономерности развития интеллектуального и харизматического – лидерского человеческого капитала работника. Как и другие формы капитала, он должен постоянно поддерживаться и воспроизводиться посредством затрат в виде денег и времени, стратегий вложения отдельных людей или групп, преследующих цель создания интеллектуального лидерства, уверенности в себе, инновационной трудовой мотивации.

В современной трудовой деятельности большое значение имеет возможность использовать, помимо официальных информационных источников, дополнительные знания и системы информации, неформальный инновационный потенциал работников организации. Информационные потоки объединяют трудящихся, поставщиков образовательного человеческого капитала, исследователей, производителей, потребителей и являются мощнейшим потенциальным источником энергии для социально-экономического накопления и развития.

Недостатком рассмотренного концептуального подхода является то, что в процессе обоснования различных направлений общественного накопления культурного капитала как общественного ресурса автор искусственно сужает его формы проявления. В данном контексте развитие культурного капитала прослеживается через системы расширенного потребления (процесс саморазвития), семейного воспитания, в образовательном процессе (процесс целевого развития). Дальнейшее исследование не определяет процессов совершенствования харизматических свойств личности, при этом автор абстрагируется от лидерских качеств работников и практически комплексно не рассматривает такие важнейшие компоненты культурного капитала, как интеллектуальные способности, уверенность в себе, профессиональная активность и энергичность, мотивация и профессиональная мобильность. По сути, лидерские качества личности остаются за пределами исследования выявленных форм культурного капитала.

В исследованиях Ю. Быченко частично устраняется данный недостаток. Автор разрабатывает концепцию устойчивого развития культурного человеческого капитала и доказывает, что формирование лидерской формы культурного капитала является важнейшим условием перехода к устойчивости его роста. Им отмечается, что культурный человеческий капитал – это созданный запас знаний, умений, навыков, способностей, лидерства, которые могут быть использованы в экономических целях для получения дохода. Потенциальный человеческий капитал автор отождествляет с совокупным экономическим потенциалом членов общества в виде совокупных общественно необходимых знаний, уме-

ний, навыков, способностей, мотиваций, лидерских качеств, поэтому реально функционирующий культурный человеческий капитал – это обобщенная характеристика лидерских свойств, компетенции работников в форме профессиональных знаний, трудовых способностей, накопленных умений, навыков, опыта, образования, а также мотивации, наличия профессиональных полномочий работников.

Реально функционирующий человеческий капитал должен отождествляться прежде всего с реализацией лидерских свойств. В современных условиях лидерские мотивационные качества человека обеспечивают: «1) реализацию социально-экономической профессиональной деятельности работников; 2) рост эффективности труда; 3) рост зарплаток (доходов) работника. Иначе говоря, факт использования потенциального человеческого капитала в системе общественного воспроизводства в целях получения прибыли и перераспределение ее части в пользу дохода носителя человеческого капитала через систему заработной платы, премиальных добавок, поощрений, специальных доплат и льгот означает превращение потенциального человеческого капитала в реально существующий и действующий» [6, с. 62].

По сути, Ю. Быченко приходит к выводу о необходимости отдельно выделить, исследовать и диагностировать новую форму культурного человеческого капитала – лидерский человеческий капитал, при этом автор акцентирует внимание на интеллектуальном проявлении лидерского капитала, подчеркивает, что он формируется преимущественно в результате инвестирования социальных проектов, направленных на систему научно-образовательного комплекса общества. Тем самым прослеживается попытка лидерский человеческий капитал рассмотреть в рамках флуктуаций интеллектуального и образовательного человеческого капиталов. На наш взгляд, не следует поддерживать попытку Ю. Быченко ограничить развитие лидерской формы культурного человеческого капитала развитием системы интеллектуальных способностей работников. Представленный интеллектуальный и образовательный подход к формированию лидерской культуры труда личности необходимо дополнить рядом относительно самостоятельных социальных параметров: социально-психологическими характеристиками преобладания и полномочий, уверенности в себе, профессиональной активности и энергичности, мотивацией и профессиональной мобильностью.

Расширительный подход к лидерской форме культурного человеческого капитала характерен для ряда работ американских социологов. Так, Р.Л. Дафт подчеркивает, что имеются дополнительные социально-психологические параметры лидерского культурного капитала: уверенность в себе, энергичность, мотивация и профессиональная мобильность. Он доказывает необходимость рассмотрения уверенности в себе, профессиональной активности и энергичности как важнейших компонентов, определяющих лидерское поведение работника. Подчеркивается при этом, что без учета относительно самостоятельных дополнительных социально-психологических параметров исследование лидерского культурного капитала невозможно. С. Килпатрик и Е. Локе также указывают на необходимость рассмотрения динамики изменения ряда допол-

нительных параметров лидерского культурного капитала. Среди последних выделяются следующие: стремление к достижению цели; мотивация к лидерству; честность и прямота; уверенность в себе, в том числе способность противостоять трудностям и эмоциональная устойчивость; стремление к знаниям; знание бизнеса [7]. Р. Хауз приходит к выводу, что инновационная мотивация является дополнительной чертой работника, характеризующей харизматических лидеров как доминирующих, стремящихся быть влиятельными, уверенных в себе и имеющих твердое представление о собственных моральных ценностях личностей [8].

Обобщая идеи отечественных и зарубежных социологов, необходимо констатировать, что часто современная социальная организация отождествляет понятия эффективного формального работника и лидера организации. Эффективные формальные работники как лидеры отличаются не только интеллектуальным и профессиональным развитием, наличием харизматического таланта, но и уверенностью в себе, инновационной мотивацией, профессиональной активностью и энергичностью. Они направляют свою деятельность на создание нового знания, инновационных разработок, сохранение социальной стабильности в организации. Последнее определяет достижение компанией конкурентоспособности, отождествляется с успехом, преуспеванием формальной организации. В современных условиях социальная организация находится в постоянном изменении, развитии, совершенствовании, движении. Она нуждается в работниках лидерского типа, имеющих лидерский культурный капитал, позволяющий им создавать инновационные разработки, постоянно совершенствовать трудовую деятельность, технологические процессы.

По данным американских социологов, происходящие в мире изменения предусматривают необходимость динамичных инновационных трансформаций в каждой организации. Потребность лидерского трудового поведения, направленного на инновационные изменения, привнесение постоянных новаций в организацию – это оптимальный способ привлечь наиболее талантливых людей и сформировать организационную культуру лидерского типа, которая соответствует условиям многонациональной внешней социальной среды.

Организация оказывается в кризисе, когда ее формальные лидеры не учитывают требований разнообразной окружающей среды. «Деятельность многих организаций основывается на концепциях однообразия, сепаратизма и специализации. Людей, мыслящих и действующих одинаково и владеющих схожими профессиональными навыками, группируют в автономные отделы, например в бухгалтерский или производственный. Считается, что в гомогенных группах сотрудникам легче налаживать общение и взаимодействие. Однако подобное однообразие может привести к катастрофе в условиях многонационального и разнообразного мира» [9, с. 23]. Непрерывная динамика окружающей среды создает условия, при которых лидеры инициируют постоянные социальные изменения внутри организаций, чтобы развивать персонал и продвигать вперед социальные инновации. В новых условиях эффективные формальные лидеры понимают: стабильность – это застой и смерть. Ведь где нет разработки и внедрения новых идей, уверенной профессиональной активности, направлен-

ной на обновление трудовой деятельности на каждом рабочем месте, реализации прогрессивных изменений – там нет разработки и внедрения инноваций, а значит, нет развития человеческого капитала, нет прогресса человеческой жизнедеятельности.

Обобщая представленные подходы, можно сделать следующие выводы. Человеческий капитал входит в состав интеллектуального капитала общества, он характеризуется биологической и культурной составляющей. Биологический человеческий капитал выражается в качественных и количественных показателях состояния здоровья, способностях акторов выполнять физические трудовые действия. Культурный человеческий капитал – это стоимостное проявление человеческих свойств: ценностных представлений, норм поведения и ведения трудовой деятельности, принципов поведения, образовательных характеристик, интеллектуального развития, харизматических свойств, морально-нравственных предпочтений. Культурный человеческий капитал имеет ряд форм проявления: образовательный капитал, социальный капитал, лидерский капитал.

Образовательный капитал характеризует богатство человека в форме базовых образовательных ценностей, знаний, умений, навыков, социально значимых профессиональных компетенций, реализуемых в системе трудовой деятельности работников. Социальный капитал характеризуется социальными отношениями, принципами взаимного доверия, социальной взаимопомощи, взаимными обязательствами, социальной ответственностью акторов.

Лидерскую форму культурного капитала можно рассматривать в ракурсе расширительного представления концепции культурного человеческого капитала. Лидерский капитал характеризуется интеллектуальными способностями создавать новые знания, осуществлять профессиональное инновационное внедрение этих знаний; свойствами социального преобладания и полномочий, уверенности в себе; профессиональной активностью и энергичностью; ценностными мотивационными предпочтениями, профессиональной мобильностью; харизматическим талантом.

Библиографический список

1. *Becker, G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis [Текст] / G. S. Becker. – N.Y., 1964.
2. The Journal of Political Economy. – 1967. – Aug.
3. *Thurow, L.* Investment in Human Capital [Текст] / L. Thurow. – Belmont, 1970.
4. *Фитценц, Я.* Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала [Текст] / Я. Фитценц. – М., 2006.
5. *Горбунова, Н. В.* Закономерности развития культурного капитала в трансформирующемся обществе [Текст] / Н. В. Горбунова. – Саратов, 2005.
6. *Быченко, Ю. Г.* Управление развитием человеческого капитала [Текст] / Ю. Г. Быченко. – Саратов, 2005.
7. *Kilpatrick, S.* Leadership: Do Traits Matter? [Текст] / S. Kilpatrick, E. Locke // Academy of Management Executive. – 1991. – Vol. 5, № 2. – P. 48–60.
8. *House, R.* A 1976 theory of charismatic leadership [Текст] / R. House // *Hunt J. and Larson L.* (eds) Leadership: the Cutting Edge. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 1976.
9. *Дафт, Р. Л.* Уроки лидерства [Текст] / Р. Л. Дафт. – М., 2006.

В.В. Маркелов

ГАРАНТИРОВАННЫЙ ДОХОД В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Одним из приоритетных направлений деятельности государства с XIX в. является регулирование развития социальной сферы общества. В XX в. наиболее влиятельной теорией в данном направлении стала концепция государства благосостояния. Она описывает такую систему общественных связей и отношений, когда социальная политика становится приоритетной сферой деятельности правительства. Государство принимает на себя ответственность за социально-экономическое благополучие своих граждан, обеспечивая выплату пенсий и различных компенсационных пособий, бесплатную медицинскую помощь, всеобщее образование, максимальную занятость.

К концу XX в. европейские исследователи, а вслед за ними и отечественные все чаще приходят к выводу, что современный «кризис социальных систем не носит конъюнктурного характера. Подходит к концу целая эпоха, столетие, которое началось с социальных законов Бисмарка...» [1, с. 37]. Данная позиция отражает ряд особенностей развития современных социальных систем. Однако, по-нашему мнению, она не должна приниматься разработчиками государственной стратегии развития как руководство к действию без дополнительной проверки. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан справедливо отмечают, что концепцию государства всеобщего благосостояния следует рассматривать не только как политический уклад, но как «самостоятельную систему стратификации, активную силу, упорядочивающую социальные отношения» [2, с. 151].

Такой силой в современных обществах является социальный капитал. В СССР он объединял различные социальные группы и движения, консолидировал общество. После демонтажа советского варианта государства благосостояния в 1990-х годах этот капитал был практически полностью уничтожен. «Шоковые» экономические реформы усугубили данную ситуацию и привели к существенной фрагментации социальной сферы российского общества. Следует согласиться с В.Э. Шляпентохом, с точки зрения которого в результате трансформации российского общества к концу 1990-х годов в России обозначились несколько общественных секторов. В каждом секторе сформировалась своя идеология, социальные институты и социальные практики, существенным образом сокращающие возможность консолидации общества [3].

Как утверждает Т.И. Заславская, складывающаяся в современной России ситуация «не дает оснований говорить о целенаправленном переходе России к более эффективному и современному типу общества» [4, с. 197]. В таких социально-экономических условиях на первый план выходят важные проблемы со-

временных обществ – неравенство доходов и доступа к общественным благам и услугам, бедность и безработица, причем в основном та, которую ряд исследователей обозначает термином «естественный уровень безработицы». В целях борьбы с указанными негативными тенденциями в современной литературе наиболее часто предлагаются следующие способы сокращения безработицы и увеличения доходов населения.

Во-первых, рассматривается возможность расширения рынка труда как за счет законодательного сокращения длительности рабочей недели, так и за счет преимущественного приема работников не неполный рабочий день. Данные меры, увеличивая количество рабочих мест, облегчают поиск работы и способствуют выравниванию трудовых доходов. Однако «емкость» данного подхода невелика. Например, М. Ремова отмечает, что к 2002 г. в Европе доля занятых неполный рабочий день уже достигла 30%, регламентация же отношения в рамках такой системы существенно увеличивает зависимость работающего от работодателя [5, с. 82].

Во-вторых, активная социальная политика занятости предполагает создание системы общественной занятости, что позволяет индивидуально трудоустроить безработных, в силу разных причин не способных самостоятельно найти работу, гарантируя им, таким образом, минимальный доход, обеспечивающий существование.

В-третьих, в соответствии с принципом эффективного макроэкономического спроса возможно и желательно стимулирование рыночной конъюнктуры путем повышения покупательной способности, что в условиях неполной загрузки производственных мощностей приведет к росту производства и сокращению безработицы.

Альтернативой данным прямым мерам служит предлагаемый подход, центральным элементом которого является идея так называемого гарантированного дохода. Гарантированный доход – это система социальной защиты населения, в условиях которой производится регулярная выплата государством денежных средств гражданам на индивидуальной основе без проверки на нуждаемость, независимо от наличия работы и иных источников доходов [6].

Система социальной защиты населения на основе гарантированного дохода приводит к положительным эффектам, аналогичным получаемым от указанных способов сокращения безработицы и увеличения доходов населения. На уровне национальной экономики гарантированный доход, повышая доходы населения, создает платежеспособный совокупный спрос. Для отдельного индивида же в данной ситуации важно, что указанная выплата способствует относительно более легкому перенесению ситуации неполной занятости. Это, в свою очередь, позволяет подбирать наиболее подходящую работу, преодолевая не только зависимость рабочего от работодателя, но и границы зачастую неэффективной государственной системы занятости.

Вопрос о размере денежных выплат населению в рамках предлагаемой системы должен определяться после проведения соответствующих социологических исследований, а также пилотной апробации в отдельных регионах. Очевидно, уровень выплат должен быть достаточен для компенсации заменяемых

льгот и пособий и вместе с тем не должен вызывать у трудоспособного населения желания отказаться от работы вообще. С другой стороны, важно предусмотреть степень изменения нагрузки на экономику, величину перераспределительных финансовых потоков и возможности бюджета.

Форма внедрения гарантированного дохода также может быть различна в зависимости от особенностей социально-экономического развития конкретного государства или региона. Так, в штате Аляска Соединенных Штатов Америки функционирует фонд, первоначально финансировавшийся только за счет средств, поступавших от продажи полезных ископаемых. Всем постоянным жителям этого штата из фонда ежегодно выплачивается так называемый дивиденд, размер которого зависит от суммы денежных средств. В отечественной социально-политической теории данная форма гарантированного дохода в узком смысле слова известна под именем природной ренты.

Идея гарантированного дохода, несмотря на определенную новизну и недостаточное отражение в публикациях отечественных исследователей, имеет длительную историю, а первые указания на подобный подход к социальной политике присутствуют в работах европейских исследователей с 1960-х годов. Э. Фромм в работах «Здоровое общество», «Иметь или быть?» указывает, что уже в ряде примитивных племен существовало правило, утверждающее безусловное право человека на жизнь (кров и пищу) вне зависимости от размера исполнения «долга перед обществом». В дальнейшем такие исследователи, как М. Фридман, Г. Саймон, Д. Мид, в своих работах затрагивают различные аспекты политики гарантированного дохода в рамках социально-экономических систем современных европейских и североамериканских государств. В рамках же данной статьи обратим внимание на возможности внедрения такой политики в контексте трансформации социальной политики России.

Возвращаясь к проблеме консолидации российского общества, отметим, что возможность и предпочтительность применения данного подхода в условиях современной России связана с тем фактом, что отечественная экономика редуцирована по своей сути. Данное утверждение означает, что социальные отношения в обществе гармонизируются только в том случае, если строятся на принципах перераспределения. Таким образом, наиболее адекватна российской действительности социальная политика на основе принципов, берущих свое начало в теории социал-демократического государства благосостояния, в соответствии с которыми «каждый гражданин имеет право на равные льготы, независимо от степени нужды и своего трудового вклада» [2, с. 152].

Внедрение гарантированного дохода следует связывать в первую очередь с перенесением акцентов с механизмов социального страхования на механизмы защиты доходов населения, поскольку безработица в постсоветских странах приняла беспрецедентные масштабы и хронический характер, а степень дифференциации доходов приводит к тому, что минимальная заработная плата не может играть роли защиты семьи от бедности. Идея гарантированного дохода прямо противоположна реализуемой в социальной политике России такой модели социального страхования, как адресная социальная поддержка. Данная система характерна не для социал-демократического государства благосостоя-

ния, а для либеральной его модели. Последняя, не отражая особенности институциональной матрицы российского общества, зачастую приводит к стигматизации наименее обеспеченных групп населения. Так, в значительно более либеральной Европе «беспрецедентный рост адресной помощи... за последние 15 лет породил новые формы эксклюзии и стигматизации социально незащищенных слоев населения» [7, с. 162]. Применительно к современной России ряд исследователей доказывают, что в связи с бюрократизацией механизмов выплаты социально обусловленных пособий существенным образом увеличивается стигматизация [8, с. 206–207].

Таким образом, зачастую адресная помощь нуждающимся препятствует проявлению их самостоятельности в поиске путей решения своих проблем. Предлагаемая социальная политика гарантированного дохода не поощряет, в отличие от традиционной системы социального страхования, «создание» целых поколений людей, живущих за счет социальной помощи. Они в силу ряда причин теряют – не по своей вине – всякий интерес к работе. Наиболее ярко данный процесс проявляется в современной Европе, из-за скрытого налогообложения. Другая причина в том, что низкооплачиваемые категории рабочих зачастую не готовы работать за невысокую заработную плату, наблюдая за получающими пособие безработными. Последние же не желают расставаться с такой индивидуализированной адресной государственной поддержкой.

Использование гарантированного дохода позволит снизить бюрократизацию социальной сферы России и, следовательно, стигматизацию социально неблагополучных групп населения. Данная социальная политика позволяет вывести из системы государственной социальной стандартизации такой норматив, как минимальный размер оплаты труда. Дело в том, что минимальный размер оплаты труда, поэтапно увеличиваемый до уровня прожиточного минимума, лишает работодателей возможности нанимать работников официально для регулярного выполнения экономически несущественной, но общественно необходимой работы, которая практически не приносит работодателю прибыли.

К существенному недостатку предлагаемого подхода следует отнести сложность разработки и согласования новой социально-экономической, налоговой и бюджетной политики в долгосрочной перспективе. Именно этот аспект требует наибольшей теоретической проработки, поскольку уже сама идея гарантированного дохода встречает на практике недоверие и опасение, зачастую необоснованно. Опыт пилотного внедрения подобных систем показывает их жизнеспособность. Так, например, в канадском штате Манитоба с 1974 по 1977 г. проводился социально-экономический эксперимент по внедрению гарантированного дохода, не предполагающего проверку его получателя на нуждаемость [9]. Основной вывод, сделанный исследователями, заключался в том, что в целом социально-экономическая ситуация в регионе улучшилась. Постоянный доход позволил жителям целенаправленно планировать свои расходы и доходы, а доля отказавшихся от работы и живущих на получаемый гарантированный доход увеличилась только на 1% по сравнению с традиционными пособиями по безработице, близкими к ним по уровню. Кроме того, был сделан важный вывод, что внедрение подобной системы – в первую очередь политический шаг.

Исследователи и руководители с различными социально-экономическими взглядами находят в идее гарантированного дохода позитивные черты. Они аргументируют свою позицию с помощью широкого спектра доводов от снижения бюрократических расходов и барьеров до сокращения бедности. Более того, гарантированный доход выполняет роль стимулятора как реального сектора экономики, так и финансовой сферы. Учитывая современную тенденцию максимального включения негосударственных кредитно-финансовых учреждений в сферу перераспределения национального дохода, считаем, что это позволит не только сократить инфляцию, увеличить размеры инвестирования в промышленность, но и снизить стоимость использования финансовых капиталов. Действие указанных факторов ведет к снижению безработицы в соответствии с принципом макроэкономического эффективного спроса, который ставит в прямую зависимость объем производства в экономике благ и услуг (а следовательно, и занятости при прочих равных условиях) от уровня потребительских и инвестиционных расходов.

С точки зрения социально-экономической обоснованности и финансовых возможностей внедрения гарантированного дохода в России отметим, что данные исследования, проведенного С. Кларком в 2003 г., указывают на эффективность предлагаемой системы. Так, при попытке достичь благосостояния для граждан России лишь путем доведения уровня доходов населения до существующего прожиточного минимума средствами государственного бюджета в год дополнительно потребуется 9,5% ВВП, что соответствует годовому оттоку капиталов из России. Учитывая тот факт, что доля заработной платы в России составляла в 2003 г. только 29,5% ВВП, а в странах Европейского союза – около 48,5%, несложно заметить, что постепенный переход на данную систему не потребует резкого увеличения расходов бюджета на средства.

Компенсация увеличения расходов государства в данном случае обусловливается тем, что ряд неэффективных социальных программ фактически может быть свернут. Например, в России традиционно неэффективна система защиты от безработицы: громоздкие службы занятости способствуют трудоустройству не более 20% безработных по методологии Международной организации труда, а имеющаяся система переподготовки зачастую связана с жесткими практиками контроля, поскольку условия предоставления пособия жестко регламентированы и требуют в достаточно короткий срок либо согласия на низкооплачиваемую работу, либо фактически принудительной переквалификации.

Кроме того, система защиты, основанная на внедрении гарантированного дохода в России, со временем призвана заменить иные механизмы защиты дохода – различные субсидии, пособия по безработице, пособия детям, семьям с одним родителем и прочие социально обусловленные выплаты. Методика внедрения данного подхода требует значительной разработки, но позволяет показать альтернативу либеральным принципам трансформации государства благосостояния. Для России это, как никогда, актуально, поскольку страна в настоящий момент пытается вступить на либеральный путь, в Европе уже завершающийся и вскрывший все проблемы и противоречия. Вместо этого предлагается переход к социал-демократическим принципам и исследование

новой альтернативной формы реализации на практике принципа гражданской солидарности и его институционализации в условиях трансформации современного российского общества.

Библиографический список

1. Бек, У. Заблуждения глобализма [Текст] // Сумерки глобализации : настольная книга анти-глобалиста [Текст] : сб. – М., 2004.
2. Радаев, В. В. Социальная стратификация [Текст] / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М., 1996.
3. Шляпентох, В. Э. Многослойное общество: «антисистемный» взгляд на современную Россию [Текст] / В. Э. Шляпентох // Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 5–21.
4. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформаций [Текст] / Т. И. Заславская. – М., 2004.
5. Римова, М. Реструктуризация взамен сокращения [Текст] / М. Римова // Человек и труд. – 2002. – № 7. – С. 81–84.
6. Van Parijs, P. A Basic Income for All [Текст] / P. Van Parijs // Cohen J. & Rogers J. Whats Wrong with a Free Lunch? Boston, 2001.
7. Armstrong, F. Inclusive Education: Policy, Contexts and Comparative Perspectives [Текст] / F. Armstrong, D. Armstrong, L. Barton (ed.). – London, 2001.
8. Ярская-Смирнова, Е. Р. Одинокие матери: клиенты или граждане [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, Е. А. Цыглакова // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. – Саратов, 2003. – С. 184–210.
9. Light, W. Researchers examine the town with no poverty / W. Light // [Сайт официального бюллетеня университета Виннипега, Канада] <http://www.uniter.ca/view.php?aid=38460> На 04.06.2008

УДК 316.334.2-053.9(470+571)
ББК 60.54(2Рос)

О.Л. Березняк

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное российское общество аккумулирует сложный спектр общественных явлений, требующих постоянного внимания социологов. В частности, такого внимания заслуживает положение отдельных групп населения, которые нуждаются в социальной помощи и защите.

Что именно является предметом интереса социологии при изучении социально-экономического потенциала той или иной группы населения? Очевидно, не только трудовая деятельность работника вообще, ее экономическая эффективность и качество, но и посттрудовой (пенсионный) период, когда силы и желания быть полезным обществу еще есть, но возможности для их реализа-

ции уже ограничены. Комплекс проблем, связанный с положением пожилых людей в современном обществе, помимо экономических, психологических, медицинских аспектов включает в себя вопрос о месте данной категории в общей структуре населения. Необходимость его изучения обусловлена растущим числом людей старшей возрастной группы, значительной политической активностью их части. Пожилое население страны должно рассматриваться сегодня не в контексте некоего иждивенчества, а в качестве самостоятельного активного потенциала российского социума.

Следует отметить, что социологические исследования старости все еще находятся на периферии научных интересов и относятся к разряду неперспективных [1, с. 9]. Пока в науке отсутствует четкое представление о роли пожилого и старого человека, о специфических особенностях его образа жизни и поведения в условиях современного российского общества.

Сегодня наблюдается значительное уменьшение ресурсов пожилых, их возможностей участвовать в общепризнанном и приемлемом для них образе жизни. Снижается их политическая и экономическая активность, интенсивно формируются социальные механизмы адаптивного поведения. Старение населения вносит радикальные изменения в демографическую и социальную структуры общества, в системы производства, распределения, потребления, в социальную инфраструктуру города, деревни. В конечном счете фактор постарения населения оказывает влияние на положение всех без исключения социальных групп и слоев.

Социально-экономический потенциал пожилых людей может использоваться по крайней мере в двух направлениях: в секторе экономики в качестве рабочей силы, базирующейся на остаточном трудовом потенциале, а также значительно шире – в формировании гражданского общества. Изменения, произошедшие в массовом сознании россиян в результате довольно длительного периода реформирования общества, раскололи население страны на различные группы. Одна из них активно не приемлет возврата к социалистическим ценностям и принудительной уравнительности, а другая, среди которой не только значительная часть рабочих и служащих, но и пожилые люди, в большей своей части серьезно обедневшие в ходе реформ, столь же активно осуждает деятельность недавних реформаторов России и их последователей.

Даже считая советский режим обреченным на историческое поражение, нельзя не принимать во внимание советскую ментальность, сформированную десятилетиями существования социализма, поэтому выражение «уходящая натура» кажется вполне релевантным переживаемой ситуации, когда советское общественное устройство ушло с исторической арены, но homo soveticus отнюдь не исчез и ищет себе шанс на обретение собственной ниши в новых условиях.

Резкое обеднение значительной части населения, длительный моральный и эмоциональный стресс, который испытывало население России в ходе реформ, привели в значительной мере к разрушению защитных механизмов сознания. Подсчитано, что «среднее падение личного дохода на 10% влечет

среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7%» [2, с. 373]. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий.

Ситуация кризиса всех основных общественных институтов всегда создает уникальные возможности для рассмотрения тех компонентов и механизмов социального устройства, которые в обычных условиях скрыты и незаметны. Свойства личности, ментальность, предприимчивость, моральные и нравственные ориентиры во многом формируются обществом, причем, как правило, это происходит не обязательно сознательно, по чьему-то замыслу или желанию. Решающая роль здесь принадлежит сложному сочетанию различных жизненных, педагогических, пропагандистских, мировоззренческих стратегий, не всегда точно фиксируемых общественным сознанием.

Согласно закону позитивной и негативной поляризации, предложенному П. Сорокиным [3, с. 125–150], в периоды радикальных преобразований в обществе люди ведут себя далеко не одинаковым образом. Общество дезинтегрируется: одна его часть становится склонной к социальной аномии; другая, напротив, стремится к консолидации усилий, к обновлению всех сфер жизнедеятельности путем морального возрождения и демонстрации доброты, обеспечивая тем самым не только самосохранение, но и обновление общества в целом.

По материалам всероссийского репрезентативного обследования, проведенного Центром социального прогнозирования под руководством Ф.Э. Шереги, 60% респондентов оценивают пожилое население, как значительный человеческий потенциал, который должен быть вовлечен в социально активную жизнь [4, с. 204]. Однако для этого требуется дифференцированный подход, поскольку пожилое население страны чрезвычайно стратифицировано.

С годами привычные, хорошо налаженные связи с другими людьми (межличностные отношения) разрушаются. Отделяются, а нередко и отчуждаются дети, уходят из жизни мужья, жены, близкие. Все ближе и отчетливее становится перспектива одиночества. Внутренняя противоречивость восприятия старшим поколением происходящих изменений оказывает серьезное влияние на их поведение. Они ощущают, что, с одной стороны, значительно увеличился и усложнился спектр жизненных возможностей, а с другой – четко обозначилась и потеря былых социальных статусов, которая уменьшает значимость каждого конкретного индивида.

В широком смысле старость в современном обществе – это не только период жизни после зрелости, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма [5, с. 671], этот период связан также с потерей бывшего социального статуса, что сопровождается снижением доходов, ухудшением здоровья, растущим одиночеством. Еще М. Монтень писал, что «в конце концов, единственное облегчение, даваемое мне старостью, состоит в том, что она убивает во мне многие желания и стремления, которыми полна жизнь: заботу о делах этого мира, о накоплении богатств, о величии, о расши-

рении познаний, о здоровье, о себе» [6, с. 582]. Однако и в пожилом возрасте люди способны наслаждаться настоящим, находя радости в мелочах, на которые они прежде не обращали внимания. Старый человек, как правило, более уравновешен, рассудителен, проницателен, освобожден от тревожностей юности [7, с. 498].

Высокая численность пожилых людей в составе населения означает усиление их роли в процессах жизнедеятельности общества и сопровождается повышением их ожиданий в части обеспечения государством социальных гарантий. Естественно, что рост пожилого населения оказывает существенную нагрузку на все общественные процессы, вызывая изменение их конфигурации, структуры и динамики. Увеличивается давление на трудоспособное население, вынужденное содержать растущее число нетрудоспособных граждан. Уже сейчас в России на одного пенсионера приходится 1,8 работающего.

Констатируемое социологическими исследованиями желание пенсионеров трудиться не всегда согласуется с условиями российской действительности, которая не может ответить адекватным предложением рабочих мест для занятых пенсионеров. Тот же Монтень писал: «Мне кажется, что нет особых оснований отпускать людей на покой ранее пятидесяти пяти – шестидесяти лет. Мое мнение таково, что *в интересах общества* (курсив мой. – О.Б.) – дать им возможность как можно дольше исполнять занимаемые нами должности...» [8, с. 498].

Существует довольно устойчивое мнение, что у пожилого человека понижен интерес к жизни, потребности его узки и ограничены. С нашей точки зрения, пожилые люди в большинстве отнюдь не утрачивают интереса к жизни. В их сознании не происходит какой-либо кардинальной переоценки ценностей, лишь несколько изменяются ориентации на ту или иную социальную или психологическую ценность. Период старости (если ее началом условно считать пенсионный возраст) у женщин составляет сейчас третью часть всей их жизни, у мужчин – пятую, потому что потребность в профессиональной активности пожилых людей заслуживает самого серьезного внимания и изучения.

Избранный возрастной рубеж выхода граждан на пенсию (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) основан на том, что часть пожилых людей к этому моменту утрачивает способность к профессиональной деятельности. В то же время другая их часть полна сил и энергии. Выплата таким людям пенсии дополнительно к заработку – сугубо экономический стимул, льгота для продолжения работы, а не норма, вытекающая из природы социального обеспечения по старости.

При изучении проблемы социально-экономического потенциала пожилых россиян и его использования в конкретных условиях рыночных отношений необходимо соотносить процесс воспроизводства населения с социально-экономическим развитием конкретного региона и ценностными диспозициями относительно поведения в обществе тех или иных социально-демографических групп.

Демографические тенденции Саратовской области, предполагающие широкомасштабные изменения в инфраструктуре общества, требуют нестандартного

подхода в реализации политики по использованию потенциала пожилого населения региона. Практикуемые пожилыми жителями Саратовской области формы социально-экономической адаптации уместнее было бы назвать стратегиями выживания, нежели реальной адаптацией к рынку. Как правило, эти формы социально-экономической адаптации недостаточно эффективны и обеспечивают лишь элементарное удовлетворение жизненно важных потребностей. Большинство пожилых людей сегодня не интегрированы в региональные рыночные отношения. Успешной социально-экономической адаптации пожилых жителей области препятствует недостаточно хорошее состояние здоровья, иждивенческие установки, слабая информированность о механизмах рыночного хозяйствования и целях современной социальной политики, проводимой государством.

Для наиболее эффективной интеграции пожилого населения в рыночные отношения необходима разработка дифференцированной федеральной и региональной социальной политики, которая учитывала бы специфику возрастных, физиологических и других качеств различных групп пожилого населения страны и региона. В отношении пожилых сегодня необходимо разработать новую социально-экономическую модель жизни человека после выхода на пенсию. Приоритетным направлением в разработке этой модели может стать прежде всего экономический статус, создаваемый человеком на протяжении активной части жизни до выхода на пенсию. Он может включать в себя финансовые активы в банках, страховых компаниях, иные накопления, движимое и недвижимое имущество. Использование этого потенциала могло бы во многом улучшить экономическое положение личности и государства и в целом способствовать снятию социальной напряженности.

Сегодня необходима направленная на преодоление дискриминации по возрасту активная государственная политика по привлечению социально-экономического потенциала пожилых в экономику. Требуются нестандартные управленческие решения по привлечению пожилых людей в активную экономическую и общественную деятельность. Это будет способствовать повышению ощущения собственной значимости пожилых людей и позволит использовать их потенциал в интересах общества.

Библиографический список

1. Великий, П. П. Старики российской деревни [Текст] / П. П. Великий, М. Э. Елютина, И. Е. Штейнберг, Л. В. Бахтурина. – Саратов, 2000.
2. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Кара-Мурза. – М., 2002.
3. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени [Текст] / П. А. Сорокин. – М., 1993.
4. Писарев, А. В. Мнение населения о потенциале пожилых и их роли в современной жизни [Текст] / А. В. Писарев // Демографическое старение в России: жизнедеятельность пожилого населения. – М., 2005.
5. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь [Текст] / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М., 1997.
6. Монтень, М. Опыты [Текст] : в 3 кн. / М. Монтень. – М., 1991. – Кн. 2.
7. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости [Текст] / А. Шопенгауэр. – М., 1990.
8. Монтень, М. Опыты [Текст] : в 3 кн. / М. Монтень. – М., 1991. – Кн. 1.

И.В. Курышов

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА

Социально-экономические преобразования, основанные на принципах рыночных отношений, породили ряд социально значимых проблем для современной России, в том числе занятости и безработицы населения. Трансформация российской экономики из планово-административной в рыночную обусловила сдвиги практически во всех составляющих рынка труда. Появились глубокие противоречия, которые не удастся быстро разрешить: между ростом потребности работодателей в квалифицированных работниках и неспособностью удовлетворить эту потребность; между современными профессиональными и устаревшими образовательными стандартами; между обвальным старением квалифицированной рабочей силы и отсутствием эффективных механизмов ее обновления. Подобные противоречия больше всего отражаются на молодежном сегменте рынка труда.

В условиях продолжающегося формирования рынка труда одной из важнейших проблем становится вовлечение молодежи в общественно-продуктивную деятельность. Ситуация, складывающаяся на российском молодежном рынке труда в последние годы, представляется достаточно напряженной и характеризуется тенденциями к ухудшению. Это вызвано, по-видимому, отсутствием или недостатком практического опыта: будучи новичками на рынке труда, молодые люди чаще размещаются на нижних ступенях социально-профессиональной лестницы.

Особую актуальность в связи с отсутствием у юных граждан необходимых навыков практического использования полученных знаний приобретает вопрос занятости молодежи, впервые выходящей на рынок труда, поскольку она представляет собой категорию наиболее уязвимую. Работодатели неохотно принимают на предприятия молодых людей, не имеющих опыта работы и нужной квалификации, недооценивая тем самым перспективу «старения» кадров.

Молодежный рынок труда имеет свою специфику. Во-первых, он характеризуется неустойчивостью спроса и предложения, что обусловлено изменчивостью профессиональных ориентаций молодежи и социально-профессиональной неопределенностью. Положение усугубляется обострением социальных проблем молодежи, связанных с коренным изменением социокультурных и политических условий развития личности, влекущим за собой возрастающие трудности самоопределения молодых людей в профессиональном плане. Во-вторых, для молодежного рынка труда характерна низкая конкурентоспособность по сравнению с другими возрастными группами. Молодежь подвергается наибольшему риску потерять работу или не трудоустроиться. Возможности трудоустройства новой рабочей силы, вступающей на рынок труда впервые, сокращаются. Огра-

нижение спроса на рынке труда снижает возможности трудоустройства выпускников учебных заведений [1].

На протяжении семидесяти с лишним лет Советское государство было единственным монопольным работодателем. До начала 1991 г. действовал законодательно закрепленный принцип всеобщей занятости. Для каждого предприятия регламентировался численный и профессионально-квалификационный состав работников (в том числе и по возрастному признаку), уровень оплаты труда. Руководители обладали чрезвычайно узкими полномочиями по найму и увольнению кадрового состава, сфера занятости была лишена гибкости. На большинстве предприятий имелись излишки рабочей силы, которые, по различным оценкам, к началу 1990-х годов составляли от 10 до 20 млн человек [2], и, несмотря на это, администрации все равно предписывалось нанимать рабочую силу.

Условия выхода молодежи на рынок труда были жестко регламентированы. Приток молодых кадров происходил двумя путями: для выпускников школ и лиц, закончивших профессионально-технические училища и решивших идти на производство, осуществлялось бронирование рабочих мест; выпускники других учебных заведений распределялись с учетом вакансий, с обязательным условием работы на данном месте в течение нескольких лет.

В 1991 г. законом о занятости населения было определено право собственности граждан на свою рабочую силу в полном объеме. Расширились права руководителей в вопросах найма и увольнения работников, что предполагало более эффективное использование рабочей силы.

Переход предприятий в руки частных собственников, предполагавший модернизацию производства, ужесточил требования к профессионализму работников и наличию трудового стажа. Большинство предприятий негосударственных форм собственности были созданы путем акционирования государственных предприятий, а новые возникали в основном в сфере услуг и финансово-кредитной сфере. В результате рабочие места с менее жесткими требованиями были ликвидированы, а вновь созданные характеризовались более жесткими условиями найма. Существующая система подготовки и переподготовки кадров не отвечала новым требованиям, что значительно уменьшило шансы трудоустройства молодежи, впервые выходящей на рынок труда, на занятие престижных должностей в новых секторах экономики.

Работодатели частного сектора подчас игнорируют правовые нормы, регулирующие наем, увольнение, продолжительность рабочего дня, предусмотренные действующим законодательством льготы. В некоторых случаях отношения занятости в целях ухода от налогов и социальных отчислений не оформляются юридически и нигде не регистрируются, что приводит к грубым нарушениям норм трудового права. В борьбе за экономическое выживание в конкурентной среде постепенно сходят на нет привычные социальные приоритеты, стираются границы между понятиями «престижная работа» и «высокий доход», начинает доминировать материальная сторона. Значение нематериальных аспектов труда, таких, как характер, условия и режим работы, перспективы роста, гарантии сохранения рабочего места, неуклонно снижается [3].

Современная российская молодежь сформировалась полностью в новых условиях, которые она признает в качестве естественных. Сегодняшние молодые люди поставлены в экстремальные условия: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается кризисом ценностного сознания. Молодому поколению приходится самому решать, что ценнее – обогащение любыми средствами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей в перспективе способность адаптироваться к новым условиям. Стремление к материальному благополучию отнюдь не сопрягается в сознании молодых людей с необходимостью много работать для его достижения. Развитие такой тенденции ведет к дальнейшему разрушению трудовой мотивации, без которой трудно себе представить цивилизованный рынок труда.

Вместе с тем сегодня ценность рынка труда для молодежи представляется устойчивой объективной потребностью. Каждый четвертый молодой человек планирует организовать свое дело, и более половины (53%) – добиться материального благополучия. В целом 84% молодежи привлекает рыночный путь развития экономики, в то время как планово-государственную экономику поддерживают только 12,8% [4]. Несмотря на то что рыночные отношения расширили возможности личности, дали простор широкому спектру ценностных ориентаций, обеспечили свободу выбора, возникло порой непреодолимое препятствие в осуществлении предоставленных рынком возможностей, так как их реализация напрямую зависит от имеющихся материальных ресурсов. А это обстоятельство, как свидетельствуют исследования, еще не стало фактором сознания молодежи. Оказывается, что большая часть молодых людей иждивенцы: у 62% молодежи основным источником существования являются доходы родителей [5].

Другой современной ценностью для российской молодежи является материальный достаток, что свидетельствует о превалировании личных приоритетов. Почти 80% молодых людей указывают, что обеспечение материального благополучия для них служит основной целью жизни. Это отражается и на изменении ценностно-трудовых ориентаций молодежи. Около 80% вообще не стали бы работать, если бы были материально обеспечены. Около 55% подростков и молодых людей связывают мотивацию трудовой деятельности исключительно с деньгами и стремлением зарабатывать их любыми средствами, в том числе и противоправными [6].

Двойственность рынка труда проявляется в следующем: с одной стороны, присутствует намерение молодежи, базирующейся на интересе к специальности, освоить ее, реализовать свою профессиональную подготовку, найти соответствующую работу; но с другой – поскольку реализация такого плана, как правило, затруднительна, выпускники учебных заведений формируют в качестве возможного варианта менее для них привлекательный, но реальный – найти любую работу, не обязательно по специальности, но обеспечивающую приемлемый доход. Социальная опасность этой тенденции очевидна. При сохранении низкой оплаты труда в государственных структурах и высокой значимости материальной обеспеченности у выпускников учебных заведений растет предпочтение трудоустройства в коммерческой сфере. Происходит соответствующее

падение престижа госструктур в ущерб трудоустройству по специальности. В силу этого возможна ситуация, при которой вузы практически будут давать профессиональное образование лишь номинально. Между тем уровень образования является одним из важных показателей качества рабочей силы.

Современная ситуация в сфере труда и занятости ставит молодежь в очень сложные условия. Если раньше распределение выпускников учебных заведений гарантировало им занятость по специальности, то теперь оно проводится в значительно ограниченном масштабе, и молодые специалисты попадают в систему жесткой конкуренции с людьми, имеющими опыт работы.

Если сравнивать нынешнее положение молодежи с положением в 1990 г., то наиболее радикальные изменения обнаруживаются в труде, образовании, материальной обеспеченности и досуге, поскольку нарушилась естественная для любого общества связь между этими сферами жизни молодого поколения. Зачастую образование, включая профессиональное, не играет решающей роли в сфере труда, а квалифицированный труд перестает обеспечивать соответствующий жизненный уровень.

Современная российская молодежь сохраняет высокий трудовой потенциал, но он остается не востребованным, а это сказывается на уровне ее профессиональной социализации. Система оплаты труда пока далека от рыночной модели, как и сам российский рынок далек от современного цивилизованного. Разбалансированность уровня доходов и уровня потребления приводит к деформации интересов у молодежи как в сфере потребления, так и в сфере труда, ограничивая их сферой потребления [7].

За последние годы численность молодых людей, включенных в сферу потребления, увеличилась многократно. Опасность видится не только в пагубных последствиях ухода молодой рабочей силы из основных отраслей производства, но и в моральных издержках. Трудовая мотивация вытесняется спекулятивной. Нередко молодые люди одобрительно относятся к стремлению своих сверстников «делать деньги» любой ценой, даже в обход закона. На молодежь в возрасте до 29 лет приходится 57% общего числа правонарушений [5]. Само общество в лице печатных и электронных СМИ нередко рекламирует облегченные способы удовлетворения интересов и потребностей молодежи через разного рода игровые шоу, тем самым девальвирует роль труда не только как источника удовлетворения человеческих потребностей, но и как агента социализации личности.

Таким образом, рынок труда молодежи в настоящее время характеризуется следующими основными признаками:

- несформированностью профессиональных интересов у молодежи;
- деформацией профессиональных намерений подрастающего поколения, завышенными притязаниями у части молодых людей;
- отсутствием механизма корректировки структуры профессионального обучения с учетом перспектив социально-экономического развития регионов;
- отсутствием на большинстве предприятий и организаций программ трудовой адаптации молодых специалистов и рабочих;
- ограниченными финансовыми возможностями молодежи в плане их пере-

мещений на региональных и межрегиональных рынках труда и для занятости в сфере предпринимательства;

возрастающими масштабами платности образования;

дисбалансом спроса и предложения на «молодую» рабочую силу;

несоответствием уровня квалификации молодых специалистов требованиям работодателей;

отсутствием госзаказа на выпускников учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования;

низкой оплатой и неудовлетворительными условиями труда, низким качеством рабочих мест.

Все это необходимо учитывать при разработке политики занятости. Государственная политика содействия занятости молодежи может и должна осуществляться по линии специальных государственных программ, таких, например, как «Молодежь России», «Адаптация молодежи, вступающей на рынок труда», «Субсидирование занятости молодежи».

Библиографический список

1. Дунаева, Н. Молодежь на рынке труда [Текст] / Н. Дунаева // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – С. 81–91.
2. http://www.kavkazonline.ru/csrip/elibrary/uro/uro_31/uro_31_02.htm
3. Скутнева, С. В. Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере [Текст] / С. В. Скутнева // Социс. – 2006. – № 10. – С. 88–94.
4. <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-31150.htm>
5. <http://chelt/main.html>
6. www.ronl.ru.htm
7. Семенов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи [Текст] / В. Е. Семенов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 37–43.

УДК 33:364

ББК 65.272

Ш.Р. Ягубов

ИСТОКИ И ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

Торговля является традиционной и древнейшей формой международных экономических отношений. Возникнув много столетий назад, она и поныне продолжает сохранять важные позиции в общем комплексе мирохозяйственных связей. После Второй мировой войны международная торговля развивалась очень высокими темпами, намного превышающими темпы роста

мирового производства. По данным Всемирной торговой организации (ВТО) в 1950–1994 гг. объем международной торговли ежегодно увеличивался более чем на 6%, тогда как мировое производство – только на 4%. За 45 лет объем торгового оборота вырос в 14 раз, а объем производства – в 5,5 раза [1, с. 259]. По имеющимся прогнозам, этот разрыв в дальнейшем будет нарастать.

Первой попыткой теоретического осмысления проблем международной торговли была доктрина меркантилизма. Отождествляя богатство с благородными металлами, меркантилисты полагали, что обогащение той или иной страны возможно только за счет снижения благосостояния других наций, поэтому государство должно всемерно поощрять экспорт и ограничивать импорт. Несмотря на ограниченность и внутреннюю противоречивость доктрины меркантилизма, она впервые связала торговые отношения с экономическим ростом, заложила основы понятий и категорий, используемых современной теорией торговли.

В отличие от меркантилистов А. Смит утверждал: богатство нации зависит не только и даже не столько от накопленного запаса благородных металлов, сколько от потенциальных возможностей экономики производить конечные товары и услуги [2, с. 322–354]. Он полагал, что каждая из стран всегда производит один или несколько товаров с меньшими издержками, чем за рубежом; в производстве и обмене подобных товаров такая страна будет располагать абсолютным преимуществом, следовательно, именно такие товары должны экспортироваться и быть объектом международной торговли. Модель А. Смита предполагает возможность полной специализации стран на производстве товаров, по которым они располагают абсолютным преимуществом.

Выводы А. Смита базировались на трудовой теории стоимости, в соответствии с которой обмен товаров осуществляется в той же пропорции, что и количество труда, необходимое для их производства. А. Смит исходил из наличия в национальном хозяйстве рынка совершенной конкуренции, где труд является абсолютно мобильным фактором производства, свободно переходящим из одной отрасли в другую. Выгоду, полученную от международной торговли, развивающейся на основе абсолютного преимущества, страны могут приумножить на путях углубления специализации производства. В результате торговых отношений каждая из стран выходит на такой уровень потребления, который был недостижим в условиях автаркии, поэтому странам выгодно проводить специализацию производства на международном уровне и осуществлять торговлю на основе принципа абсолютного преимущества.

Однако теория абсолютного преимущества А. Смита не является универсальной. Она оставляла открытыми ряд вопросов, возникающих в ходе внешне-торговых отношений. Ответы на них дал сформулированный Д. Рикардо закон сравнительных преимуществ [3]. Развивая теорию абсолютного преимущества, Д. Рикардо доказал, что международная торговля взаимовыгодна для двух стран даже в том случае, когда ни одна из них не обладает абсолютным преимуществом ни по одному товару. Содержание закона сравнительных преимуществ можно свести к следующему утверждению: основанием для возникновения и развития международной торговли может служить исключительно разница в

относительных издержках производства товаров, независимо от абсолютной величины этих издержек. Введение в анализ международной торговли денег не повлияет на конечные выводы. Д. Рикардо достаточно корректно доказал существование относительного преимущества и выгод от торговли в условиях использования национальных валют.

Другой выдающийся экономист классической школы Дж. С. Милль, развивая теорию международной торговли, вывел закон интернациональной стоимости, показав, при какой цене осуществляется обмен товарами между странами. Соотношение спроса и предложения устанавливает такой уровень мировой цены, который должен быть достаточен, чтобы доход от совокупного экспорта страны позволил ей оплатить весь импорт. При анализе сравнительных преимуществ объектом анализа выступает не рынок отдельного товара, а отношения между рынками двух товаров, производимых одновременно в двух различных странах. Таким образом, традиционный равновесный анализ спроса и предложения нужно скорректировать с учетом взаимосвязей двух рынков. Это означает, что в центре внимания будут находиться не абсолютные объемы спроса и предложения товаров, а их относительный спрос и предложение.

Теория Д. Рикардо совершенствовалась и дополнялась в работах его последователей. Так, исходная посылка «две страны – два товара» была расширена и распространена на большее количество стран и большее количество товаров, в модель Д. Рикардо были введены транспортные расходы и неторгуемые товары, постоянные издержки заменены возрастающими. С этими дополнениями и расширениями базовой модели идеи Д. Рикардо на многие десятилетия вперед предопределили господствующие взгляды в теории международной торговли и оказали сильное воздействие на экономическую теорию в целом.

Вместе с тем исследования показали, что указанная модель не носит универсального характера и не объясняет все процессы и явления в международной торговле. В настоящее время принято считать, что закон сравнительных преимуществ справедлив для объяснения общих тенденций в структуре международных товарных потоков, но отнюдь не конкретных причин, по которым данная страна экспортирует или импортирует вполне определенный товар или услугу.

Действительно, крупный прорыв в развитии теории международной торговли был сделан в середине 20-х годов XX столетия, когда шведские экономисты Эль Хекшер и Бертил Олин доказали, что данное объяснение связано с различной обеспеченностью стран факторами производства. Теория Хекшера – Олина базируется на утверждении: неодинаковая относительная обеспеченность стран производственными ресурсами порождает разницу в относительных ценах на товары, что создает предпосылки для возникновения и развития международной торговли [1, с. 266–267]. Суть теоремы Хекшера – Олина можно сформулировать следующим образом: страны стремятся экспортировать те фактороинтенсивные товары, при создании которых они используют относительно избыточные производственные ресурсы, и импортировать товары, для изготовления которых требуются относительно дефицитные для них ресурсы.

Поскольку теория соотношения факторов производства с момента своего возникновения являлась одной из наиболее значимых в международной эконо-

мике, она стала объектом многочисленных проверок на базе статистических данных по ряду стран, применительно к различному набору производственных ресурсов. Результаты такого тестирования были противоречивы: иногда они не соответствовали теории, а иногда подтверждали ее. Наиболее известное тестирование теории соотношения факторов производства было проведено Василием Леонтьевым на базе статистических данных по США за 1947 г. [4, с. 87–88].

США в послевоенный период были одной из богатейших стран мира, в избытке обеспеченной капиталом. В. Леонтьев, приступая к расчетам, ожидал, что они в полном соответствии с теоремой Хекшера – Олина подтвердят позиции США в экспорте капиталоемких и импорте трудоемких товаров. Используя метод «затраты – выпуск», он подсчитал затраты труда и капитала в расчете на представительный пакет американского экспорта объемом 1 млн долларов. Что касается импорта, то им были использованы данные по субститутам импорта, так как он не располагал сведениями о фактическом импорте США. Субститутами импорта являются такие товары, которые как производятся в стране, так и ввозятся из-за границы. Сделанные В. Леонтьевым подсчеты позволяли сопоставить соотношение труда и капитала в расчете на единицу американского импорта и экспорта.

В соответствии с теоремой Хекшера – Олина важнейший показатель – отношение капитал – труд (K / N) в представительном товарном пакете американского экспорта к отношению K / N в пакете импортозамещающих товаров должен был иметь значение, превышающее 1. По данным же В. Леонтьева, он составил всего лишь 0,77. В академических кругах полученные результаты вызвали большой резонанс и стали известны как парадокс Леонтьева. Полученные результаты тестирования теории соотношения факторов производства поставили экономистов в трудное положение. Одни пытались доказать ошибочность результатов, полученных В. Леонтьевым, другие рекомендовали вернуться к идеям Д. Рикардо, считая, что международная торговля лучше объясняется различиями в применяемых технологиях, чем разницей в обеспеченности отдельных стран производственными ресурсами.

Наиболее плодотворными оказались попытки разрешить парадокс Леонтьева на путях разукрупнения факторов производства вплоть до самых мельчайших. В теории Хекшера – Олина учитываются только два фактора: труд и капитал. Оперирование столь общими понятиями затрудняет анализ международной торговли и часто приводит к ошибочным выводам. Исследования, проведенные на основе разукрупнения факторов производства, позволили внести определенную ясность в выводы В. Леонтьева. Выяснилось, что капитал не являлся для США самым избыточным фактором производства. В наибольшей степени страна была обеспечена сельскохозяйственными угодьями и квалифицированными кадрами, поэтому в экспорте США велик удельный вес сельскохозяйственной продукции и высокотехнологичных товаров, а импорт представлен трудоемкими товарами, требующими для своего изготовления применения дешевого малоквалифицированного труда (текстиль, обувь), а также сырьем и полезными ископаемыми, поступающими из стран, богатых природными ресурсами.

Исследования, проведенные в связи с парадоксом В. Леонтьева, позволили обогатить и развить теорию Хекшера – Олина, добавить новые знания в общую теорию международной торговли. Тем не менее вопрос о том, насколько адекватно она отражает реалии мирового рынка, не снят с повестки дня. Более того, в некоторых отношениях этот вопрос стал актуальнее, чем несколько десятилетий назад. Изучение причин изменения конкурентоспособности ряда развитых стран свидетельствует, что происходящие в данной сфере подвижки далеко не всегда согласуются с теорией Хекшера – Олина.

В связи с этим возникло другое направление исследований, представители которого убеждены, что теория Хекшера – Олина нуждается не в совершенствовании, а в полной замене на принципиально иной основе. В рамках указанного направления создан ряд новых моделей, развивающих и обогащающих теорию международной торговли как со стороны предложения, так и со стороны спроса. В их числе можно назвать теории экономии от масштаба, несовершенной конкуренции, жизненного цикла продукции, различий в предпочтениях потребителей. Они объясняют происхождение отдельных товаропотоков, но ни одна из них не может претендовать на роль универсальной.

При всем значении предложения оно отражает лишь одну сторону рыночных отношений. Равновесные цены и равновесные объемы, как известно, определяются совместным воздействием спроса и предложения. Это положение справедливо для внутреннего национального рынка и для рынка мирового. В свое время данная проблема широко обсуждалась в рамках специального раздела микроэкономики, посвященного анализу общественного благосостояния. Выход из этих противоречий возможен только при одном довольно жестком предположении – каждый потребитель имеет одни и те же вкусы и предпочтения и наделен одними и теми же факторами производства. В таком случае распределение дохода остается неизменным, каждый богатеет или беднеет в одной и той же степени.

Несмотря на большую условность сделанного предположения, только при этом условии возможно получить непересекающиеся общественные кривые безразличия, которые можно использовать для оценки эффекта международной торговли и влияния проводимой торговой политики на общественное благосостояние. В условиях отсутствия торговли страна должна найти такое сочетание внутреннего производства двух товаров, которое бы максимизировало благосостояние общества. Подобное сочетание обеспечивается точкой касания границы производственных возможностей с одной из кривых безразличия.

Международная торговля и специализация стран на изготовлении товаров, по которым они располагают сравнительным преимуществом, расширяют возможности производства и потребления благ торговли. Сдвиг границы производственных возможностей приведет к установлению нового равновесного состояния. Новое равновесие установится в точке касания линии производственных возможностей с общественной кривой безразличия, дальше отстоящей от начала координат. При этом страна не может выйти на любую, более высокую, точку в потреблении благ. Каждая из стран выигрывает от международной торговли ровно столько, сколько она получает в результате перехода на более высокую кривую безразличия.

После выявления факта взаимовыгодности международной торговли для всех участвующих в ней сторон следующим шагом анализа должна стать проблема распределения полученного выигрыша. Она имеет две стороны. Необходимо выяснить, во-первых, как распределяется полученный выигрыш между отдельными категориями экономических агентов внутри страны. Во-вторых, следует рассмотреть вопрос о том, каким образом происходит распределение полученного выигрыша между самими торгующими странами.

В условиях автаркии излишек потребителей составлял незначительную сумму. С началом торговли чистый выигрыш потребителей существенно вырастет. В отличие от потребителей, которые, несомненно, выиграли от торговли, производители товара, конкурирующего с импортным, понесут известные потери, их благосостояние ухудшится. Введя в качестве допущения принцип равноценности денег, можно утверждать, что благосостояние страны в целом повысилось. Действительно, если из выигрыша потребителей вычесть потери производителей, то чистый выигрыш нации составит значительную сумму.

Международная торговля выгодна не только для отдельно взятой страны, но и для ее торговых партнеров. Выгода, получаемая странами от торговых отношений, прямо пропорциональна изменению внутренних цен на товары после начала торговых отношений. В связи с этим важное значение приобретает соотношение цен экспорта и импорта. Под условиями внешней торговли принято понимать отношение экспортных цен данной страны к ее импортным ценам. Исчисленные таким образом условия торговли принято называть товарными или чисто бартерными условиями торговли.

Если полученное число больше 1, то условия торговли улучшаются, так как за каждую единицу экспортируемого товара становится возможным купить больше импортных товаров. В этом случае благосостояние страны растет. И наоборот, если полученное число меньше 1, то общественное благосостояние ухудшается. Анализ условий торговли позволяет получить важную информацию о положении страны в системе международной торговли, о характере тенденций его изменения. Мировая статистика свидетельствует, что условия торговли за последние годы для развитых стран в целом улучшаются, а для развивающихся стран и стран с переходной экономикой продолжают ухудшаться.

Библиографический список

1. Овчинников, Г. П. Экономика [Текст] / Г. П. Овчинников. – М., 2002.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М. ; Л., 1935. – Т. 1.
3. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогообложения [Текст] / Д. Рикардо. – Ростов н/Д, 2000.
4. Леонтьев, В. Экономические эссе [Текст] / В. Леонтьев. – М., 1990.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 165.5.
ББК 87

Н.Н. Епифанова

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК ОСНОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Феномен жизненного мира – это не столько явление западной культуры, сколько мировоззренческая схема целой эпохи – Нового времени. Для нее характерен принцип европоцентризма, отсутствие внимания к плюрализму культур. Современное понимание жизненного мира не может не учитывать тех подходов, которые сложились во второй половине XX в. в границах различных философских направлений. Идея жизненного мира как понятия (Lebenswelt) указывает не только на общность европейской культуры, но и подчеркивает уникальность отдельных культурных образований.

Происходившие в XX в. философские дискуссии не разрешили проблемной ситуации, требующей всестороннего рассмотрения данного явления. Так или иначе, но современное его понимание требует *критического* подхода, поскольку «тотальность» жизненного мира предполагает некое определенное социально-культурное сообщество, в то время как «повседневность» диктует *новый взгляд на мир*: диалог культур, коммуникация между сообществами разрушают привычные взгляды и сформированные в прошлом стереотипы, задают *новый горизонт восприятия* жизненного мира в многообразии культур.

В контексте жизненного мира приобретает особую значимость акт культуросоцидания, принцип культурного образования (Kulturbildung), своего рода жизненная возможность культурного постижения субъектом новых реалий, несущих с собой духовно-этический смысл. «Личная жизнь, – определяет основоположник трансцендентальной феноменологии жизненного мира Э. Гуссерль, – означает обобществленную жизнь как «я» и «мы» в горизонте сообщества, а это – сообщества различных простых и стратифицированных форм, подобных семье, нации, наднациональной общности» [1, с. 354].

Жизненный мир – это пространственный и временной мир, и к его собст-

венному, бытийному смыслу как смыслу жизненного мира принадлежит установка только на *временной модус настоящего*. В качестве феномена культуры жизненный мир подвержен культурно-исторической трансформации: в плане своего собственного горизонта культуры он сам отсылает к временным модусам морального сознания – духовно-нравственным ориентирам прошлого и будущего. Таким образом, не удивительно, что содержательный смысл жизненного мира человека как *явления* определенной конкретной повседневности, духовно-нравственную созидающую сущность которого еще предстоит выявить в горизонте современной культуры, следует строго определять реальной системой воспитания и образования. Иными словами, духовный жизненный мир – это не только индивидуальный опыт человека, но и то «общее», объединяющее всех и каждого основание, в котором отдельный человек – «единичное» и «уникальное» явление – вписывается в духовную общность, имеющую свою собственную языковую, национальную и религиозную, одним словом, *культурно-историческую* особенность.

Жизненный мир содержит не только внутреннее духовное ядро моральной жизни, но и является *материальной формой* проявления саморазвивающегося этноса, тождественного миру нравственных ценностей реального сознания. А это означает, что осмысление окружающего мира у каждого человека начинается с *чувства реальной причастности к идеальным константам*: к родному языку, семейной традиции, сфере образования и воспитания души и тела. Жизненный мир человека, следовательно, вырастает из единого неисчерпаемого «корня» – духовно-нравственного отношения человека к материальному миру, Богу и самому себе.

Генезис понятия «жизненный мир» в современной философии показал, что интерес к феномену жизненного мира человека в XX столетии не замыкается в рамках только сугубо феноменологических потребностей, но задает более широкий контекст экзистенциальной проблематики. Теоретическая реконструкция экзистенциалистами индивидуального жизненного мира показала, что данное понятие само по себе может выступать в качестве альтернативы «наличных условий» социального бытия человека.

Еще ранние неокантианцы баденской школы в лице В. Виндельбанда и Г. Риккерта усмотрели в кризисе социального значения наук необходимость восполнения существующей действительности *ценностным отношением* человека к миру и самому себе. «Царство этических ценностей» [2, с. 118] высветило имеющееся противоречие в обосновании феноменологического концепта «жизненного мира», что породило необходимость в *новом осмыслении* феномена нравственного сознания как *основы основ* жизненного мира человека. Выявление проблем нравственно-психологического порядка выступает важнейшей теоретической задачей, порождающей возможность поиска духовно-нравственных ресурсов жизненного мира человека. Формулировка гносеологической составляющей раскрывает возможности для определения *исходного* нравственного идеала жизненного мира – специфического предмета анализа современного идеализма.

Нравственные ценности являются движущей силой созидания многообразия культурных феноменов. Жизненный мир человека наполнен ценностными

представлениями. Мир материальный и духовный обладает для каждого отнюдь не одинаковой значимостью. В границах ценностного сознания формируются и идеалы будущего, ибо, как чистое сознание, ценность является некоторым «идеальным бытием». В качестве системообразующего элемента, ценностного ядра жизненного мира выступает «духовная матрица» – человеческая жизнь. Человек сам создает свой ценностный мир: «идеальные образы блага, счастья, гармонии без должной институционализации не являются абсолютными гарантами положительной стабильности ценностного бытия человека» [3, с. 38]. В связи с этим ценностное отношение человека к миру имеет в основе познавательные константы, укорененные в принципах и правилах жизненного мира. Не только акты познания имеют *аксиологическое* измерение [4, с. 27], но и этическое отношение к миру обладает ценностью. Оно коренится в сфере чистого сознания и проявляется различным образом в сфере жизненного мира человека.

В русской традиции трансцендентальной феноменологии Г.Г. Шпет в работе «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы» впервые определил этот вопрос как сущностный, поскольку, по его мнению, исходной точкой феноменологии является «идея», адекватная греческому «эйдосу». <...> А при таком обновленном идеалистическом взгляде «платоновское царство идей раскрывается нам как наше царство» [5, с. 27, 181]. «Действительный мир, – пишет Г.Г. Шпет, – как и всякий возможный иной мир, мыслим только в коррелятивном отношении к сознанию» [5, с. 50]. «Воплощением», «обнаружением» духа являются осмысленные, телеологические «связи», которые «мы не построим, а действительно находим» [5]. Тем самым различные формы духа (язык, искусство, философия, право) он определяет в качестве *онтологических* конструкций любой телеологически организованной системы. Понимание единства мира «естественного» и мира «социального» возможно только при «уразумении» единой цели.

В современных условиях обращение к понятию нравственного идеала приобретает особый смысловой и ценностный характер. Термины «нравственные ценности», «нравственная жизнь», «духовно-нравственное совершенство», «нравы» не только имеют теоретическое значение, но и в большей мере обладают *практическим и прикладным* значением. Идеал есть основа причастности к миру духовного, фундаментальная основа жизненного мира человека. Он выступает как модель, ориентир, высшая цель, ориентирующая на будущее. Дух придает смысл бытию. Утрата же идеала духовности оборачивается утратой смысла, потерей нравственных ориентиров и воли [6, с. 318–321]. Следовательно, усиление моральной жизни связано не только с нравственным сознанием, но и многообразием форм проявления духовного содержания, заповедей и норм.

Русский философ И.А. Ильин определяет «дух» в качестве силы самоопределения к лучшему, он считает, что путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание. Христианский священник А. Мень за понятием «духовность» видит «жизнь духа», которая остается совершенно непостижимой и независимой от человека. В русле основных идей нравственной философии «всеединства» проблемы нравственности В. Соловьев развивает в фунда-

ментальном труде «Оправдание добра». Добрая нравственность, указывает он, пронизывает и природу, и общество, и каждого человека в отдельности, поэтому нравственное зло философ относит к врожденным задаткам человека и связывает с плотским характером деторождения, «плотским актом». Однако это естественное, «природосообразное зло» выступает одновременно и элементом исходного нравственного добра. В связи с этим идея возможности достижения каждым последующим поколением большего нравственного совершенства – залог духовной культуры, основа искусства общения. Духовная любовь, которая обращена и к телу и к душе человека, есть основной путь духовно-нравственного совершенствования. Этот высший вид любви воспитывает такое качество личности как стремление к абсолютному добру. Именно идея личности – *нравственно-действующей силы* определяет подтекст положений В. Соловьева о нравственном субъективизме [7, с. 117]. Феноменология ценностей «жизненного мира» должна быть дополнена *трансцендентальной аксиологией нравов*.

В современной дискуссии, которая ведется вокруг философии образования, вопрос об определении «нравственных ценностей» и «моральных задатков» в деле воспитания является главным. В качестве нравственных целей образования определяются «сверхличностные культурные ценности», «воспитание сердца и характера», «самоценность каждого индивида» [8, с. 360]. Социализация сегодня требует иных ориентиров и ценностей и, стало быть, диктует свои особые и конкретные цели: «конструктивный конформизм», «плюрализм мнений», «стратегия выживания», «любовь – семья – здоровье». Однако в стороне остаются важнейшие вопросы «этической» стороны жизни.

По справедливому замечанию А.Г. Мясникова, «этические ценности» в современной философии образования понимаются как «разновидность натуралистической этики», имеющей своей конечной целью не моральное поведение человека, а «достижение общественного успеха, признания и благоденствия» [9, с. 86]. Тем самым современная этика ценностей есть *превращенная форма* отчужденного морального сознания: на месте одной формы сознания в качестве предшествующей истинной формы появляется другая, более сложная, отчего предшествующая форма обнаруживает для нас свою неистинность, и каждая последующая форма опровергает предшествующую.

Следует исходить из того, что сознание – не данность, а заданность: оно может состояться, а может и не состояться. Это относится и к моральному сознанию человека. Движение по отчужденным формам сознания – от отчужденного самосознания к иррациональному разуму и далее к духу, религии – не только стирает и уничтожает ценность и значимость морального сознания, но и требует тройной рефлексии: *принцип свободного духа* состоит не столько в том, что он способен сущее познания полагать как душевное, а духовное превращать в объективное, но в том, что сфера субъективного духа не преодолевается обществом, но исключительно создается исходя из своего внутреннего принципа, масштабным измерением которого является *нравственные начала* в жизненном мире человека.

Культура сама по себе не может быть духовной основой, она лишь внешняя среда для взращивания и развития добрых задатков. Культура есть не только

возможность еще большей культуры, а и «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще», ее следует понимать как «пригодность и умение осуществлять всевозможные цели, для чего природа... могла бы быть использована человеком» [10, с. 262–264].

«Закон культуры» – не просто интеллектуальное отвлеченное понятие ума или абстрактная идея, а личный, ответственный поступок, изначально имеющий нравственное измерение. Идеал культуры И. Кант связывает с «умопостижимым моральным миром», возможность которого реализуется в «мире природы» человека. Идеал культуры есть своего рода априорный этический принцип, поскольку он связан с идеей о высшем благе в «моральном мире» людей. Стремление к доброй воле, к высшему благу – не только высшая, практическая максима разума, но и «разумная цель человечества».

Закон культуры – это поворот человека к нравственности, знаменуемый утверждением в «жизненном мире» практического принципа свободы воли. Благородство и ответственность, доверие и искренность, долженствование и воление возникают в момент личного и свободного преодоления собственной индивидуальной культуры, и, каким бы это не показалось парадоксальным, необходимым условием для свободы как преодоления выступают возможности существующей культуры воспитания и образования. Именно в данном плане феномены духовно-нравственного отношения человека становятся не только философской или педагогической проблемой, но необходимым образом должны стать трансцендентальным предметом философской и педагогической аксиологии нравов.

Библиографический список

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб., 2004.
2. Устьянцев, В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты [Текст] / В. Б. Устьянцев. – Саратов, 2006.
3. Риккерт, Г. Введение в трансцендентальную философию: Предмет познания [Текст] / Г. Риккерт. – Киев, 1904.
4. Барышков, В. П. Аксиология личности [Текст] / В. П. Барышков ; под ред. В. Б. Устьянцева. – М., 2005.
5. Шпет, Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы [Текст] / Г. Г. Шпет. – Томск, 1996.
6. Ханова, О. В. Ценности современного человека [Текст] / О. В. Ханова // Человек в современных философских концепциях : мат-лы IV Междунар. конф., г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г. : в 4 т. / отв. ред. Н. В. Омельченко. – Волгоград, 2007. – Т. 3.
7. Белов, В. Н. История русской философии [Текст] / В. Н. Белов, В. П. Рожков. – Саратов, 2006.
8. Биби, Р. Образование в третьем тысячелетии [Текст] / Р. Биби // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : мат-лы III Российского философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.) : в 3 т. – Ростов н/Д, 2002. – Т. 1.
9. Мясников, А. Г. Педагогическое учение И. Канта и современная философия образования [Текст] / А. Г. Мясников // Кантовский сборник. – Калининград, 2004. – Вып. 24.
10. Кант, И. Соч. [Текст] : в 6 т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 5.

А.В. Залевский

**ИДЕЯ ПРИРОДНОГО СОВЕРШЕНСТВА
В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ
ВОКРУГ БУДУЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА
(ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Сегодня философы говорят о свойственной современной ситуации мировой тенденции к становлению глобальной метапарадигмы человека. Важным является поиск главных механизмов «внутрисистемного взаимодействия между локальными цивилизациями, который ведет к конфликту ценностей и парадигм» [1, с. 174]. С одной стороны, человек провозглашается как высшая, естественная ценность и общественный элемент мира, с другой стороны, ощущается стремление избавиться от идеи человека на фоне все большей дегуманизации действительности. Индустриальная цивилизация, как впрочем и технологическое общество риска, диктуют человеку свои собственные варианты жизненного поведения, в результате чего социальное подавляет личное пространство, в котором человек только и может сохранить возможность быть самим собой.

В истории философии проблема природы человека рассматривалась сквозь призму соотношения души и тела и решалась в соответствии с устойчивой для определенной эпохи мировоззренческой установкой: космоцентрической, теоцентрической и антропоцентрической. И. Кант был первым в европейской философии Нового времени, кто глубоко продумал и поставил вопрос о специфической природе человеческого развития, принципиальной несводимости этого развития к природной эволюции живых и неживых тел. Как справедливо отмечает В.М. Межуев, «глубочайшим основанием кантовского понимания истории человечества явилось резкое размежевание «мира природы» и «мира свободы». Если первый подчиняется естественной необходимости, определяемой рассудком, то второй находится в ведении «разума», полагающего для него свои законы» [2, с. 27].

В этом смысле о человеке, вслед за И. Кантом, говорится как о феномене мира чувственного и мира сверхчувственного, сущего и должного, где сущее определяется прежде всего явленностью человека в качестве физического лица, обладающего физическим телом и способностью к чувственному восприятию самого себя в качестве самости и тем самым стремящегося к внешней ориентации в мире. Должное же человеческого – *трансцендентальная определенность* человека. Человек – *физическое лицо* воспринимается как существо моральное, то есть личность. В первом случае основой восприятия будет априорное предпочтение физической потребности (естественное питание, физическое развитие и размножение), во втором данное предпочтение будет осуществляться по отношению к самим ценностям и идеалам нравственного совершенства.

Это значит, что внешнюю среду и сам мир с антропологической точки зрения следует понимать в качестве *объективного* условия раскрытия природы человека, в то время как *субъективным* условием будут выступать способности самого человека, в идеале направленные на его совершенствование в целом.

Сегодня «антропологический поворот» является отправным пунктом в современной научной дискуссии вокруг будущей эволюции человека. В начале XX в. направление дискуссии о совершенствовании природы человека задал неокантианец Э. Кассирер. Эволюционное развитие человека он связал со способностью к символизации, идеализации форм духа и культуры. Проблема «первичной артикуляции мира», считает он, соотносится с важнейшими элементами – душой и телом, однако ни одна теория параллелизма не смогла объяснить единство души и тела. Вместо традиционной схемы онтологической причинности Э. Кассирер предлагает усматривать «символический смысл» в трансцендентальной форме связи: душа составляет смысл тела, а тело есть форма явленности души [3, с. 86]. Трансцендентальный смысл связи означает, что в отношениях между душой и телом существует только *одно время*, нет прошлого и нет будущего, это – одно *целое*, определяемое нераздельным дуализмом своих элементов. Конкретное телесное и духовное единство человека, являющегося целостным феноменом, и есть то исходное *основание* познания мира, *априорная форма* конструирования реальности, своего рода универсум символических форм бытия. Бытие человека поэтому – не просто его существование в окружающем материальном мире, а прежде всего результат «синтеза мира и духа».

В современной философии проблема соотношения человеческой телесности и духовности рассматривается в контексте научного прогноза будущего человеческой природы. Биологические исследования, традиционно проводимые в прошлом на животных, сегодня замещаются развитием всевозможных биотехнологий, отчего вновь становится актуальным вопрос об усилении этической компоненты науки. В особенности это касается теорий, связанных с исследованием глубинных структур живого, расшифровкой генома человека. Современный биологический мир в науке обретает отчетливо выраженную этическую составляющую, что говорит в большей мере о значимости формирования в последние десятилетия новых междисциплинарных направлений типа биоэтики, экологической этики и других. Известный немецкий философ Ю. Хабермас даже задается вопросом: возможно ли современный антропологический кризис понимать как новый выход науки к проблемам совершенствования природы человека, созданию качественно новых образцов и моделей техники с целью «инструментализировать человеческую жизнь»? Допустимо ли, что наука использует человеческую жизнь с селекционными целями [4, с. 30–31]? Современная дискуссия показала, что «антропологический кризис» выявил две взаимоисключающие позиции, которые поддерживаются сторонниками научной доктрины эволюции и теологически настроенной общественностью. «Соратники эволюции» и «представители образа Божия» – две глобальных метафоры, которые задают символический характер дискуссии и порождают современную концепцию «самотрансформации человека как вида».

Эволюционная теория не в первый раз порождает в обществе острейшую дискуссию. На рубеже XIX и XX вв. социал-дарвинистская теория в форме идеоло-

гии радикально способствовала ослаблению «социально-моральных оков», порождая в культуре модерна выпады в сторону морали и критики разума. Витальный волюнтаризм Ницше — это выражение не только «философии жизни», но и «философии будущего», основным лейтмотивом которой выступает Сверхчеловек. На место морали и вековых христианских заповедей приходит «биологическая мораль», провозглашающая максимы насилия и порабощения: «Будь смел и жесток!», «Подтолкни слабого!». Воля господства над человеком становится только одним из множества проявлений стремления к деспотической и селективной воле.

Современная идея генетического вмешательства своими социальными выводами порождает конфронтацию: различие между ценным и не ценностным для жизни задает двумерность восприятия самой человеческой жизни, оставляя в стороне всякий моральный и разумный довод. Поиск нового пути для развития «либеральной» евгеники означает оформление возможности поставить под контроль саму постановку вопроса о совершенстве природы человека, а кроме того, законодательное обеспечение гарантии природного воспроизводства человеческой жизни.

В контексте дебатов вокруг будущей эволюции человека выявилась значимость современного понимания идеи природного совершенства и возможная угроза со стороны надвигающейся либеральной евгеники, отданной на откуп «лоббистским предпочтениям» участников рынка. В этом смысле следует разделить тревогу Ю. Хабермаса, который пишет, что «...мы оказываемся пленниками перспективы, в которой человеческий род вполне мог бы взять в свои руки собственную биологическую эволюцию» [4, с. 32]. Действительно, наука часто обманывается в своих благих намерениях, и поэтому всегда сохраняется риск оказаться неподготовленными к результатам генной инженерии, подобно тому, как это было в другом случае — при ядерном взрыве в Хиросиме. «Лучше иметь принципы, охватывающие также и невозможные ситуации, чем оказаться вообще без принципов в ситуации, которая неожиданно сваливается на нас» [4, с. 134].

Данный вопрос имеет и другое измерение: почему современная этика как философская наука *вынуждена освобождать пространство* для тех разновидностей технических наук в биологии и психологии, которые, разрешая собственные задачи частного характера, перенимают на себя философскую и даже в большей мере метафизическую задачу ориентации в жизни? Неужели борьба за *этическое самопонимание* человеческого рода окончилась победой техники и биотехнологий? Неужели лоббизм генных технологий в мировой науке и рыночном производстве сегодня настолько силен, что готов изменить антропологическую ориентацию в мире, и из этого нового, эволюционно не обусловленного процесса, совершенно исключены моральные размышления? Как стало возможным, что сама человеческая жизнь стала частью биосоциальной селекции?

Так или иначе, но современная био- и психотехнологизация человеческой природы, по существу, означает, что человек окончательно выделяется из природного мира и обретает черты искусственно созданного, рационально программированного, по меркам самого же человека, существа. Проблема заключается еще и в том, что подобная стратегия будущей жизни человека будет лишена автономной индивидуальности и будет определяться всецело коллек-

тивными целями здоровья и социальными предпочтениями времени его жизни. Тогда вопрос «Что означает морализация человеческой природы?» приобретает совершенно трансцендентально-философский характер.

Этическое самопознание человека в контексте классической философии, философии модерна природу человека определяет *видовой* особенностью: в одном случае видом *animal rationale*, в другом – *Homo sapiens*. Современная попытка либеральной евгеники в жизни человека породить некоторую политическую философию способна заменить важнейшую – моральную – рефлексию, составную часть «внутренней природы» человека, изменить гуманитарную составляющую самой науки и, стало быть, культуры вообще.

Дискуссия, развернувшаяся на IV Международном симпозиуме, выявила «социальный и политический характер евгенических практик». «Больше всего, – пишут немецкие исследователи П. Вайнгарт, Ю. Кролль и К. Байертц, – удивляет существующий параллелизм между новыми технократическими и «старыми» евгеническими установками. Поражает также обилие практически лишенных исторической рефлексии суждений в вопросах реализации евгенических программ» [5, с. 647]. Современная «либеральная» евгеника располагает такими «скрытыми» механизмами и средствами, которые «делают возможным в обход этических принципов осуществить селекцию людей. Новые техники позволяют обходить традиционные этические возражения либо устранять их как иррациональный фактор сопротивления. Евгеническое усовершенствование человеческого вида попадает в сферу гуманитарных технологий и репродуктивных техник и граничит с областью преступного» [5, с. 15].

В дискуссиях постоянно подчеркивается, что в истории науки евгенические идеи органично сочетались с расистскими установками национал-социализма и выразились в антигуманной евгенической практике германского национализма. Немецкие исследователи справедливо отмечают, что этика поведения, вытекающая из эволюционной теории, «определенным образом противоречит индивидуалистской этике христианства и просветительскому принципу равенства» [5, с. 18].

История евгенической мысли опирается на определенного вида *социальный* идеал человека, но всякий социальный идеал исторически и политически ограничен, привязан к определенному уровню развития в обществе социальной рефлексии. В связи с этим важно учитывать состояние социально-гуманитарных наук.

В отечественной мысли под гуманитарными науками до последнего времени традиционно понимались «обществоведение» и «обществознание». Европейские классические науки о культуре (*Kulturphilosophie*, *Kulturwissenschaft*) и науки о духе (*Geistwissenschaft*) в контексте притязаний современной философии науки стали рассматриваться в качестве «сферы гуманитарных наук» и, наряду с психологией, социологией и политологией, призваны объяснять *историческую диалектику* освобождения и порабощения человека как переживающего, действующего и говорящего существа. Опираясь на *идеалы* примитивного натурализма, гуманитарные науки о человеке принимают в себя *физикалистскую* методологию, отчего становятся опасными посредниками в деле разрушительного обоснования человеческой природы. Натуралистический взгляд на природу человека исключает философско-антропологический подход: натурализм основыв-

вается в первую очередь на философии *наивного поверхностного реализма*, полагающего, что мир, которому противостоит человек, есть только материальный мир вещей. В этом случае объяснение строится на принципах наивного эмпиризма, человек воспринимается как естественное, биосоциальное существо, что роднит в некотором роде теорию Дарвина с социальной теорией К. Маркса.

Так или иначе, но в критике гуманитарных наук есть свое рациональное зерно. В отличие от философии культуры и философской антропологии, гуманитарные науки в своем арсенале опираются на понимание человека в качестве *объекта* научных исследований, отчего отрицают *субъективную* составляющую человека – *апорию воли* к самопознанию и, стало быть, самообъективации ее в истине и во власти. Постмодернистский дискурс философии человека вскрывает скрытый тезис «гуманитарных наук» – стремление к власти над человеком: это – цель всякого замаскированного господства и тем самым дискурсивных практик власти. Действительно, «пустота исчезающего человека» (М. Фуко) должна быть философски осмыслена, однако, структурализм вряд ли способен совершить *действенную* критику. Отказавшись от автономности форм познания, он способен обосновать лишь их подчиненность технологиям власти и, следовательно, выстроить систему знаний о человеке на почве натуралистической теории общества. Кроме того, исходные основания постистории возвращают к закрытой системе целесообразного изменения и преобразования действительности, что сближает его с натуралистической парадигмой *витального* типа. А это значит, что отправной предпосылкой будут идеи адаптивного и приспособительного порядка, задаваемого не природой и природной средой, а сугубо социальными непреложными и безальтернативными предпочтениями.

Отличие трансцендентально-философской позиции от натуралистической именно в том и состоит, что целью натурализма признается эволюционное развитие человека в грубой или более уточненной, в индивидуальной или социальной форме *материально* детерминированного существования. «Человек, – как замечает В. Виндельбанд, представитель баденской школы неокантианства, – есть не только цвет мира чувственного, но также и составная часть мира сверхчувственного. Поэтому развитие его следует рассматривать также с точки зрения цели, составляющей основную категорию нравственного мира. Историю человека нельзя философски понять, не зная ее цели... <...> У Канта же цель истории нравственная» [6, с. 148–149].

И. Кант цель истории определяет трансцендентально – *телеологией свободы*, то есть отношением человеческой культуры к природе. В антропологической перспективе, как показал философ, историческое развитие человека обосновывается понятиями «задатков» человека и его моральным предназначением к собственному совершенствованию в лоне природы. Подобная, природная, целесообразность в контексте *метафизики свободы*, считает он, задается самой сущностью человека, его природной способностью к разумному самоопределению и родовым отличием от мира животных.

В трансцендентально-философском понимании человека телеология свободы заостряет морально-этическую составляющую всякого учения о человеке. Трансцендентально-антропологический подход к идее природного совершенствова-

ния человека выявляет важнейшее требование для современных позитивных наук – научные исследования природы человека должны включать в себя *этический* компонент, поскольку идея искусственного вмешательства в данную сферу требует от науки признания новых горизонтов в *философском осмыслении* – принципов целостности природы и человека, разумного и равноправного взаимодействия людей на планете Земля.

Либеральная евгеника в этом смысле должна задать самой себе вопрос о том, может ли осуществленное различие между субъективным и объективным, духовным и телесным стать предметом торга в генетическом программировании, а сама «логика исцелительства» определить дальнейшую перспективу развития наклонностей и способностей будущей личности? От ответа на этот вопрос будет зависеть само отношение к человеку как объекту евгенического программирования, от образа «естественно выросшего человека» лежит прямой переход к технологии – «человеку, искусственно сделанному». Перемена в сознании людей потребует и нового переосмысления экзистенциальных констант в вопросе душевного и телесного существования.

Библиографический список

1. Карагод, Ю. Г. Глобальная цивилизация как предпосылка становления метапарадигмы человека [Текст] / Ю. Г. Карагод // Разум и культура. – Саратов, 2001.
2. Межуев, В. М. Проблема культуры и цивилизации в философско-историческом учении Канта [Текст] / В. М. Межуев // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. – М., 1988.
3. Кассирер, Э. Философия символических форм [Текст] : в 3 т. / Э. Кассирер ; отв. ред. Д. М. Носов ; пер. с нем. М. А. Руткевич. – М. ; СПб., 2002. – Т. 3.
4. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы [Текст] / Ю. Хабермас. – М., 2002.
5. Weingart, P. Rasse, Blut und Gene [Текст] / P. Weingart, J. Kroll, K. Bajertz. – Frankfurt a. M., 1988.
6. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками [Текст] / В. Виндельбанд. – М., 1998.

УДК 316.33
ББК 55.324

Е.И. Жукова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ

Обеспечение безопасности граждан предполагает, что кадры, ответственные за правопорядок, должны быть не просто профессионально грамотными, но и эрудированными, высоконравственными, то есть культурными в широком смысле слова. В выполнении профессиональных функций работника-

ми правоохранительных органов такие факторы, как мировоззрение, совокупность социально-профессиональных ролей и развитое самосознание, приобретают особенно большое значение.

Культура профессионала милиции внешне детерминируется потребностями общества в сохранении, развитии и защите человека, среды обитания, оказании помощи разным социальным группам в достижении их целей, ценностей и идеалов. Предотвращение правонарушений, культура безопасности, равноправие граждан перед законом, доверие, сотрудничество, диалог – эти и ряд других понятий характеризуют технологию адекватного, упреждающего реагирования органов правопорядка на формирующиеся и состоявшиеся угрозы, риски и вызовы.

В современном обществе все большее значение приобретают соборность, кооперативность и компромисс, которые оцениваются как ресурсы обеспечения солидарности, бесконфликтного сосуществования всех социальных групп и слоев. Ориентированность на компромиссный подход предполагает, с одной стороны, признание роли согласия, сотрудничества, готовность к терпимости, то есть некие духовные составляющие. С другой стороны, актуальны торг, уступка, сделка, представляющие своего рода рыночные ресурсы компромиссности.

В обществе как на уровне самоорганизации, так и за счет усилий менеджмента различных структур складываются и действуют отношения, в основе которых лежит логика компромисса. Подобные практики отражаются и на корпоративной культуре милиции. Этому в первую очередь способствует идеология демократии, необходимость считаться с правом сообществ на определенный уровень самостоятельности в принятии решений и их реализации. Включение в функции милиции деятельности, носящей коммерческие элементы (например, охрана объектов, владелец которых может проявлять «несанкционированную» благотворительность к кадрам МВД), также формирует почву для компромисса.

Во взаимодействии с разными категориями населения сотрудник правоохранительных органов не может ограничиваться только уставными правилами, которые определяют круг его функций. Компромисс, как неотъемлемая черта взаимодействия сотрудников МВД с населением, реализуется в ослаблении и полном отказе от применения санкций даже при явных признаках девиантности. Оправдание их может строиться на гуманности, прощении незначительных непреднамеренных нарушений пожилыми людьми, инвалидами, другими слабозащищенными категориями населения. Некоторые уступки могут оправдываться сложившимися обстоятельствами и текущим моментом. Например, излишняя активность болельщиков, доходящая до вандализма, оправдывается в корпоративной культуре милиции по принципу: все мы болельщики и знаем, чего стоит сдерживать эмоции. Индивиды, по разным причинам попавшие в поле внимания сотрудников МВД, нередко применяют к последним все приемы компромисса согласно установлениям рынка, то есть стремятся добиться уступок путем подкупа. Так, стремление автомобилистов загладить свою вину, предлагая взятку инспектору ГИБДД, стало рядовым, общеизвестным явлением.

Чтобы понять поведение человека и его намерения, нужно исходить из ситуации, в которой они реализуются. Без адекватного культурного контекста общение между людьми может принять превращенные формы [1, с. 30–40]. Само общение людей строится на общих признаках, среди которых важнейшее место принадлежит, во-первых, тому, что каждое взаимодействие имеет содержание и измерение отношений. Во-вторых, каждое взаимодействие определяется тем, как коммуникаторы акцентируют события. В-третьих, чтобы понять и вычленив основную информацию (важную с точки зрения ситуации, которую исследует сотрудник милиции), необходимо иметь не просто жизненный опыт, но и умение понять другие культуры и субкультуры.

Сотрудники разных органов МВД входят в структуру организаций, совершенствование функций которых во многом зависит от самонаблюдения, отслеживания собственного уровня взаимодействия с внешней средой. Частично эта задача решается посредством переподготовки кадров в существующей, нормативно установленной системе. Как показало исследование, эта система не охватывает весь персонал органов МВД. К тому же в ней ослаблены социально-психологическая, педагогическая и общекультурная компоненты. Между тем сотрудник правоохранительных органов зачастую оказывается в ситуации, когда принять правильное решение можно лишь с помощью солидного социокультурного опыта.

Опираясь на подходы к коммуникации М. Savile-Troike, можно сформулировать ряд проблем, стоящих перед профессионалом, которому необходимо понять культуру клиента, будь он обратившимся с жалобой, за помощью или подозреваемым в нарушении правопорядка. Для этого необходим непосредственный опыт, позволяющий:

не допускать преувеличения стереотипов, сложившихся в правоохранительной среде (например, «все чеченцы потенциальные преступники» или «человек, побывавший в пенитенциарных учреждениях, потенциально склонен к рецидиву»); в любой корпоративной культуре есть свои стереотипные предрассудки, не являющиеся исключением и культура сотрудников органов МВД, что в принципе неизбежно; важно, чтобы стереотипы не повлияли на весь комплекс черт и характеристик профессионала – речь идет о весьма «тонкой материи», не видимой за чередой процедур, техник деятельности, в которые повседневно погружен сотрудник органов МВД;

учитывать то, что кажущееся важным и логичным в одной культуре (субкультуре) может представляться иррациональным и незначительным человеку другой культуры; данное положение особенно значимо в ситуациях разбора конфликтов, участниками которых являются представители разных этносов;

понять язык субкультуры, чтобы понять всю культуру.

На последний из отмеченных вызовов следует обратить особое внимание, поскольку типичными являются ситуации, когда лица, задержанные по подозрению в правонарушениях, отвечают на вопросы исключительно на сленге. Профессионал органов милиции, конечно, должен приучать таких лиц к «нормативной» лексике, но вполне возможны ситуации, когда допустимо прене-

бречь чистотой языка для ускорения процесса выявления истины. С помощью качественных методик нами обнаружены следующие данные, свидетельствующие о знании сотрудниками милиции языка тюремной субкультуры, с которой им чаще всего приходится соприкасаться. Такие термины, как «висяк», «мелкач», «заехать на хату», «ходка», «ксива», «шмон» и другие, хорошо известны основной массе рядовых сотрудников, офицеров и старших офицеров МВД. Исключение составляют вольнонаемные, которые не обладают подобным «словарным запасом».

По мнению информантов, профессиональный язык кадров органов МВД довольно сильно засорен, то есть и в своем кругу они нередко используют общий с тюремным сленгом язык. Например, слова: «ошкурить» – взять деньги, «нахлобучить» – отказать, «косяк» – применить неправильные доказательства – довольно распространены в профессиональном жаргоне милиции.

Еще один вызов сводится к тому, что собственное чувство культурной идентичности часто подвергается испытанию при столкновении с другой культурой. Вторичный анализ данных исследования С.М. Федюниной, проведенного среди сотрудников МВД, свидетельствует, с одной стороны, об их терпимости к переселенцам из других мест, которые могут в принципе усилить криминальную ситуацию. С другой стороны, работники правоохранительных органов признают, что в полиэтнических структурах органов МВД работать труднее, в частности многие (18,1%) отметили, что часто встречаются с неприязненными отношениями представителей одних этносов по отношению к другим. Больше половины (58,5%) считают, что следует принимать специальные усилия, чтобы снизить возникающую напряженность. Так, 49,8% опрошенных полагают, что нужно проводить специальные беседы с личным составом, 38,4% – приглашать психологов и социологов читать лекции по данной теме [2, с. 200–201]. Среди других предложений многие указали на необходимость лучшего подбора кадров – порядочных, воспитанных, образованных. Отмечается также целесообразность повышения культурного уровня кадров правоохранительных органов.

По данным нашего исследования (в 2007 г. по Саратовской области опрошено 182 сотрудника МВД – в равных долях офицеры, сержанты и вольнонаемные по случайной выборке), современное состояние общекультурного уровня сотрудников милиции находится на недостаточно высоком уровне. В занятиях, проводимых в подразделениях и способствующих повышению культурного уровня, принимают участие менее половины работников районных отделений милиции (40,9% офицеров, 45,8% сержантов, 35% вольнонаемных), тогда как потребность в профессиональной подготовке весьма велика.

По данным другого исследования, проведенного среди молодых работников служб МВД г. Омска, только каждый четвертый опрошенный считает уровень своего образования достаточным для успешной работы, 48% указывали на необходимость теоретической подготовки, что можно рассматривать как осознание пробелов в личной культуре [3, с. 56]. Об этом же свидетельствуют данные нашего исследования: за три месяца, предшествующих опросу, не прочитали ни одной книги 16,6% офицеров, 22,9% сержантов, 25% вольнонаемных. Впрочем,

сегодня читательская культура остального населения не выше, чем у сотрудников органов МВД [4, с. 232–252].

Индикатором культуры индивида является оценка им проблемных ситуаций, возникающих в результате взаимодействия со средой. В ходе наших исследований получены некоторые высказывания, которые позволяют сделать выводы о культурных установках сотрудников органов милиции.

Интервьюер: Некоторые люди говорят: когда я вижу наряд милиции, идущий мне навстречу, я перехожу на другую сторону улицы. Чем Вы объяснили бы это?

Полученные ответы:

«Так может думать человек, который не дружит с законом. Если человек ничего не совершал и идет трезвый, в чистой одежде, то ему незачем уклоняться от встречных милиционеров» (сержант, 32 года);

«Люди уклоняются от контактов с милицией даже в тех случаях, когда против них совершено правонарушение, поскольку законы недостаточно защищают человека» (офицер, 40 лет).

Интервьюер: Как Вы думаете, реализуется ли в жизни идеал «участковый – от слова участие»?

Ответ: «Идея эта хорошая, и она реализуется, но преимущественно в селе. В городе, в связи с изменением сознания населения, участковый так не воспринимается» (офицер, 35 лет).

Служба в органах милиции, помимо самореализации человека как профессионала, в качестве неотъемлемого элемента предполагает карьерный рост, продвижение, признание. Среди мотивов продвижения кадров МВД, помимо стремления приобретения более высокого формального статуса, главным является признание. Как писал Ф. Фукуяма, во имя идеи признания на Земле происходило много событий: от достижения политических реваншей, экономических достижений отдельных индивидов, до войн между государствами, народами, отдельными социоструктурными группами [5, с. 242–254]. В организациях жесткого типа, каковыми являются армия или милиция, признание коррелируется с карьерой: чем выше находится человек на ступени служебной лестницы, тем большее число людей зависит от него и тем больше оснований испытывать удовлетворение от легитимной власти. Но высоких должностей не так много, поэтому сохраняются и другие способы достижения признания.

Наибольшее признание в кругу равных и среди младшего состава вызывает образ сотрудника, имеющего боевое прошлое, заслуги, подтвержденные наградами. Большим уважением пользуются те, кого относят к специалистам-интеллектуалам. К ним внутрикорпоративное общественное мнение причисляет тех, кто много знает не только в области, очерченной их должностными служебными инструкциями, но и в более широком социокультурном контексте.

В милиции, как и в любых других современных структурах, социальные сети играют не последнюю роль в положении отдельных сотрудников. Как и в гражданских организациях, в органах МВД есть сотрудники, пользующиеся покровительством влиятельных лиц, способных продвигать близких им людей по служебной лестнице. Сотрудники, имеющие таких покровителей, не просто воспринимают это как дар судьбы, но в силу уровня личностной культуры часто

демонстрируют свое особое положение. Для них важно, чтобы сослуживцы чувствовали, что перед ними «крутой» парень, независимый в отношениях с равными и даже начальством. Такой милиционер подчеркивает свою близость со значительными персонами совместными фотографиями, ездит на шикарной иномарке, как правило, с «блатными» номерами (из интервью – мнение офицера, 42 года). Профессионализм в таких случаях не является основным критерием продвижения и признания.

Опираясь на взгляды Э. Хьюза и развивая их применительно к персоналу организаций «жесткого типа» (армия, милиция), можно предложить в целях разрешения противоречий, возникающих в процессе реализации профессиональной роли сотрудника милиции, независимо от иерархии служб и званий, следующие ориентиры формирования корпоративной культуры:

- интеллектуализация деятельности, предполагающая профессиональный рост и личностное развитие;

- привлечение науки для создания применяемых профессиональных технологий, а также осуществление подготовки и переподготовки сотрудников в целях обеспечения практики применения таких технологий;

- осуществление теоретической подготовки сотрудников и совершенствование их профессиональных навыков, основанных на теоретических знаниях;

- достижение высокого уровня компетентности и ее подтверждение экзаменами;

- формирование качеств самоорганизации как в индивидуальном, так и в коллективном измерении;

- выработка и реализация правил поведения, которые демонстрируют профессиональную общность и способствуют созданию духа корпоративности; альтруистическая мотивация деятельности, доходящая до готовности к самопожертвованию ради общественного блага;

- наличие профессионального самосознания, критическое отношение к этосу, укоренившемуся в другое время и в других условиях [6].

Проводимые с определенной периодичностью среди сотрудников разных органов МВД социологические исследования могут дать информацию для понимания смыслов по всему пространству как явных, так и символических черт специфической профессиональной культуры.

Библиографический список

1. *Savile-Troike, M.* The ethnography of communication [Текст] / M. Savile-Troike. – Oxford, 1982.
2. *Федюнина, С. М.* Социокультурные различия и взаимодействия: концептуальные основания мультикультурализма в современном обществе [Текст] / С. М. Федюнина. – Саратов, 2006.
3. *Кожевников, В. В.* Проблемы профессионализма сотрудников органов внутренних дел [Текст] / В. В. Кожевников // Социс. – 1999. – № 9.
4. *Анурин, В. Ф.* От Москвы до самых до окраин (Социальное неравенство: региональный разрез) [Текст] / В. Ф. Анурин // Социология. – 2005. – № 3 / 4.
5. *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – М., 2005.
6. *Хьюз, Э.* Исследование занятий [Текст] / Э. Хьюз // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – М., 1965.

А.В. Новгородов

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ

Возрастание роли и значения информационной составляющей в структуре военной безопасности обусловлено общемировой тенденцией продвижения передовых стран к так называемому информационному обществу, где информация и информационные услуги будут основным фактором политического, экономического и социального развития. В связи с этим способность государства эффективно использовать накопленные информационные ресурсы и технологии в интересах обороны становится важнейшим показателем его военной мощи.

Несмотря на все изменения системы международных отношений и непосредственно роли и места России в мире, напряженность и конфликтность между различными группами стран, в том числе и на межгосударственном уровне, продолжают оставаться ведущими тенденциями мирового развития. Не вызывает сомнений, что именно информационная составляющая данного мирового соперничества является основным фактором, определяющим его перспективы. Данная проблематика нашла отражение в исследовательских работах Н. Костина и В. Серебрянникова, утверждающих, что грядущие войны и вооруженные конфликты будут прежде всего информационными [1, 2]. Аналогичной точки зрения придерживаются зарубежные ученые и военные аналитики. Их теоретические наработки находят практическое применение непосредственно в информационном противоборстве и информатизации военной сферы [3].

Изменяющиеся информационные параметры функционирования Вооруженных Сил России на современном этапе предписывают в профессиональной подготовке офицеров наиболее пристальное внимание уделять повышению информационной культуры военных специалистов [4, с. 24–25]. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в процессе происходящего ныне военного строительства, наряду с материально-техническим оснащением войск, их комплектованием, выработкой военной политики, ориентацией на качественные параметры развития Вооруженных Сил, особое значение приобретают проблемы, связанные со сбором, хранением, потреблением и своевременной передачей соответствующей информации. Сегодня в Вооруженных Силах РФ заметна насущная потребность в обладающих высоким уровнем информационной культуры специалистах, очевиден недостаток кадров, профессионально, на уровне современных требований, подготовленных в области обработки значимой ин-

формации. И это в то время, когда практически невозможно назвать сферу деятельности, которая не испытывала бы зависимость от наличия или отсутствия информации и не нуждалась бы в использовании новейших информационных технологий.

Как показывают результаты исследований, проведенных военными социологами, большинство руководителей и специалистов как среднего, так и высшего командного звена в настоящее время не демонстрируют высокий уровень информационной культуры [4, с. 27]. Следовательно, процесс развития информационной культуры офицерских кадров Вооруженных Сил РФ представляет собой актуальную проблему не только с позиций методологии, но и с точки зрения практической деятельности, так как переход информации в разряд важнейших ресурсов влечет за собой пересмотр основных стратегических концепций ведения боевых действий в XXI в. Особая же роль в реформировании войск отводится формированию информационной культуры современного военного специалиста.

Современный офицер является не только потребителем информации, но и активным участником информационного процесса в целом. Информационная культура офицера включает знание особенностей использования информационных потоков в военно-профессиональной области деятельности, возможностей существующих систем поиска информации, умение работать с различными источниками и документами, владение основами аналитической переработки информации и многое другое.

Для успешного осуществления профессиональной деятельности офицерским кадрам необходимо понимание закономерностей организации информационных процессов; умение организовать поиск и отбор профессионально важной информации; умение оценить достоверность, полноту и объективность поступающей информации; понимание информационных технологий как совокупности средств для решения военно-профессиональных задач; применение полученной информации в процессе профессиональной деятельности.

Сфера деятельности военных кадров имеет свою специфику. Особенности профессиональной военной службы оказывают существенное влияние на информационную культуру офицера, на ее уровень и содержание, поэтому вполне логично и целесообразно определить роль и место собственно информационной культуры в структуре культуры профессиональной деятельности офицера.

В основе профессиональной и общей культуры офицера лежат в высокой степени взаимосвязанные элементы – нравственность, профессионализм, компетентность, педагогическое мастерство, социальная зрелость. Офицер одновременно выступает в роли и начальника и подчиненного. Основные компоненты его информационной культуры находятся в тесной взаимосвязи с основными компонентами его управленческой и профессиональной культуры. Важным признаком высокого уровня профессиональной культуры офицера является достигнутый им определенный уровень культуры управления, комплекса умений, позволяющих, исходя из государственных интересов, с высо-

кой степенью ответственности, с учетом индивидуальных особенностей грамотно и успешно руководить подчиненными, направлять их деятельность на решение различных служебных, учебно-боевых, а также информационно-воспитательных задач.

Успешная деятельность управленца любого звена находится в прямой зависимости от его умений работать с различными видами поступающей из разнообразных источников информации и на основе ее анализа принимать единственно правильное в сложившейся ситуации управленческое решение. Содержание информационной культуры военнослужащего представляет собой сложный синтез взаимосвязанных, взаимопроникающих, взаимовлияющих друг на друга структурных элементов, включающих отдельные компоненты профессиональной, педагогической, управленческой и общей культуры, что в целом составляет оригинальную, своеобразную структуру.

Неотделимой частью информационной культуры офицера являются социальные чувства, сопровождающие его профессиональную деятельность. Они проявляются в деятельности офицера через его отношение к службе, своей профессии, реализации служебных задач. Эмоции и чувства офицера – неотъемлемая часть его информационной культуры. Без переживания получаемой и осмысливаемой информации трудно рассчитывать на то, чтобы знания, умения и навыки превращались у офицера в устойчивую позицию и поступки, социально мотивированную деятельность.

Один и тот же уровень общей культуры, знания, навыки и умения у разных офицеров могут неоднозначно воплощаться в информационно-профессиональной деятельности. Зависит это в том числе и от ценностных ориентаций, через которые непосредственно выражается личностная позиция субъекта по отношению к задачам военной службы. Несоответствие ценностных ориентаций офицера объективным целям и задачам служебно-боевой деятельности делает его профессиональную деятельность неэффективной. Сформированность социально значимых ценностных ориентаций переводит культуру офицера из потенциального состояния в динамичное, действующее. Без них знания, навыки, умения в области информационной деятельности, какими бы обширными и развитыми они ни были, не дадут желаемого результата в направлении формирования высокого уровня информационной культуры.

Практика показывает, что информационная культура офицера – не просто сумма знаний и умений, а интегральная характеристика уровня развития его личности. Она неотделима от уровня развития его педагогической, управленческой, профессиональной и в целом общей культуры, имеет свою специфику и отражает сущностные черты, которые характерны для содержания его служебно-боевой деятельности. Чтобы стать высококлассным специалистом, признанным профессионалом своего дела, каждому офицеру целесообразно с учетом реалий современного информационного общества регулярно уделять внимание вопросам совершенствования своих профессиональных качеств, постоянно заниматься повышением достигнутого уровня своей информационной культуры.

Изучение новых информационных технологий офицерским кадрам необхо-

димо, чтобы они были готовы к профессиональной деятельности в современной информационной среде. Но одного только знания новых информационных технологий современному военному специалисту явно недостаточно, требуется еще умение применять их на практике.

Поскольку информационный компонент является основным в любом виде деятельности, то оперирование информацией является важнейшей составляющей профессиональной деятельности офицерских кадров в целом и в различных ее составляющих. Ее значение и место может быть различным в зависимости от того, является ли оперирование информацией предметом деятельности или служит способом ее осуществления. Независимо от этого высокая информационная культура офицера становится основой для получения новых знаний и осуществления успешной профессиональной деятельности.

С учетом требований современной профессиональной сферы военному специалисту необходимо не просто приобретение определенной квалификации, а четкое представление своих профессиональных возможностей и ограничений, умение находить интеллектуальные и психологические ресурсы для выработки решений. Все это предполагает наличие способности компенсировать профессиональные недостатки, формировать новые умения и навыки, самостоятельно совершенствовать свою квалификацию.

Пути совершенствования информационной культуры офицера многогранны, зачастую зависят от условий развития его личности в процессе ее становления и от специфики жизнедеятельности военной части, в которой он проходит службу. Они предполагают совершенствование основных компонентов информационной культуры деятельности офицера, таких, как умение использовать современные информационные технологии, стремление регулярно применять поступающие сведения в информационной работе, дифференцированный подход при подаче информации, владение умениями и навыками в изучении информационных потребностей и информационных интересов личного состава.

Информатизация профессиональной деятельности офицерских кадров означает использование новых информационных технологий, их методов и средств для реализации идей оптимизации процесса профессиональной деятельности. Именно информационные технологии сегодня во многом обеспечивают готовность офицерских кадров к решению профессиональных задач.

В настоящее время существует множество разнообразных информационных средств, новых информационных технологий, под которыми следует понимать программные и аппаратные средства, работающие на базе современной вычислительной техники, а именно: компьютеры всех типов, глобальные сети, различные виды периферийного оборудования ЭВМ, современные средства связи, системы искусственного интеллекта и весь комплекс программного обеспечения компьютера. Новые информационные технологии открывают перед военным профессионалом немало возможностей, в частности эффективный свободный доступ к разнообразной профессионально важной информации, возможность самостоятельного приобретения новых знаний по специальности и оптимизация процесса профессиональной деятельности.

На необходимость использования информационных технологий в профессиональной деятельности влияет и развитие самих средств обработки информации, которые становятся все более совершенными и доступными для офицерских кадров, использующих эти технологии в своей профессиональной деятельности. В условиях научно-технического прогресса и интенсивного обмена в области военной науки и техники возрастает значение баз данных и систем автоматизированной переработки информации на основе современной вычислительной техники.

Совершенно ясно, что информационное превосходство становится главной составляющей военной стратегии, так как основу достижения победы в военных действиях в XXI в. будут определять уже не технические средства вооружений, а информация. В военно-политической картине современного мира будет неуклонно возрастать роль и значение информации. Информационное видение действительности позволит по-новому подходить к проблемам воинской службы и решению задач по защите Отечества, выделять приоритетные направления управленческой работы в войсках, прогнозировать перспективы ратного труда. Уже сегодня возникает реальная потребность в развитии на научной основе новых видов информационной деятельности военных специалистов.

Таким образом, становление современного информационного общества, ориентация на качественные параметры совершенствования Вооруженных Сил России предъявляют новые требования к личности офицера. А это значит, что офицерские кадры, являясь носителями высокого уровня информационной культуры, должны не только обладать комплексом определенных знаний, умений и навыков, качеств личности, но и умело реализовывать их в своей военно-профессиональной деятельности. Это достигается, по мнению автора, при соблюдении ряда условий, главные из них следующие:

целесообразная организация воинского труда офицерских кадров, включая научное планирование и рациональное использование служебного времени, формирование эффективной системы информационного обеспечения, организацию рабочего места офицеров, комплекс санитарно-гигиенических условий;

совершенствование мотивации офицерских кадров, в том числе создание условий для продвижения по служебной лестнице; получение заработной платы, эквивалентной содержанию военно-профессиональной деятельности; функционирование системы морального и материального стимулирования, способствующей стремлению офицерских кадров к высокому уровню развития своей информационной культуры.

Библиографический список

1. *Костин, Н. А.* Теория информационной борьбы [Текст] / Н. А. Костин. – М., 1996.
2. *Серебрянников, В. В.* Социология войны [Текст] / В. В. Серебрянников. – М., 1998.
3. *Швейцер, П.* Грядущая война [Текст] / П. Швейцер, К. Уайнбергер. – М., 1997.
4. *Карабельников, А. А.* Еще один взгляд на систему подготовки военного специалиста [Текст] / А. А. Карабельников // Вестник АВН. – 2004. – № 3 (8). – С. 24–27.

А.Ю. Судаков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из самых актуальных и сложных на сегодняшний день является вопрос об изменении образа Российской армии в общественном сознании. Многочисленные материалы в печатных и электронных СМИ свидетельствуют о том, что престиж армейской службы падает с каждым годом. В настоящее время в российском социуме сложилось весьма неоднозначное отношение к армии и военным.

Именно поэтому политическое руководство и военное командование страны обязаны заботиться о формировании и поддержании позитивного образа армии в глазах иностранных граждан, российского населения и самих военнослужащих. Создание такого образа, привлекательного для нашего общества и воздействующего на него в нужном направлении, становится отдельным направлением профессиональной политической деятельности. Отметим, что в современной России для обозначения русского слова «образ», «впечатление» пришло иностранное слово «имидж».

В науке понятие «имидж» появилось сравнительно недавно и у него еще нет окончательно сложившегося, однозначного определения. В зарубежной, в частности американской, экономической литературе термин «имидж» обычно употребляется для особого вида образов – представлений, широко используемых различными общественными институтами, формирующими установки в массовом сознании потребителей. Под имиджем (от английского *image* – образ, изображение) понимается сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ чего-либо или кого-либо. В научном и публицистическом мире так называют обобщенное представление, складывающееся у людей о том или ином лице, институте, учреждении.

С другой стороны, английское слово «имидж» означает также «быть похожим, имитировать», поэтому очень часто имидж расшифровывают как искусственную имитацию или изображение внешней формы объекта, например человека. Имидж также интерпретируют как привлекательный, легко трактуемый образ, воздействующий на эмоциональную сферу человека (иногда на его подсознание), а через них – на объяснительные механизмы сознания, поведения и выбор индивида.

Таким образом, определяя понятие имиджа, можно отметить, что имидж обладает следующими характеристиками:

эмоционально окрашен и обращен к чувствам;
предметен и принадлежит либо личности, либо организации;
обращен к социальным установкам и стереотипам;
опирается на ожидания личности или группы;
носит символический характер.

Все перечисленные характеристики с полным основанием можно отнести к имиджу Вооруженных Сил, определяя его как относительно устойчивые, целостные восприятия и представления населением, в том числе военнослужащими, социального характера, статуса и функций Вооруженных Сил, а также их состояния, соответствия своему предназначению, возможностей в конкретных исторических условиях.

Имидж Вооруженных Сил, оказавшись сформированным в массовом сознании российской и зарубежной общественности, неизбежно приобретает политическую окраску, ввиду того что армия, являясь государственным институтом, во все времена перманентно находится в фокусе политических интересов и разнообразных политических процессов. В связи с этим считаем обоснованной посылку, что механизм формирования позитивного имиджа Вооруженных Сил основывается на политических технологиях и имеет собственную специфику.

В научной литературе под политическими технологиями понимается «совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте. Политические технологии включают в себя как приемы достижения немедленного, локального кратковременного результата (тактика), так и получение глубинного, глобального, длительного эффекта (стратегия)» [1, с. 415].

Политические технологии неуклонно эволюционировали на протяжении последних столетий. В современном мире они оказывают влияние на разные компоненты сознания человека и его поведение, однако главным остается их воздействие на систему ценностей личности, превращение информации в часть этой системы. Указанная проблема приобретает особое значение в современных условиях. В обществе идет процесс коренного пересмотра сложившихся ценностей, и от влияния политических технологий зависит формирование такого имиджа Вооруженных Сил, который согласуется с социальной действительностью.

Актуальность решения задач формирования позитивного имиджа Вооруженных Сил выдвигает на первый план не столько понимание субъектами политики целей и средств их достижения, сколько выработку конкретных способов их воплощения на практике, то есть применение определенных технологий при решении данных задач. Еще М. Вебер отмечал, что «главными фигурами в механизме политической борьбы не бывают одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении» [2, с. 646].

Под политическими технологиями формирования позитивного имиджа Вооруженных Сил в военной литературе обычно рассматривается совокупность наиболее целесообразных приемов, методов, способов и процедур, направленных на формирование в сознании людей заданного представления об армии. Индивидуальное сознание индивида оказывается подвержено политтехнологическому воздействию. Наилучший эффект дают политические технологии, нацеленные на так называемые «мишени» в сознании индивида. Сущность каждой из них дает основания субъектам политики для постановки таких целей планирования и применения политических технологий, которые окажут серьезное воздействие на восприятие армейских образов и повлекут за собой разнообразные поведенческие реакции.

«Личностными мишенями», воздействуя на которые, по мнению Г. Грачева и И. Мельника, субъекты политики обязательно добиваются результата, выступают:

во-первых, внутренний мир человека: его ценности, потребности, интересы, мотивы, установки сознания, мировоззрение, убеждения, верования, самооценка, знания об окружающем мире, в том числе о военной сфере и военных людях, их деятельности в частности;

во-вторых, социальный статус, то есть социальные нормы, групповые нормы, социальное самочувствие (в том числе военнослужащих и всех, кто имеет отношение к военной сфере), правовое закрепление социального статуса тех, кто отслужил в армии;

в-третьих, деятельностная компонента личности, то есть стиль поведения, стиль общения, способ мышления, привычки, умения и навыки, личностное отношение (в том числе к военным и их деятельности);

в-четвертых, внешние регуляторы, то есть познавательные структуры личности, предусматривающие прием, обработку, фиксацию и реагирование на пришедшую информацию, в том числе и о военной сфере, доминирование того или иного личностного канала получения информации (аудиального, визуального или чувственного) [3, с. 40–41].

Решение технологических задач формирования необходимого субъектам политики образа армии происходит и в условиях постоянно идущего в современном обществе процесса социализации, а также за счет таких факторов, как социальное вовлечение, исполнение индивидуальных и социальных норм, связанных с армейской сферой, а иногда под воздействием феномена эмоционального заражения близкого окружения. Выбрав ту или иную мишень личности для своего воздействия, субъекты политтехнологической деятельности опираются на такие методы коммуникационного пространства, как позиционирование, убеждение, внушение.

Позиционирование подразумевает построение образа и направление его восприятия в необходимое русло с помощью понятных и благоприятных (с точки зрения населения) категорий. Благодаря созданному имиджу армия воспринимается обществом, СМИ, противниками и союзниками сквозь призму собственного положения и опыта. Позиционирование означает интерпретацию целей и назначения Вооруженных Сил в государстве с учетом интересов граждан.

Существенной целью позиционирования положительного имиджа Вооруженных Сил становится приближение к положительным ожиданиям общественности и удаление от отрицательных ожиданий.

Положительными ожиданиями обладают сторонники позитивного имиджа Вооруженных Сил. С помощью позиционирования они представляют общественности то или иное армейское событие, выдвигая на первый план положительный результат. Противники позитивного имиджа Вооруженных Сил в целом высказывают негативные ожидания. В своих устремлениях они во многом ориентируются на неспособность российской экономики содержать такие большие Вооруженные Силы, уповают на слабую управляемость кризисными событиями, имеющуюся тенденцию к снижению военно-научного потенциала.

Убеждение является методом психологического воздействия субъектов политики на общественное сознание и характеризуется открытостью объявленной цели, аргументации и доказательств, логической обоснованностью, допущением критики в свой адрес, а в итоге – добровольным принятием государственной позиции. Хорошим примером могут служить события, развернувшиеся вокруг идеи по переводу Вооруженных Сил к контрактному способу комплектования и уменьшению срока срочной службы до одного года.

Внушение характеризуется бессознательной подверженностью индивида определенным психическим воздействиям. Основой внушения может стать эмоционально окрашенный образ ситуации, умело преподносимой людям. Внушение очень эффективно, когда в обществе налицо кризис, поэтому внушение лучше всего удается харизматическим лидерам, умеющим убеждать, знающим простые рецепты решения сложных проблем и склонным к демагогии.

Образованию позитивного имиджа Вооруженных Сил способствует влияние культурно-исторических традиций службы на современный воинский уклад, определение направлений социальной политики в рамках военной проблематики, выявление приоритетов социально-психологической поддержки военнослужащих и наличие соответствующих социальных ценностей в обществе. К таким ценностям, которые регулируют поведение военнослужащих, относятся ценности военной службы.

Формирование системы ценностей в среде военнослужащих также подвергалось целенаправленному воздействию со стороны субъектов политики. Выделим среди них две группы ценностей военной службы. Во-первых, группа ценностей общегражданского характера: общественный долг по защите Родины, ответственность за принятие и реализацию решений в сфере миротворческой деятельности, престиж военной службы, гражданственность. Во-вторых, ценности, связанные с военно-профессиональной деятельностью: воинский долг, воинская честь, достоинство воина, войсковое товарищество, статус военнослужащего, взаимовыручка в повседневной жизнедеятельности и в боевой обстановке, мастерское владение оружием и боевой техникой, боевые традиции, патриотизм.

Система ценностей в среде военнослужащих отражается и в общественно-политической жизни страны. Об этом свидетельствует, например, ежегодное

освещение прессой и телевидением «братания» «крылатой пехоты» в День Воздушно-десантных войск Российской Федерации и защитников рубежей Родины в День пограничника. Данный пример демонстрирует духовное единение людей, отражающее почетный характер их военно-профессиональной деятельности. Не менее важна и работа по воспитанию молодого поколения, которую ведут советы ветеранов Великой Отечественной войны, общественные организации ветеранов «афганской» войны, формируя тесные связи как между данными группами граждан, так и с молодежью. Для становления гражданской позиции молодежи необходима такая социализация, которая сопряжена с процессом воспитания у них качеств социально ответственного субъекта, патриота и гражданина, когда создаются условия для формирования активного, компетентного и ответственного отношения к происходящим событиям.

Субъекты политики, зная, как велика роль политических технологий при формировании общественного мнения, с успехом используют это в своей политической деятельности. Позитивно воздействуя на власть и стремясь заставить государство прислушаться к голосу граждан по вопросам, касающимся военной сферы, общественное мнение способно повлиять на действия значимых политических субъектов в отношении Вооруженных Сил.

Используя политические технологии, субъекты политики путем воздействия на общественное мнение в сфере военной политики, могут добиваться своих целей. Однако это возможно лишь при умелом апеллировании к компонентам структуры общественного мнения, в которую, как правило, входят массовые настроения, эмоции, чувства, а также формализованные оценки и суждения. Такие элементы общественного мнения наглядно показывают определенную динамику его развития.

Общественное мнение – важный инструмент государства, политических партий, общественных организаций и субъектов политики, заинтересованных в формировании позитивного имиджа Вооруженных Сил. Его значение как важнейшего контрагента власти осознано достаточно давно. Например, Г. Гегель связывал общественное мнение с «совместимостью» единичных суждений, которые, благодаря наличию в обществе «формальной субъективной свободы», могли подавать власти соответствующие советы [4, с. 336].

Принимая во внимание, что имидж Вооруженных Сил – это виртуальное образование и воздействие на его формирование зависит от поступающей из армии информации, становится возможным определить основные политические технологии, применяемые в целях создания положительного имиджа Вооруженных Сил. Таковыми могут выступать:

- 1) повышение престижа военной службы и статуса военнослужащих, характеризующих их место в системе общественных отношений государства;
- 2) формирование позитивного общественного мнения и инициация массовой поддержки населением государственных усилий по возрождению положительной репутации армии, опора на позитивные результаты в деле ее развития;
- 3) налаживание коммуникаций, способствующих поддержанию конструктивных отношений с общественностью по вопросам жизнедеятельности Во-

оруженных Сил, привлечение в эту сферу большого количества соответствующих специалистов, а также координация и интенсификация их деятельности.

Библиографический список

1. Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, политические технологии [Текст] / А. И. Соловьев. – М., 2000.
2. Вебер, М. Избр. произв. [Текст] / М. Вебер ; пер. с нем. – М., 1990.
3. Грачев, Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Текст] / Г. Грачев, И. Мельник. – М., 2002.
4. Гегель, Г. Соч. [Текст] / Г. Гегель. – М. ; Л., 1934. – Т. 7.

УДК 355.11
ББК 61.07-22

Е.Н. Романова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННОГО УЧИЛИЩА КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Специфика военной профессии, выходящая за рамки обычной профессиональной деятельности, связана с особым образом жизни и духом. Надежным оплотом государства может быть только та армия, которая состоит из людей, осознающих государственные цели, собственную высокую ответственность и имеющих честь и достоинство, допускающие самопожертвование.

Составной частью военной службы является основанная на взаимном доверии и профессиональных традициях корпоративная этика, культивирующая чувство принадлежности к армии. Процесс формирования военно-патриотической идентичности у будущих офицеров – одна из самых актуальных для армии, но малоизученных проблем. Военно-патриотическую идентичность следует понимать как осознание индивидом своей принадлежности к военной социокультурной среде, принятие норм и моделей поведения, ценностей и образа жизни. Акцент в данном случае ставится не на профессиональный аспект идентичности, а на формирование личности военнослужащего, развитие духовных качеств офицера. Высшим из таких качеств является патриотизм, понимаемый как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого становится любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы Родины и своего народа [1].

Благодаря особым видам деятельности и самому образу жизни в военном училище происходит формирование связанной с реализацией идеи служения Отечеству более зрелой формы патриотизма и военно-патриотической идентич-

ности. Представляется, что исследовательский интерес могут вызвать повседневные практики жизни военных, понимаемые как механизмы и формы инкорпорирования ценностей военной культуры в специфических условиях военного училища.

Объектом настоящего исследования выступают курсанты военного авиационного вуза, которые находятся на пути к офицерскому званию и приобщаются к военной культуре, при этом курсанты, в силу своего статуса, ограничения круга общения и свободы распоряжаться личным временем и пространством, вырабатывают собственную субкультуру, создают свои правила общения, нормы, традиции, ритуалы.

Формирование военно-патриотической идентичности осуществляется в процессе воспитания военнослужащего. Ни в одной другой образовательной системе воспитательная функция не выражена так четко, как в военной. В систему воспитания входят не только отдельные мероприятия: индивидуальные и коллективные беседы, различные виды информирования курсантов, лекции, вечера вопросов и ответов, общие собрания курсантов, научно-практические конференции, встречи с ветеранами войны и так далее, – но и все элементы повседневной жизни курсантов. Ношение военной формы, пребывание в казарме, соблюдение распорядка дня, участие в ритуалах являются неотъемлемой частью военного воспитания и процесса формирования военно-патриотической идентичности курсантов. Одновременно существуют такие имеющие сложную социокультурную природу феномены, как самовольное оставление части, специфические курсантские традиции и фольклор, ценности и стереотипы, попытки «усовершенствовать форму», которые рассматриваются командирами как нарушение дисциплины.

В ходе исследования рассматриваются культурные смыслы элементов курсантской повседневности. Не ставя задачу представить развернутую аргументацию и конкретные иллюстративные примеры, считаем необходимым по возможности всесторонне и полно охватить все основные элементы курсантской повседневности. Для реализации задач исследования были выделены следующие сферы курсантской повседневности:

- этикетно-ритуальное поведение (культурные смыслы ритуалов перехода, ежедневных ритуалов, правил воинского этикета);

- контркультурные феномены (альтернативные ритуалы перехода, курсантский фольклор, юмор, байки как формы сопротивления власти командиров);

- конструирование телесности (значение военной формы и способы ее ношения, формирование техник тела, символическое значение систем жизнеобеспечения);

- среда обитания (символическая организация пространства казармы и других территорий);

- временная организация жизнедеятельности курсантов (распорядок дня, субъективное время).

В основу исследования легли наблюдения за жизнью курсантов военного авиационного училища, их дневниковые записи, интервью с курсантами, выпускниками и специалистами училища, анкетный опрос курсантов. Приоритет

отдается антропологическим методам, позволяющим понять изучаемую среду, внутренний смысл ее явлений и ценностей.

Курсантская повседневность начинается с периода поступления в училище, погружения в новую культуру, когда новичок имеет еще статус абитуриента, но уже появляются первые признаки преобразования личности. Этот этап вплоть до приведения к присяге, как и этап «голубого карантина» и выпуска, следует отнести к обрядам перехода. В первом случае новичок переходит в статус курсанта, во втором – в статус офицера.

Инициация призвана ввести «неофита» в мир военной культуры и ценностей, познакомить с правилами поведения, интегрировать в группу курсантов и сформировать новую идентичность. «Ритуалами перехода отмечаются моменты изменения индивидуальной идентичности, – считает Л.Г. Ионин. – Ритуалы перехода особенно важны и имеют особенно выразительный характер в традиционных, а также в «первобытных» обществах. Здесь момент перехода зачастую означает полную потерю старой идентичности и приобретение новой, совершенно иной идентичности, что предполагает изменение всех социальных характеристик личности, иногда вплоть до смены имени» [2, с. 249].

Существует поразительное сходство между архаическими обрядами, описанными М. Элиаде, и современным курсантским обрядом перехода-посвящения. В книге «Тайные общества. Обряды инициации и посвящения» [3] М. Элиаде выделяет несколько стадий обряда инициации, которые последовательно проходят и современные курсанты военного училища: изоляция и испытания, переодевание, проверка лояльности и силы духа, клятва верности. Переход в статус курсанта начинается с пространственной изоляции новичка от привычного окружения. На время сдачи экзаменов и прохождения медицинской комиссии курсанты живут в казарме, соблюдают распорядок дня и учатся правилам поведения в военной среде. Абитуриенты не выходят за пределы служебной территории, им запрещено видеться с родителями. Смыслом этого подготовительного этапа является ломка прежней субъективной реальности и формирование новой.

Следующий этап начинается с церемонии вручения курсантских погон как символа принадлежности к курсантскому коллективу. С этого дня внешность «неофитов» преобразуется, или, другими словами, приводится в соответствие с уставом. Короткая стрижка и единая форма практически исключают возможность выделиться внешне. Церемония вручения погон закрепляет достигнутые успехи молодых людей и символизирует готовность курсантского сообщества принять в свои ряды новичков, которые впервые ощущают свою идентичность с ним.

Перед началом аудиторных занятий и приведением к присяге новым курсантам дается возможность еще раз убедиться в твердости своих намерений и пройти испытание курсом молодого бойца (КМБ). «Неофиты» одновременно постигают мастерство действий воина в бою и проверяются на выносливость.

Заключительной стадией обряда посвящения является ритуал приведения курсантов первого года обучения к военной присяге, который соединяет в себе черты священного действия и юридической сделки. Последовательность дейст-

вий и роли детально описаны в воинском уставе. Созданию соответствующей эмоционально-ценностной атмосферы способствуют торжественные речи командиров, ветеранов, представителей религиозных конфессий, патриотическая музыка в исполнении военного оркестра; при проведении ритуала максимально задействованы все символы воинской доблести училища.

Вместе с официальным обрядом инициации, в курсантской среде возникают собственные традиции, которые пока не оформились в законченный ритуал, однако выполняют функцию посвящения первокурсников в сообщество курсантов. В число этих традиций входят наречение первокурсников курсантами выпускного курса и розыгрыши.

Выпуск курсантов из училища также является ритуалом перехода в статус офицера. Ритуал выпуска отличается от посвящения фактическим отсутствием угрозы провала и негативного стрессового состояния, испытание экзаменами проходит в знакомой обстановке, и все курсанты выпускаются в звании лейтенанта. Однако маргинальный статус курсантов располагает к нарушению официальных правил и инфляции шкалы ценностей, когда традиционные механизмы контроля и принуждения перестают работать.

В целом формальные воинские ритуалы перехода обеспечивают интеграцию новых членов в сообщество военных, способствуют процессу идентификации и формирования патриотического сознания. Они разрабатываются государственными органами и обязательны для исполнения, причем степень их успешности зависит от широкого социокультурного контекста, отношений армии и общества, а также от качества исполнения и организации соответствующих ритуалов. Неформальные ритуалы носят более локальный характер и направлены скорее на формирование идентичности в рамках культуры местного сообщества училища. Ритуалы, возникающие в самой курсантской среде, не следуют государственной военной идеологии и сочетают черты культур разных социальных групп.

При вхождении в новую среду важнейшую роль играет внешняя, презентационная сторона. Военная организация, заинтересованная в скорейшей интеграции новых членов, сама обеспечивает новичкам внешние символы идентификации, которые являются знаками быстрого и легкого выхода из их нынешнего неустойчивого положения.

Одни из первых навыков, которые приобретает курсант в военном училище, – навыки обращения с военной формой. Курсанты усваивают правила воинского этикета, учатся ухаживать за формой, подшивать воротнички и наматывать портянки. Форма является важнейшим атрибутом принадлежности к военному сообществу, продолжением тела курсанта и одновременно механизмом контроля, обязывающим следовать определенным образцам поведения, соответствовать идеальному образу человека в форме – собранному, подтянутому, исполнительному. Ношение формы – это символическое высказывание, выражение лояльности военным порядкам и преданности организации.

Военная форма служит не только средством выделения курсантов из общей студенческой массы, она является и средством формирования у молодых людей нравственных ценностей, а также верности долгу, чести, достоинства, гордости

за принадлежность к профессии защитников Отечества, чувства чести мундира, приучает их ставить государственные и общественные интересы выше личных. Официально моды в армии не существует, поскольку военная форма консервативна и правила ее ношения строго регламентированы. Тем не менее форма – не однозначное понятие, и культурный феномен моды весьма распространен в курсантском коллективе. Основные мотивы, приводящие в движение модный процесс в курсантском коллективе, – это подражание офицерскому составу, повышение собственной привлекательности и внешнее выражение сопротивления власти командиров.

Система повседневной деятельности и быт военнослужащих строятся в соответствии с общей глобальной целью защиты Отечества. Сам факт ежедневного соблюдения неких строгих правил формирует культуру дисциплинированности и ответственности. Регулярная армия создана с целью поддержания постоянной готовности вступить в войну и вести боевые действия, поэтому даже в мирное время в среде военнослужащих поддерживается свой микроклимат потенциальной угрозы. Вся деятельность армейских структур, а в особенности военного образовательного учреждения направлена на формирование в молодых военнослужащих качеств, необходимых для выполнения воинского долга, – сознания святости и нерушимости Военной присяги, отваги, выдержки, находчивости, бдительности, чувства войскового товарищества и взаимовыручки.

Курсантская субкультура существует в особом пространственно-временном континууме, который участвует в процессе формирования военно-патриотической идентичности. Организация времени и пространства закрытого военного сообщества выражает специфические военные ценности дисциплины, подчинения, коллективности. «Неофит», вынужденный ежедневно находиться под влиянием военной пространственно-временной организации и воспроизводить ее, интериоризирует военные ценности, делает их «своими».

Формирование военно-патриотической идентичности начинается с разрушения привычного образа жизни, погружения в новое время-пространство, изменения внешности, изоляции от привычного социума. Военная сфера, принимая новых членов, пытается лишить их всех прежних идентичностей, чтобы с чистого листа начать формирование главной для офицера, военной, идентичности. Синхронизация времени и пространства, когда курсанты все *время* проводят вместе за одними и теми же занятиями и в одних и тех же стенах (*пространстве*), формирует более прочную идентичность с курсантским коллективом. Принцип пространственной организации училища, распорядок дня, временная организация цикла обучения не меняются годами, поэтому курсанты всех лет обладают групповой идентичностью.

Пространственно-временная организация выступает в роли механизма поддержания дисциплины и формирования личностных качеств. Контроль над личностью в пространственно-временном континууме повседневной деятельности осуществляется через распорядок дня и функционирование в изолированном пространстве, которые подразумевают тотальное подчинение дисциплинарной власти. Отклонения от этого распорядка: самовольная отлучка, то есть

игнорирование пространственно-временных рамок повседневной деятельности, опоздание из отпусков, командировок – считаются грубыми дисциплинарными нарушениями. Организация пространства и времени призвана реализовать несколько целей: обеспечить постоянную боевую готовность и условия для проведения учебы, поддерживать порядок, воинскую дисциплину, воспитать в военнослужащих умение распределять время, сохранять здоровье.

Исследование продемонстрировало, что курсанты осваивают новую для себя военную культуру, непосредственно погружаясь в повседневность военного училища, где получают социально детерминированную программу деятельности, ценности, нормы, правила поведения. Освоение повседневности как составной части общей системы культуры выступает начальным этапом формирования военно-патриотической идентичности, поскольку именно в повседневных практиках воплощается своеобразие и неповторимость военной среды.

Библиографический список

1. *Винокурова, С. П.* Патриотизм [Текст] / С. П. Винокурова // Социология : Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. – Минск, 2003.
2. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры [Текст] : учеб. пособие для вузов / Л. Г. Ионин ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
3. *Элиаде, М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Текст] / М. Элиаде ; пер. с фр. Г. А. Гельфанд ; науч. ред. А. Б. Никитин. – М., 1999.

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 323.1
ББК 66.3

Ю.И. Тарский

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Наумов, С. Ю. Региональная государственная политика в сфере межэтнических коммуникаций. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2008. – 156 с.

Монография С.Ю. Наумова посвящена изучению одного из важнейших социальных феноменов не только современного российского общества и государства, но и глобализирующихся на наших глазах обществ и государств в различных регионах мира – феномену межэтнических коммуникаций.

Актуальность заявленной проблематики сомнений не вызывает, так как она продиктована насущной необходимостью обстоятельного рассмотрения протекающих в современной России этносоциальных и этнополитических изменений, происходящих как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Представляется очевидным, что такого рода анализ является обязательным условием для квалифицированной выработки сценариев и рекомендаций, имеющих целью уменьшение этнического и иных видов рисков, которые неизбежно возникают в результате изменений, наблюдаемых в этносфере современной России. Разумеется, от качества осмысления и социологической концептуализации этничности, репрезентативности получаемых данных зависит очень много.

Прежде чем что-либо реформировать в таком государстве, как Россия, в том числе и сферу межэтнических отношений, важно точно представлять точку отсчета и знать не только формальные механизмы функционирования этничности, но и «подводные течения», то есть конкретику во всех ее значимых проявлениях. При управлении этносферой необходимо, как это ни сложно, в каждом конкретном случае учитывать баланс исторически преемственного и нового и при этом чувствовать пределы эластичности системы в целом.

По всей вероятности, именно такими соображениями можно объяснить

обстоятельность и авторскую скрупулезность при анализе ключевых для заявленной темы понятий. Свидетельством этому является углубленное проникновение в контекст формирования этнополитической культуры, где на основе изучения различных точек зрения на этничность и способы ее функционирования в пространстве современной России автор анализирует основные модели массовой коммуникации, выявляет социокультурные смыслы процессов этнической идентификации. В монографии представлена не только богатая и интересная эмпирика, но и ряд хорошо продуманных концептуальных утверждений, стимулирующих поиски новых идей и подходов в контексте российской модификации парадигмы мультикультурализма.

Очевидно, что происходящие в российском обществе трансформации требуют и новой парадигмы самосознания со всем комплексом ценностных ориентаций, установок, методов мышления, социальной направленности поведения личности. Современное российское общество, в котором отсутствует четкая идеология и готовые нравственные рецепты, предоставляет человеку множество возможностей выбора, реализация которого втягивает его в различные противоположные связи и отношения, усложненные режимы деятельности. Именно здесь и проявляется необходимость в глубокой научной рефлексии, направленной на проблемы, связанные с этническими интенциями россиян.

Автор монографии прокламирует движение не от теорий, а от проблем — взгляд, способный породить дискуссию, однако оправданный, как представляется, при выявлении механизмов оптимизации коммуникативного пространства межэтнических взаимодействий. Действительно, межэтнические (как вариация — этноконфессиональные) конфликты выразительно «нерешаемы» и даже «непредотвратимы» в современном мире. Это одна из признанных и драматично актуальных тем современности. Вместе с тем XX век продемонстрировал крах фундаментальных представлений, восходящих к идеологии Просвещения, об отмирании этничности как определяющей характеристики, братстве народов (в позднесоветском варианте — формировании «новой исторической общности»).

Значимой представляется проблема меньшинств, которую затрагивает С.Ю. Наумов. Действительно, иноэтнические меньшинства часто выступают «моторами» хозяйственной активности, пионерами освоения новых для данной страны или региона областей деятельности, но для этого необходим определенный уровень контакта и взаимопонимания с большинством населения, иначе потенциальные плюсы взаимодействия и взаимообучения легко обращаются в минусы потенциальной или актуальной неприязни, размежевания и вражды. Анализ форм манифестации позиций этнических общностей как раз и призван прояснить тонкий вопрос с восприятием этносами друг друга.

В монографии содержится важное авторское наблюдение, что при минимуме контактов положительный образ того или иного этноса в глазах другого выстраивается на базе представлений о благополучии, спокойствии, удачном общественном устройстве. Отметим, что зафиксированный исследователем феномен демонстрирует наличие психологического поля для политических манипуляций, создания средствами массовой информации образа «земного рая» или «извечного агрессора», иных подобных PR-конструкций.

Автор широко представил механизмы регулирования этнокультурных напряженностей, показывая, что российская специфика на современном этапе отмечена бинарностью функций: позитивной и негативной. Этничность в позитивном контексте предстает как стимул творчества: люди создают новые порядки бытия, формы поведения, в конечном счете культурные артефакты. Негативный контекст являет этнические конфликты.

С.Ю. Наумов хорошо видит проблемное поле государственной внешне «нейтральной» позиции безразличия к этнической идентичности, гарантирующей «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности и языка». Небезосновательно отмечается, что гармонизация всех вариантов этнической темпоральности вполне возможна на адекватной социальной основе, но только в том случае, если системообразующий этнос представлен высшей по отношению к другим этнической формой и находится на соответствующей стадии социального развития. Пока в России этот идеал не достигнут, и те этносы, которые интегрировали в нацию, требуют собственного государственного оформления, имея тенденцию к образованию этносоциальных изолятов, а те, которые представлены как развитая народность, требуют также политического оформления в субгосударственной форме.

Практическая значимость авторского исследования, воплотившегося в монографию, на наш взгляд, бесспорна. Авторские наработки и материалы исследования могут быть востребованы и использованы субъектами политического процесса различного уровня, будут полезны в практической деятельности специалистам миграционных служб, руководителям национально-культурных автономий, политическим лидерам и консультантам для выработки эффективных стратегий и технологий в области региональной государственной политики в сфере межэтнических коммуникаций.

УДК 321.01:316.75
ББК 66.1(0)

И.И. Кузнецов

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Жирнов, Н. Ф. Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие идеи Эдмунда Бёрка в теории и практике / под ред. Ю. В. Ирхина. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2007. – 238 с.

Название книги Н.Ф. Жирнова «Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие идеи Эдмунда Бёрка в теории и практике» можно трактовать двояко. С одной стороны, заявляя основным предметом

своего интереса научное наследие известного консерватора Э. Бёрка, автор идет традиционным путем, актуализируя идеи, которые сыграли значительную роль в иных исторических и социально-политических обстоятельствах, в иной традиции и культуре. Читающему книгу должно быть сразу ясно, что именно из обширного – и, безусловно, заслуживающего внимания интересующихся политикой и общественной жизнью современников – наследия английского консерватора может быть сегодня практически использовано. С другой стороны, определяя свои исследовательские приоритеты в названии работы, Н. Ф. Жирнов стремился связать идеологию консерватизма и неоконсерватизма, показать преемственность идей, развитие их практического применения в современной политике. *Это можно считать значительной новацией, поскольку автор не ограничился лишь констатацией нового в структурах консервативной идеологии, но и попытался продемонстрировать современные тенденции развития консерватизма в Западной Европе и России.*

Автор монографии не первый год занимается исследованием теории консерватизма вообще и творчеством Эдмунда Бёрка в частности [1–3]. Это дает основание оценивать представленную монографию как очередной, значительный этап научной работы, позволяющий сформулировать некоторые выводы, составляющие авторскую концепцию. В том, что таковая концепция имеется, нет сомнения, как и в том, что она не только вызывает одновременно доверие и созвучие собственным исканиям, но иногда и дает возможность подискутировать.

По своему жанру рецензируемая книга может служить классическим образцом научного творчества в рамках сразу двух достаточно значимых и респектабельных направлений современной политологии – истории политической мысли и политической теории. Она построена по проблемно-хронологическому принципу: каждая из трех глав освещает отдельный аспект рассматриваемого круга вопросов. Так, в первой главе автор пытается разобраться с концептуальным аппаратом политической идеологии вообще. Здесь представлен анализ широкого спектра современных теорий идеологии. Кроме того, автор обращает особое внимание на становление методологии политической науки как особой отрасли знания. *Можно согласиться с мнением Н. Ф. Жирнова, что институциональные теории не всегда способствуют объективному пониманию сущности политической идеологии.* Так, на наш взгляд, ставший знаменитым идеологический спор между Эдмундом Бёрком и талантливым британским наместником в Индии Уорреном Гастингсом нельзя понять только в формально-правовых рамках и жестких институциональных категориях. Последний, как известно, настаивал на невозможности прямого применения британских (и вообще западных) законов и норм на Востоке, указывал на неэффективность и пагубность подобных стратегий. Позиция же Э. Бёрка была прямо противоположной – британские законы, основанные на естественном праве, могут быть применены ко всем людям без исключения.

Очевидно, схожие вопросы обсуждает и сегодня политологическое сообщество в приложении, например, к теории демократии и политического управления. Решение же видится, как всегда, в совокупности использования интегрирующих политико-институциональные и правовые подходы методологических приемов, с одной стороны, а также исторических и социокультурных методик – с другой.

Вторая глава работы – «Концепции Эдмунда Бёрка в теории консервативной идеологии» – охватывает весьма широкий круг вопросов, касающихся идей, высказанных английским мыслителем в качестве основополагающих принципов консервативного мировоззрения: конституционализм, форма правления государства, гражданское общество и политическое развитие. Главное место здесь занимает то понимание соотношения естественного и позитивного права, которое стало в последующем важным идеологическим моментом.

Поскольку естественное и позитивное право задает жесткие альтернативы мышления и действий на его основе, то реально действующие абсолютные императивы видятся Э. Бёрку во взаимодействии естественно-правового и позитивно-правового поля. Эти абсолюты имеют особые качества, среди которых выделяется моральное совершенство, не требующее доказательств средствами рассудочной логики, не боящееся логических опровержений. Отмечая данный момент в творчестве английского консервативного мыслителя, Н. Ф. Жирнов затронул, на наш взгляд, весьма существенную проблему политического знания, не решенную до сего времени в науке, а именно: в какой мере секуляризация права и перемены в социально-политической жизни, эмансипация культуры, образования, воспитания и быта от церковного влияния взаимообусловлены и способны формировать новую – рациональную – картину мира. Этот фундаментальный постулат современной политической теории лежит в основании парадигмы модернизации, позволяя многим исследователям и политикам давать рекомендации относительно развития незападных обществ, формирования в них основ либеральной демократии, рыночной экономики. На наш взгляд, стоит определенного мужества и небывало высокого риска принимать политические решения с опорой только на инновационный потенциал заимствованных институтов и нормативных структур.

Одним из значительных явлений в творчестве Э. Бёрка является анализ государства. Совершенно справедливо Н. Ф. Жирнов выделяет здесь ключевые аспекты – форму правления и функционирование политических институтов. Именно их динамика в конечном счете отражает эволюцию всего государственного организма. Кроме того, следуя логике Э. Бёрка, именно наука управления, базирующаяся на особом внимании к опыту и осторожном отношении к выстраиванию нового в социально-политическом развитии, предназначена для решения практических целей. Таким образом, проблемы власти и политического управления помещаются в контекст ценностей высшего уровня – религии, этики, традиции. Весьма показательно в этом смысле отмечаемое автором рецензируемой монографии видение политического устройства Э. Бёрком как «плода глубоких размышлений или скорее счастливого результата следования мудрым законам природы» [4, с. 53–56]. Это отношение проецируется и на идею наследования власти монарха, и на характер отношений ветвей государственной власти, и на право в целом. Постепенность, поступательность и, следовательно, конструктивный прогресс в развитии политической системы Англии – вот те главные тенденции, которые характеризуют историю данной политики (с. 94).

Однако нельзя забывать и о том факторе, который несколько ускользает от автора представленной монографии, – строительстве могущественной и амбициозной империи. С эпохи великих географических открытий, с момента

основания Британской Ост-Индской компании до начала XX в. наблюдается постоянный и неуклонный рост экономического, военного и политического могущества Великобритании. В данном случае необходимо признать существование особой идеологической приверженности англичан «миссии белого человека», которая со временем стала важнейшим императивом в их политической традиции, обосновала ключевую роль Британии в мировых политических процессах.

Уникальный опыт конституционализма Великобритании, когда перераспределение властных полномочий в условиях монархической формы правления в пользу Кабинета министров сопровождалось формированием правительства на партийной основе, модернизацией избирательной системы и суда, требует особого внимания именно в силу своей исторической специфики. По сей день Великобритания остается государством с некодифицированной конституцией, но при этом характеризуется весьма стабильным политическим режимом, претендуя на неформальный статус одного из столпов современной демократии.

Автор монографии отмечает, что Э. Бёрк, как и У. Блэкстон, заложил традицию хвалебного отношения к британскому Основному Закону, фактически выведя формулу его апологии – «английская конституция и система представительства настолько совершенна, насколько она допускает неизбежные несовершенства человеческих дел» (с. 97). Обратной стороной такого эмоционального выражения является мысль, что произвольно менять политические институты проще, но в то же время и опаснее, чем работать над нравственным совершенствованием носителей государственной власти. Отсюда почти по Аристотелю проистекает отношение к управлению государством как к искусству политики, доступному только немногим, имеющим соответствующие способности и этическое начало. Можно предположить, что нынешние «ястребы»-неоконсерваторы в современной цитадели демократии по ту сторону океана – Соединенных Штатах Америки последовательно реализуют стратегию ограниченного доступа к управлению мировыми процессами, опираясь на глубокую моралистскую традицию консерватизма.

Одной из важных проблем современной политики является эволюция партий и системы представительства интересов населения. Этот сюжет интересовал и европейцев в XVIII в. Н.Ф. Жирнов обращает внимание на позицию классика консерватизма, которая заключается в том, чтобы, признавая право партий на свое существование, последовательно совершенствовать их повседневную деятельность. Действительно, Э. Бёрк придерживался мнения, что партии выполняют важнейшую политическую функцию – подбор профессиональных кадров для государственного управления. Однако при этом Э. Бёрк требовал идейного и политического согласия в работе партии. Это, по его мнению, является базой для сохранения принципов, лежащих в основе идеологического объединения в партии. *Автор рецензируемой монографии видит в таком подходе развитие идеи партийной дисциплины (с. 105).*

На наш взгляд, в данном аспекте позиция Э. Бёрка не так однозначна. Повидимому, определяя партии как «корпорации единомышленников», он все же рассчитывал на то, что *даже различные политические силы, оформленные в партии, должны сохранять главное – преемственность политического курса (через сохранение формы правления, Конституции, недопущение произвола).*

Традиционно в истории политической мысли исследователи обращают внимание на оценку Э. Бёрком одного из самых значительных политических событий XVIII в. – Французской революции. Эта оценка достаточно известна и радикальна. Э. Бёрк никогда не был сторонником революционного насилия и тем более произвольного обращения с существующими политическими институтами. Данную позицию отражает и Н.Ф. Жирнов в своей книге, анализируя механизмы политического развития. Он, на наш взгляд, вполне справедливо акцентирует внимание читателей на вопросах критики Э. Бёрком теории народного суверенитета и общей воли Ж.-Ж. Руссо. При этом автор допускает некоторое логическое противоречие, утверждая, что «Э. Бёрк требовал от политиков только одного – как можно чаще прислушиваться к мнению народа» (с. 143). Буквально через абзац Н.Ф. Жирнов заявляет: «Чтобы не произошло непредвиденных ситуаций, необходимо прислушиваться не к демагогам, говорящим о возможности управления государством посредством всего народа, а к тем, кто говорит о том, как лучше исправить острые проблемы в рамках политической системы» (с. 143). *Полагаем, что здесь все-таки необходимо было отметить особое отношение Э. Бёрка не только к профессионализму в политике (что, собственно, и сделал автор книги), но и указать на важность поддержания традиций властвования.* Последние, как это видно из обширного научного и публицистического наследия консерватора, играют совершенно особую роль в механизмах государственного управления. Эти традиции дают возможность политической системе адаптироваться к новым условиям, позволяя уверенно выбирать те приоритеты в принятии политических решений, которые имеют достаточное этическое обоснование и не противоречат «духу Закона».

В третьей главе монографии – «Консервативная и неоконсервативная теория и практика в современных условиях» – Н.Ф. Жирнов выходит на иной уровень обобщений. Здесь заметна интересная попытка выстроить собственное оригинальное видение развития консервативной идеологии как в европейских государствах, так и в нашей стране. Такой методологический ракурс вполне оправдан исходя из, например, географического или исторического подхода, учитывающего общность судеб стран Европы и России. Но заметим, *если бы автор расширил фокус своего исследования за счет анализа и американского консерватизма, его современного состояния и тенденций развития, то могли бы получиться во многом неожиданные и весьма ценные результаты.* Достаточно указать на тот факт, что, в отличие от европейских государств, в США сегодня консерваторы (а также неоконсерваторы и «палеоконсерваторы») составляют внушительный отряд политической элиты, оказывающий масштабное (а иногда и определяющее) воздействие на политику, выработку стратегии и принятие важнейших решений. Это, например, такие классики американского неоконсерватизма, как Лео Штраус и его последователи – Пол Вулфовиц, Ньют Гингрич, Роберт Каган, Вильям Кристол и Ирвинг Кристол, Ричард Перл, Норман Подгорец, Кларенс Томас, Абрам Шульски. Большинство из них хорошо известны и в России как политические консультанты, эксперты, привлекаемые Белым Домом на всех этапах концептуального оформления и реализации государственной политики США. Некоторые из них работали непосредственно в

администрации президента США, другие являются «духовными отцами» нынешних официальных лиц.

Указанный ракурс анализа предполагал бы проведение масштабных сравнений не только в плане сопоставления развития традиций консервативной идеологии в Европе и Новом Свете, но и в аспекте их воздействия на политический курс государств, формирования основ геополитической стратегии, выбора средств для создания фундамента глобального управления. Автор монографии, упомянув лишь два крыла современного консервативного движения в США (новые правые и неоконсерваторы), предпочел не анализировать подробно их нынешнее идеологическое положение и роль в качестве одной из ведущих политических сил (с. 157–160).

Весьма интересны авторские оценки современного политического развития России и перспектив консервативной идеологии в нашей стране. Н.Ф. Жирнов считает, что «российское общество было и еще долго будет консервативным» (с. 192), что в определенной мере справедливо. Однако представляется не всегда оправданным оптимизм относительно становления консервативного либерализма как наиболее предпочтительного идеологического выбора для России. Связывать распространение такой идеологии только с одним фактором – развитием социальной структуры в направлении «становления среднего класса, массового слоя собственников, предпринимателей» (с. 194), на наш взгляд, не совсем оправданно. Думается, что процесс этот весьма сложный, многосторонний и, к сожалению, с не predetermined заранее итогом.

Итак, книга, представленная Н.Ф. Жирновым, несомненно, состоялась. Это может быть отнесено и к ее научно-исследовательской роли, и к ее практической ценности. Автор высказал ряд интересных идей о вкладе Э. Бёрка в развитие теории консерватизма, продемонстрировал актуальность многих подходов консервативной идеологии к современным проблемам власти и политического управления, указал на возможные пути дальнейшей эволюции консерватизма. Прделана большая систематическая работа, которая вызывает уважение.

Что касается неизбежных огрехов и недоработок, которые, безусловно, присутствуют в любом творческом акте, то они – «отдельное блюдо» в данном случае. Эти моменты позволяют развивать дальнейший научный поиск, намечают реализацию более амбициозных задач, стимулируют совершенствование научного аппарата отечественной политической теории. Думается, что книга будет весьма интересна как специалистам по истории политических идей (которые могут найти в ней для себя много острых и актуальных аспектов для обозначения своей позиции), так и практикующим политикам, которые смогут убедиться в живучести и политической мощности европейской консервативной традиции.

Библиографический список

1. Жирнов, Н. Ф. Эдмунд Бёрк: политик, историк, публицист [Текст] / Н. Ф. Жирнов. – Саратов, 2000.
2. Жирнов, Н. Ф. Государство и консерватизм [Текст] / Н. Ф. Жирнов. – Саратов, 2002.
3. Жирнов, Н. Ф. Бёрковская концепция и современный консерватизм [Текст] / Н. Ф. Жирнов. – Саратов, 2003.
4. Burke, E. Reflection on the Revolution in France [Текст] / E. Burke // Works. – L., 1844. – Vol. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акаев Дмитрий Валерьевич – преподаватель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: d_akaev@mail.ru

Анаева Екатерина Александровна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Самарского государственного экономического университета, e-mail: sicil06@rambler.ru

Березняк Ольга Леонидовна – аспирант кафедры теории и истории социологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: anikinaol@rambler.ru

Бирюкова Ольга Алексеевна – советник по связям с общественностью Совета муниципальных образований Московской области, аспирант кафедры политологии и политической психологии Российского государственного социального университета (г. Москва), e-mail: helga-81@inbox.ru

Валуев Владислав Георгиевич – соискатель кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: ushakovanathalia@mail.ru

Воробьева Дарья Аркадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации управления предприятиями сельского хозяйства Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, e-mail: tecaurs@rambler.ru

Головко Сергей Валерьевич – преподаватель Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ, e-mail: tecaurs@rambler.ru

Демина Римма Евгеньевна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры трасологии Саратовского юридического института МВД РФ, e-mail: suimvd@overta.ru

Епифанова Наталия Николаевна – аспирант кафедры философии и социально-экономических наук Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: paideia@spi.overta.ru

Жирнов Николай Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: zhn@prtcom.ru

Жукова Елена Ивановна – аспирант кафедры социальной психологии Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: foxi443@mail.ru

Залевский Александр Владимирович – аспирант кафедры философии и

социально-экономических наук Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: paideia@spi.overta.ru

Калямин Алексей Ксенофонтович – преподаватель кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: alex_2@bk.ru

Кистанкин Дмитрий Анатольевич – соискатель кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: ivan_butusov.ru@mail.ru

Колчина Вера Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: otdmed@pags.ru

Кондакова Ирина Валерьевна – преподаватель Поволжского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Саратов), e-mail: 291183@mail.ru

Кузнецов Игорь Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: politbum@mail.ru

Курьшов Игорь Викторович – аспирант кафедры социологии коммуникаций Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: igor-kuryshov@yandex.ru

Лазарева Елена Витальевна – аспирант кафедры государственного, международного и европейского права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва), e-mail: ewlz@mail.ru

Логинова Лариса Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и права Вольского высшего военного училища тыла (военный институт), e-mail: lvloginova66@mail.ru

Маркелов Виталий Викторович – аспирант кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail: kabayaba@yandex.ru

Марятов Игорь Вячеславович – заведующий сектором качества образования Центра качества образования и инновационного развития Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: cinobr@pags.ru

Новгородов Александр Викторович – научный сотрудник научно-исследовательского отдела научно-технического центра Саратовского военного института биологической и химической безопасности, e-mail: gomer-poet@yandex.ru

Остапец Оксана Григорьевна – аспирант кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: uchpags@balakovo.info

Палади Александр Александрович – соискатель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ, e-mail: Swki@narod.ru

Песегова Екатерина Витальевна – кандидат экономических наук, старший государственный инспектор управления лицензирования и аккредитации в образовании Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, e-mail: c_pesegova@mail.ru

Пономарева Екатерина Владимировна – аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, e-mail: lobzik1983@mail.ru

Пронюшкина Елена Вячеславовна – соискатель кафедры правовой социологии и философии Саратовского юридического института МВД РФ, e-mail: tecaurs@rumbler.ru

Радионова Камилла Вагифовна – аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: r_kamilla@mail.ru

Разгонникова Наталья Владимировна – преподаватель – ассистент кафедры государственного и муниципального строительства Астраханского филиала Волгоградской академии государственной службы, e-mail: newpeople@bk.ru

Романова Екатерина Николаевна – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков (военного института), e-mail: alinord@yandex.ru

Смирнова Кристина Сергеевна – аспирант кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: kris-tinasm@yandex.ru

Судаков Антон Юрьевич – научный сотрудник научно-исследовательского отдела научно-технического центра Саратовского военного института биологической и химической безопасности, e-mail: gomer-poet@yandex.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: kafsociology@pags.ru

Тычков Геннадий Ильич – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории перспектив развития мобилизационной подготовки и мобилизации Военного института повышения квалификации специалистов мобилизационных органов Вооруженных Сил РФ, e-mail: TychkovGI@mail.ru

Шевелев Алексей Александрович – соискатель кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, e-mail: ushakovanathalia@mail.ru

Шокина Ирина Николаевна – ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, e-mail: tecaurs@rumbler.ru

Ягубов Шакир Рагимович – аспирант кафедры таможенного дела Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail: tecaurs@rumbler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Колчина В.С.

К вопросу о соотношении пользы и риска
при принятии политико-управленческих решений 4

Марятов И.В.

Процессный подход в исследовании деятельности
муниципальных образований 11

Кистанкин Д.А.

Причины возникновения неформальных практик
региональных органов власти в сфере миграционной политики 16

Разгонникова Н.В.

Проблемы управления современными миграционными потоками
(на примере Астраханской области) 20

Радионова К.В.

Трансформация языковой политики России в условиях глобализации 27

Бирюкова О.А.

Проблемы и перспективы субрегиональных интеграционных объединений:
центральноазиатский вектор 32

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

38

Жирнов Н.Ф.

Архетипы политического сознания
современного российского общества 38

Валуев В.Г.

Пути формирования патриотизма в современной России 45

Шевелев А.А.

Динамика отношения органов власти к контрактной армии 49

Тычков Г.И.	
Военнообязанные российских регионов	54
Акаев Д.В.	
Место Интернет-сообществ в современном общественно-политическом процессе	57
Калямин А.К.	
Институциональные характеристики регионального информационного пространства	62
Пронюшкина Е.В.	
Динамика становления этносоциологии в России.....	67

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

73

Анаева Е.А.	
Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации	73
Остапец О.Г.	
Государственное регулирование транспорта в зарубежных странах: современный опыт для России	78
Демина Р.Е.	
Информационное обеспечение раскрытия преступлений: пути оптимизации	83
Кондакова И.В.	
Соглашение о разделе продукции как специфический вид инвестиционных договоров: публично-правовая и гражданско-правовая природа договора в сопоставлении с конструктивными особенностями других договоров	87

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

93

Песегова Е.В.	
Контурь высшего образования в системе национальной безопасности	93
Головко С.В.	
Социальная обусловленность высшего образования в современной России	99
Пономарева Е.В.	
Сетевая модель сотрудничества университетов как габитус современной системы высшего образования	105
Смирнова К.С.	
Конституционно-правовые основы социально-демографической политики субъектов Российской Федерации в рамках Года семьи	110

Лазарева Е.В.

Конституционно-правовые основы социальной защиты молодых семей
в Российской Федерации: анализ путей реализации
приоритетного национального проекта «Здоровье» 115

Шокина И.Н.

Практика социальной реабилитации инвалидов
с помощью занятия спортом в Саратовской области 119

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
РОССИИ
125**

Логинова Л.В.

Сущность и основные концепции интересов
субъектов хозяйствования 125

Воробьева Д.А.

Социально-экономические детерминанты
современного российского агропромышленного комплекса 133

Палади А.А.

Феномен лидерства в современных социологических концепциях
культурного человеческого капитала 137

Маркелов В.В.

Гарантированный доход
в контексте трансформации российского общества 144

Березняк О.Л.

Социально-экономический потенциал пожилых
в современном российском обществе 149

Курышов И.В.

Специфика молодежного рынка труда 154

Ягубов Ш.Р.

Истоки и динамика становления
теории внешнеэкономического маркетинга 158

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ
164**

Епифанова Н.Н.

Нравственный идеал
как основание жизненного мира человека 164

Залевский А.В.

Идея природного совершенства в контексте дебатов
вокруг будущей эволюции человека
(философско-антропологический анализ) 169

Жукова Е.И.	
Методологические аспекты изучения корпоративной культуры сотрудников милиции	174
Новгородов А.В.	
Роль информационной культуры в профессиональной деятельности офицерских кадров	180
Судаков А.Ю.	
Политические технологии в формировании позитивного имиджа Вооруженных Сил Российской Федерации	185
Романова Е.Н.	
Повседневность военного училища как среда формирования военно-патриотической идентичности	190

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ. РЕЦЕНЗИИ 196

Тарский Ю.И.	
Рецензия на монографию: Наумов, С. Ю. Региональная государственная политика в сфере межэтнических коммуникаций. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2008. – 156 с.	196
Кузнецов И.И.	
Рецензия на монографию: Жирнов, Н. Ф. Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие идеи Эдмунда Бёрка в теории и практике / под ред. Ю. В. Ирхина. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2007. – 238 с.	198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 204

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Kolchina V.S.

The Balance between Benefits and Risks
in Political and Managerial Decision-Making4

Maryatov I.V.

The Process Approach to the Investigation
of Municipal Authorities' Work 11

Kistankin D.A.

Origin of Non-Formal Practices of Regional Public Authorities
in the Field of Migration Policy 16

Rasgonnikova N.V.

The Problems of Migration Streams Regulation
(the Astrakhan Region Example) 20

Radionova K.V.

Transformation of the Russian Language Policy
in Conditions of Globalization 27

Biryukova O.A.

The Problems and the Prospects of Sub-Regional Integration Alliances:
The Central Asia's Vector 32

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

38

Zhirnov N.F.

The Archetypes of the Political Consciousness
of the Modern Russian Society 38

Valuev V.G.

Ways of Patriotism Formation in Modern Russia 45

Shevelev A.A.

Dynamics in Attitude of Public Authorities towards
Contract-Based Army 49

<i>Tychkov G.I.</i>	
Liable for Military Service Men of the Russian Regions	54
<i>Akaev D.V.</i>	
Place of the Internet Communities in the Modern Political Process	57
<i>Kalyamin A.K.</i>	
Institutional Characteristics of the Regional Information Space	62
<i>Pronyushkina E.V.</i>	
Dynamics of Ethno-Sociology Formation in Russia	67

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

73

<i>Anaeva E.A.</i>	
The Constitutional and Legal Status of Public Prosecutor's Office in the Russian Federation	73
<i>Ostapets O.G.</i>	
State Regulation of Transport in Foreign Countries: Contemporary Experience for Russia	78
<i>Demina R.E.</i>	
Informational Support in the Investigation of Crimes: Ways of Optimization	83
<i>Kondakova I.V.</i>	
Production Sharing Agreement as a Specific Type of Investment Contracts: the Comparison of Public and Civil Nature of the Type with the Constructive Features of Other Contracts	87

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

93

<i>Pesegova E.V.</i>	
Higher Education Outlines in the System of National Safety	93
<i>Golovko S.V.</i>	
Social Conditionality of Higher Education in Modern Russia	99
<i>Ponomareva E.V.</i>	
Net Model of University Collaboration as the Habitus of the Modern System of Higher Education	105
<i>Smirnova K.S.</i>	
Constitutional Bases for Social-Demographic Policy of the Russian Federation Subjects as Part of "the Family Year" Project	110
<i>Lazareva E.V.</i>	
State-Legal Basis of Young Families' Social Security in the Russian Federation: Priority National Project "Health" Implementation Analysis	115

Shokina I.N.

Practice of Disabled People Rehabilitation with the Help of Physical Training of Saratov Region	119
--	-----

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

125

Loginova L.V.

Essence and Main Concepts of Economic Subjects' Interests	125
---	-----

Vorobjeva D.A.

Social and Economic Determinants of Modern Russian Agriculture	133
--	-----

Palady A.A.

Leadership Phenomenon in Contemporary Sociological Concepts of Cultural Human Resources	137
--	-----

Markelov V.V.

Basic Income in the Context of the Russian Society Transformation	144
---	-----

Bereznjak O.L.

Social and Economic Potential of the Aged in the Modern Russian Society	149
--	-----

Kuryshov I.V.

Specific Character of Youth Labor Market	154
--	-----

Yagubov S.R.

Sources and Dynamics of the External Economic Marketing Theory Formation	158
---	-----

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

164

Epifanova N.N.

Moral Ideal as the Basis of the Human "Lebenswelt"	164
--	-----

Zalevsky A.V.

The Idea of Natural Perfection in the Context of Debates on the Future Human Evolution (Philosophical-Anthropological Analysis)	169
---	-----

Zhukova E.I.

Methodological Aspects of Studying Militiamen's Corporative Culture	174
--	-----

Novgorodov A.V.

The Role of the Information Culture in the Professional Activities of the Officers' Staff	180
--	-----

Sudakov A.Yu.

Political Technologies in the Positive Image Formation of the Russian Federation Armed Forces	185
--	-----

Romanova E.N.

Military Schools' Daily Routine as the Environment of the Military-Patriotic Identity Formation	190
--	-----

**SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE.
REVIEWS**

196

Tarsky Yu.I.

Naumov S. Yu. Monograph Review: Regional State Policy in the Sphere of Interethnic Communication. – Saratov : Volga Region Academy for Civil Service named after P. A. Stolypin, 2008. – 156 pp.	196
--	-----

Kuznetsov I.I.

Zhirnov N. F. Monograph Review: Conservatism and Neo-Conservatism: Political and Managerial Ideas of E. Burke in Theory and in Practice / Ed. by Yu. V. Irkhin. – Saratov : Volga Region Academy for Civil Service named after P. A. Stolypin, 2007. – 238 pp.	198
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

204

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Научный журнал

№ 3 (16)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2008 г., п. № 599

Подписано к печати 22.09.2008 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 17,74. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500. Заказ 63.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

Akaev D.V.

Place of the Internet Communities in the Modern Political Process

The article considers the urgent problems of the internet-communities formation in Russia, their interactions with government bodies. The author pays special attention to the developing political blog-sphere in comparison with the western similarities. The conclusions are made about the further prospects of modern information technologies influence on political processes.

Anaeva E.A.

The Constitutional and Legal Status of Public Prosecutor's Office in the Russian Federation

The article analyses active Russian legislation in the context of the urgent changes in the status of public prosecutor's office in the RF.

Bereznjak O.L.

Social and Economic Potential of the Aged in the Modern Russian Society

The article is devoted to consideration of social-economic potential of the aged in Russia. The author concludes that the aged citizens are able to influence considerably the country reformation process.

Biryukova O.A.

The Problems and the Prospects of Sub-Regional Integration Alliances: The Central Asia's Vector

The author analyses the issues of Central Asian republics integration alliances. The prospect of Russian participation in the integration processes running in the area is examined.

Valuev V.G.

Ways of Patriotism Formation in Modern Russia

The article considers the patriotism awareness by public authorities and the ways of its formation at federal and regional levels. Specific attention is paid to the problems going along with the process of patriotism formation in modern Russia.

Vorobjeva D.A.

Social and Economic Determinants of Modern Russian Agriculture

Opportunities of optimizing the process of reforming the Russian agriculture with the regard for the traditional administrative techniques of rural society are considered. Socio-cultural features of the Russian peasantry and their influence on efficiency of reforming the rural economic structure are considered.

Golovko S.V.

Social Conditionality of Higher Education in Modern Russia

The author considers higher education obtaining as a strategically important goal of an individual in the modern society. The influence of presence of higher education on the individual position in social stratification is analyzed. Modern postindustrial society requirements to an educational level of the employees are investigated.

Demina R.E.

Informational Support in the Investigation of Crimes: Ways of Optimization

The effectiveness of law enforcement agencies work in prevention, disclosing and investigation of crimes is impossible without timely sufficient and high quality informational support. Preventive information may be obtained in general by using methods and resources of operative-investigational activity in rational combination with technical-criminalistical means and methods that should be improved.

Epifanova N.N.

Moral Ideal as the Basis of the Human "Lebenswelt"

The author analyses the issues of the moral ideal on the basis of Husserl's concept of the "Lebenswelt" and assigns a new formulation to a gnosseological constituent, revealing ontological possibilities for defining initial moral ideal of the "Lebenswelt" as a specific subject of the modern transcendental idealism. A new horizon of the "Lebenswelt" perception is defined by the magnitude of the modern upbringing and education system.

Zhirnov N.F.

The Archetypes of the Political Consciousness of the Modern Russian Society

The author examines the dynamics of the political consciousness of the contemporary Russian society and marks out the principal traits that are specific for Russian society. The influence and the significance of the principal conservative ideas in the Russian society are shown.

Zhukova E.I.

Methodological Aspects of Studying Militiamen's Corporative Culture

The article proves that further understanding of militiamen's professionalism is resulted from the inclusion of cultural components of their activities. The competence of law-enforcement agencies staff is attainable in condition of their knowledge of the language, stereotypes and values of the subjects of subculture within the area of their activity.

Zalevsky A.V.

The Idea of Natural Perfection in the Context of Debates on the Future Human Evolution (Philosophical-Anthropological Analysis)

From the position of the transcendental principle of the bodily and spiritual unity, developed in German idealism, natural perfection of a person is analyzed, and criticism of the liberal eugenics ideology is given. Physical perfection of a person is considered in the light of freedom theology.

Kalyamin A.K.

Institutional Characteristics of the Regional Information Space

The article considers the phenomenon of regional information space as a part of regional political communication. The author provides a definition and institutional characteristics of this phenomenon.

Kistankin D.A.

Origin of Non-Formal Practices of Regional Public Authorities in the Field of Migration Policy

In the modern political science there are western and Russian approaches to determine major factors in non-formal practices' origin in the field of migration policy. The author analyses the term "non-formal practices" of regional public authorities, as well as their origin in the field.

Kolchina V.S.

The Balance between Benefits and Risks in Political and Managerial Decision-Making

The article analyses the balance between benefits and risks in political and managerial decision-making. Benefits and risks are involved in the very process of political and managerial decisions' making as well as they might become the consequences of decision implementation.

Kondakova I.V.

Production Sharing Agreement as a Specific Type of Investment Contracts: the Comparison of Public and Civil Nature of the Type with the Constructive Features of Other Contracts

The author shows the differences between many investment contracts. Juristic nature of production sharing agreement is analyzed and its peculiarities in comparison with other contracts are represented.

Kuryshov I.V.

Specific Character of Youth Labor Market

The article is devoted to the specific character of youth labor market. The author considers the problem of the youth adaptation to the market conditions as the modern situation in the sphere of work and employment puts the youth in a very complicated position.

Lazareva E.V.

State-Legal Basis of Young Families' Social Security in the Russian Federation: Priority National Project "Health" Implementation Analysis

The legal mechanisms of the priority national project "Health" implementation in some regions are analyzed. The article examines the legislation practice in this sphere in the Russian Federation subjects. The author proposes several ways of health legislation improvement in Russia.

Loginova L.V.

Essence and Main Concepts of Economic Subjects' Interests

The article gives the overview of methodological approaches to studying the system of interests. The economic interests are considered as socio-economic ones. An economic subject creates social and economic relations with certain contractors thus providing the interests realization.

Markelov V.V.

Basic Income in the Context of the Russian Society Transformation

The article is devoted to description of the social security system, which is called a basic income. The basic income is viewed as an alternative to the liberal system of the address social

support. The research is done within the framework of the institutional sociological theory and includes materials of domestic and foreign experts.

Maryatov I.V.

The Process Approach to the Investigation of Municipal Authorities' Work

The article deals with the process approach and shows its value and importance for municipal authorities' practical work. The author offers the classification of processes designed on operational definitions foundations.

Novgorodov A.V.

The Role of the Information Culture in the Professional Activities of the Officers' Staff

The article deals with the role of the information culture in the professional activities of the officers' staff of the Russian Federation Armed Forces. The social importance of this phenomenon at the present stage of the Armed Forces' reform is defined.

Ostapets O.G.

State Regulation of Transport in Foreign Countries: Contemporary Experience for Russia

The author considers the foreign experience of the modern transport systems development in the world leading countries – the USA, Great Britain, Germany, Japan and France. The competence of the centralized transport management body is analyzed and typical peculiarities of administrative and legal regulation of cargo and passenger transportation are revealed.

Palady A.A.

Leadership Phenomenon in Contemporary Sociological Concepts of Cultural Human Resources

The approaches of various sociological schools to the essence of leadership phenomenon are analyzed. The leadership is considered as a form of cultural human resources, its contents are defined and its major traits are grounded.

Pesegova E.V.

Higher Education Outlines in the System of National Safety

The article is devoted to theoretical and empirical grounds and scientific actualization of Russian society security problems in general and of personal security in particular. The author is aimed at daily contexts revelation of higher school functioning as a social institution. The importance of higher education reforms in the context of the Russian national security problems is shown.

Ponomareva E.V.

Net Model of University Collaboration as the Habitus of the Modern System of Higher Education

University collaboration on the international arena became the habitus (according to the P. Bourdieu theory) of the modern sphere of higher education. The common educational field is formed, which functions through national and geographical borders. The net model of university collaboration is the main reflection of the existence of this field.

Pronyushkina E.V.

Dynamics of Ethno-Sociology Formation in Russia

Sources of scientific studies of ethnic problems in the Soviet Union and the Russian Federation are considered. Changing dynamics of interethnic processes from the middle of the XX century up to now is studied. The author contributes the practices of interethnic relations studies by former Soviet republics experts.

Radionova K.V.

Transformation of the Russian Language Policy in Conditions of Globalization

The author examines political practice of the Russian Federation in the sphere of language relations in conditions of globalization. It is accented that language policy is one of the most important for Russia in international relationship. The author considers the changes of directions in language policy that are connected with the processes of globalization and evaluates their positive and negative sides.

Rasgonnikova N.V.

The Problems of Migration Streams Regulation (the Astrakhan Region Example)

The author considers the problems connected with migration streams regulation at the regional level, gives a number of proposals on migratory streams regulation and the modern legislation analysis and considers the further prospects of regulation of the migration situation in the region.

Romanova E.N.

**Military Schools' Daily Routine
as the Environment of the Military-Patriotic Identity Formation**

The article provides the analysis of cadet's daily routine which includes transition rituals and counter-cultural phenomena, body practices, spatial-temporal organization of vital activity. All these components form an environment for the military-patriotic identity formation when cadets gradually accumulate new experience and realize themselves as officers.

Smirnova K.S.

**Constitutional Bases for Social-Demographic Policy of the Russian Federation Subjects
as Part of "the Family Year" Project**

The author considers and compares measures on increase of birth rate and strengthening of family institution as part of social-demographic policy of some regions. In the article the legislation of RF subjects accepted and operating as part of the Family Year project is analyzed, and on the basis of positive regional practice of demographic development a number of proposals on the federal legislation improvement is given.

Sudakov A.Yu.

Political Technologies in the Positive Image Formation of the Russian Federation Armed Forces

The article considers the role of political technologies in the positive image formation of the Russian Federation Armed Forces. The author defines the specific characteristics of this process in the contemporary society and the social importance of this phenomenon at the modern stage of armed forces' reform.

Tychkov G.I.

Liable for Military Service Men of the Russian Regions

The author analyzes the influence of separate modern regional processes on mobilization readiness of Russian Federation Armed Forces, formulates the problems of the mobilization readiness of the Russian Federation Army and suggests some measures for its improvement.

Shevelev A.A.

Dynamics in Attitude of Public Authorities towards Contract-Based Army

Two factors play an important in the process of reformation of the Russian Federation Armed Forces: historical and social. Transformation of the RF Military Forces into contract-based ones ended with failure as either historical or social factors were taken into consideration. Contemporary public policy tends to equally consider them both basing on principles of prestige and current situation.

Shokina I.N.

Practice of Disabled People Rehabilitation with the Help of Physical Training of Saratov Region

The author considers opportunities of social adaptation of invalids by means of physical training. The author proves that physical training can help disabled people improve their health and become an equal member of modern Russian society. The experience of the adaptive sports activities among disabled people of the Saratov area is considered.

Yagubov S.R.

Sources and Dynamics of the External Economic Marketing Theory Formation

Considering modern economic processes in the international trade the author studies their methodological basis in the economic science. Works by A. Smith, G. Ricardo, G. Mill, E. Heckscher, B. Ohlin, V. Leontev are analyzed. Arguments for the necessity of international trade development at a global level are suggested.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале «Вестник ПАГС»**

1. Статьи должны быть написаны на актуальные темы по обозначенным в Перечне ВАК РФ направлениям (философия, культурология, социология, право, политология). В содержательном отношении желательно, чтобы имела связь с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе. Объем статьи должен составлять 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом).

4. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]).

5. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора и формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ 7.1–2003. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

6. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация статьи с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, кодов УДК и/или ББК (только на русском языке), и/или DOI, и/или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова или словосочетания (не более пяти);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

7. Статьи оцениваются внешними рецензентами, членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС соответствующего профиля.

Ответственный секретарь научного журнала «Вестник ПАГС»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)